

Александр Сергеевич Пушкин: Путь к православию

© Издательство "Отчий дом", Москва, 1996.
© Составление и комментарии А.Н. Стрижнев, 1997.
© Библиотека Веб-Центра "Омега".

Содержание

От составителя

Проф. И.М. Андреев

А.С. Пушкин (Основные особенности личности и творчества гениального поэта)

Митрополит Анастасий (Грибановский)

Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви

Епископ Антоний (Храповицкий)

Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г.

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Пушкин как нравственная личность и православный христианин

Пушкин-патриот

Протоиерей Иоанн Восторгов. Вечное в творчестве поэта

Архиепископ Никанор (Бровкович)

Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его

Профессор Иван Ильин. Пророческое призвание Пушкина

В. Лепяхин. "Отцы пустынноики и жены непорочны..."

Приложение

В. Пигалев. Пушкин и масоны

Борис Башилов. Пушкин и масонство

Духовная победа Пушкина над вольтерьянством и масонством

Поэт и царь

Библиография

От составителя

Сборник "Религиозный облик Пушкина" - первая попытка собрать воедино литературные работы известных иерархов Православной Церкви, церковных публицистов, отечественных филологов и мыслителей, потрудившихся над прояснением религиозного облика поэта. Потребность в такой книге ощущалась давно. Еще в 1933 г. философ С.Л. Франк задавался целью "остановиться на религиозном сознании Пушкина. Из всех вопросов пушкиноведения эта тема менее всего изучена; она, можно сказать, почти еще не ставилась. Между тем, это есть тема величайшей важности не только для почитателей Пушкина: это есть в известном смысле проблема русского национального самосознания" ("Путь". Париж, 1933, № 40). Некоторое время спустя, уже к 100-летию со дня гибели гениального "учителя России" (выражение В.А. Жуковского) этот пробел в пушкиноведении начал восполняться. Появились серьезные исследования в Харбине, Париже, Праге, Белграде, во многих других местах, где нашли себе приют авторы исследований - беженцы из большевистской России. В отрыве от Родины они по-новому прочли Пушкина, и классовый подход к истолкованию его творений для них стал неприемлем. Тогда же проф. К. Зайцев, впоследствии архимандрит и

известный публицист, в статье "Религиозная проблема Пушкина" пришел к выводу: "Духовным здоровьем дышит поэтическое творчество Пушкина. Назовите другого писателя, чтение которого доставило бы такую умиротворяющую и возвышенную радость, навевало бы такое душевное спокойствие, и это несмотря на то, что ставит оно вопросы иногда предельно трудные и остро волнующие" (Россия и Пушкин. 1837-1937. Харбин, издание Русской академической группы, 1937, с. 45.)

С сожалением отметим, что в послереволюционной России никакие "академические группы" не ставили, да и не могли себе ставить целью исследовать духовный мир Пушкина. Этим разве что занимались одиночки, без расчета на публикацию. Правда, официальной пушкинистикой в России за последние 80 лет сделано огромное дело: проведена большая текстологическая работа, выявлены новые тексты поэта, по-новому филологически осмыслен весь корпус наследия, основательно изучена литературная и бытовая среда и в целом эпоха, на которую пришлась жизнь Пушкина. Но религиозное осознание творчества поэта и поныне для нее во многом остается табуированной темой, хотя официальная, нормативная публицистика постепенно и избавляется от табуирования в подходах к своим исследованиям.

Наш тематический сборник далеко не полностью вобрал в себя имеющиеся материалы. Чтобы избежать смысловых повторов и длиннот с чисто умозрительными рассуждениями, пришлось прибегнуть к строгому отбору накопленного. В книгу не включены и многие статьи о Пушкине известных русских философов, с которыми читатели могут познакомиться по сборнику "Пушкин в русской философской критике" (М., "Книга", 1990) и по собраниям сочинений этих мыслителей. Состав сборника ограничен целью донести до наших современников свод религиозных представлений о творчестве Пушкина, оставленных нам богословами и богоискателями, причем материалы даны в историко-хронологической последовательности.

В заключение заметим, что многочисленные цитаты в текстах тщательно выверены по авторитетным источникам; допущенные в оригиналах погрешности исправлены без специальных оговорок. Постраничные примечания - авторские, дополнения составителя заключены в угловые скобки. Материалы, кроме оговоренных особо, публикуются без сокращений.

Проф. И.М. Андреев¹

А.С. Пушкин (Основные особенности личности и творчества гениального поэта)

Для того чтобы правильно рассмотреть большую картину, надо встать перед ней не слишком близко и не слишком далеко. Если мы будем смотреть слишком близко, то детали

¹ *Иван Михайлович Андреев* (наст. фам. Андреевский) родился в Санкт-Петербурге 14 марта 1894 г. в семье потомственных медиков: его предок лечил умирающего Пушкина. Учился в Введенской гимназии, затем в гимназии Видамона; увлекался либеральными идеями переустройства общества. И отошел от Церкви. В 1914 г. Андреевский поступил на философский факультет Сорбоннского университета, где слушал лекции известных профессоров, в частности, Анри Бергсона (1859-1941), учением которого одно время увлекался. В 1917 г. вернулся в Россию, где вновь воцерковился. В период обновленчества был ярким его противником. Работал в Бехтеревском институте психиатрии. В 1927 г. возглавлял депутацию от Санкт-петербургской епархии к митрополиту Сергию (Страгородскому) для уяснения церковной позиции священноначалия после издания известной декларации о лояльности к установившейся после революции 1917 г. власти. В 1929 г. был арестован и до 1931 г. находился в заключении на Соловках. После освобождения из концлагеря - ссылка. С 1937 по 1941 г. работал главным психиатром областной больницы в Новгороде. Во время оккупации вместе с философом С.А. Аскольдовым сотрудничал в местных газетах, затем уехал в Германию, где жил до 1950 г., до переезда в США, где и скончался 30 декабря 1976 г.

заслонят от нас целое и мы, как говорится, "из-за деревьев не увидим леса"; если же, наоборот, мы будем смотреть издалека, то не заметим драгоценных деталей и тонких нюансов, часто являющихся ключом к пониманию целого. Иными словами, необходимо найти так называемую "фокусную" точку зрения, которая даст нам правильное впечатление и о деталях, и о целом.

Такая "фокусная" точка зрения существует и в духовном восприятии личности человека. Ее очень трудно найти. Родные и близкие обычно знают все мелочи и недостатки человека, но часто не понимают личности в целом; чужие и дальние - схватывают только поверхностную целостность, но не видят и не понимают деталей и нюансов. Особенно трудно воссоздать и правильно представить личность человека отдаленной эпохи, то есть историческую личность. Историк и, особенно, историк литературы обязан найти такой "фокус" для правильного истолкования изучаемой личности. Материалами для правильного понимания писателя служат: объективная, строго документированная биография; автобиографические сведения и дневники; черновые рукописи, с их поправками, исправлениями, набросками, заметками, планами; записные книжки и письма; воспоминания современников (чем их больше, чем они разностороннее, чем разнообразнее и даже чем они более противоречивы - тем лучше).

Настоящая работа и представляет собой такую попытку найти "фокусную" точку зрения по отношению к Пушкину и дать правильный и целостный образ как личности поэта, так и его творчества.

Пушкин - величайший, гениальный поэт русской и мировой литературы. Пушкин - один из величайших деятелей национальной русской духовной культуры. Пушкин - творец русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы, которую он поднял так высоко, что она заняла первое место в мире. С русской литературой XIX века может соперничать только древнегреческая литература. Пушкин завершил в русской литературе все ценное до него и породил **все** ценное после него. "Пушкин - это наше **все**" (Аполлон Григорьев).

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в дворянской помещичьей семье (отец его был майор в отставке), 26 мая 1799 года, в четверг, в день праздника Вознесения Господня. Эти сведения о месте и времени рождения Пушкина можно рассматривать как некие символы. Величайший русский национальный поэт - родился в Москве, в сердце России, и сам стал сердцем русской литературы; он родился в чудесном весеннем месяце мае - и явил собою светлую дивную весну чудесной русской литературы. Пушкин родился в последний год XVIII века - блистательного века классицизма - и взял от него самое ценное: способность в художественном творчестве умом охлаждать страсти и кипучую действительность жизни преобразовывать в холодный мрамор словесной скульптуры; а затем, уже силой своего личного гения, одухотворять этот мрамор и претворять его в реальную живую жизнь. Пушкин родился в день Вознесения - и весь его жизненный и творческий путь явил собою непрерывное восхождение к недостижимому на земле истинному идеалу Совершенства, который, в его понимании, представлял собою триединый тройственный образ Истины, Добра и Красоты. Неслучайно и последние предсмертные слова его - "выше, пойдем выше" - звали стремиться ввысь.

Между прочим, в день рождения Пушкина по всем церквам шли молебны, гудели колокола и на московских улицах народ кричал "ура". Москва в этот день праздновала рождение внучки императора Павла. Случайное совпадение двух событий (а существует ли, вообще, в Божьем мире случайность?) привело к тому, что в день рождения величайшего гения России было народное ликование и колокольный звон.

Жизнь гения всегда трагична. "Много дано - много и спросится". Дстойное несение великого бремени гениальности - тяжелый крест. Жизнь Пушкина была исключительно трагична и представляла собою, прежде всего, непрерывный нравственный подвиг непрерывной борьбы со своими страстями. От рождения Пушкин получил очень тяжелую порочную наследственность как со стороны отца, так и со стороны матери. Чрезвычайно

рано проснувшиеся страсти истязали чуткую и нежную по природе душу поэта в течение всей его жизни.

Как известно, Пушкин по материнской линии был правнуком знаменитого "арапа Петра Великого" и унаследовал бурные "африканские страсти" своего прадеда.

Сам поэт в "Автобиографии" (1834?) сообщает жуткие данные о своей наследственности. Вот что он пишет о предках.

"Прадед мой <по отцу> Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого Андреевского Кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович <...> был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась <...>

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. <Это и был знаменитый и известный своей судьбой "арап Петра Великого", которому была дана фамилия Ганнибал.>

В семейственной жизни прадед мой Ганнибал, - пишет Пушкин, - так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре <...> Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх <...> родила ему множество черных детей обоюбого пола <...>

Дед мой, Осип Абрамович <...> женился на Марье Алексеевне Пушкиной <...> И сей брак был несчастлив <...>. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой <...> Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре".

Отец поэта, Сергей Львович Пушкин (1770-1848)² получил светское французское воспитание в духе вольнодумства XVIII века. В основе этого воспитания лежала скептически-атеистическая французская философия и эротическая французская литература. Особый успех он имел в салонных играх, требовавших остроумия и игривости ума. Был он прекрасный актер и декламатор, мастерски читал Мольера, писал легкие французские и русские стихи. Интересуясь литературой, был лично знаком с Дмитриевым, Карамзиным, Жуковским, Батюшковым и другими литераторами. Летом 1814 года он вступил в масонскую ложу "Северного Щита"³, но активного участия в ней не принимал. Будучи бессердечным эгоистом, он имел склонность к чувствительности и слезливости, любил патетические вопли и декламационные жесты. Основная черта его личности была

² Пушкин Сергей Львович (1770-1840), отец поэта. Всем своим детям он дал "французское образование". Пренебрежительное отношение к детям способствовало взаимному отчуждению. В пору Михайловской ссылки А.С. Пушкина (1824-1826) отношения между отцом и сыном окончательно утвердились как враждебные, несколько сгладившись только перед смертью поэта.

³ Масонская ложа "Северный Щит" основана в 1784 г., была закрыта в самом конце XVIII в. и возобновлена в 1809 г. Символический смысл названия этой ложи раскрывается в книге Дарьи Лотаревой "Знаки масонских лож Российской империи" (М., 1994): "В масонском ритуале в 32 степени древней и принятой шотландской системы брат носил меч и щит. "Щит" знаменовал крепость границ, означал "государственный щит". В одном из ритуальных представлений аллегория "Безопасность границ" появлялась без щита. Вся деятельность этой ложи на территории России велась в пользу польских сепаратистов".

постоянная душевная фальшивость и актерство в жизни. К детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен. Никакой душевной близости с ними у него никогда не было. Никакой душевной ласки дети никогда от него не имели. Сергей Львович умер 78 лет, в 1848 году, на 11 лет пережив своего великого сына. Двенадцать лет он прожил одиноким вдовцом. Однако продолжал изысканно одеваться, балагурить, ухаживать за молодыми девушками и даже 10-летними девочками, влюблялся в них и писал любовные стишки. Несколько раз он сватался к молодым девицам, будучи на 50-60 лет старше их. Между прочим, он ухаживал за А.П. Керн, которую воспел Пушкин, писал ей страстные любовные письма, а затем влюбился в ее дочь, Екатерину Ермолаевну, подбирал и ел кожицу от клюквы, которую она выплевывала... За несколько дней до своей смерти он умолял ее выйти за него замуж... Таким "павианом во фраке" был отец Пушкина.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал⁴, была легкомысленной, ветреной, избалованной и капризной женщиной. Она была очень хороша собой, и в свете ее прозвали "прекрасной креолкой". Мало интересуясь французской философией, она знала французскую литературу, вполне сходясь в этом отношении во вкусах со своим мужем, очаровывая светское общество не только своей красотой, но и остроумием и веселостью. Питала отвращение ко всякому труду и, подобно мужу, запустившему управление имениями, она совершенно запустила свое домашнее хозяйство. Надежда Осиповна была вспыльчива, властна и взбалмошна. Муж находился у нее под башмаком. У нее было трое детей: старшая дочь Ольга⁵, сын Александр (поэт), - которых она не любила, и младший сын Лев⁶, которого обожала. Старших детей она часто подвергала несправедливым и унижительным наказаниям. Никакой материнской ласки старшие дети не знали. Поэтому, когда 12-летнего отрока Пушкина повезли в Петербург для помещения в Лицей - он покинул родителей без всякого сожаления.

Надежда Осиповна умерла ровно за 10 месяцев до трагической кончины своего великого сына. Умерла она в первый день Светлого Христова Воскресения, в самую заутреню, 29 марта 1836 года. В последний год ее жизни, когда она серьезно заболела, Пушкин стал чрезвычайно внимателен и почтителен к ней, проявляя искреннюю заботливость и нежную любовь. Баронесса Е.Н. Вревская⁷ в заметке, бывшей в распоряжении историка М.И. Семевского ("Русский Вестник", 1869, № 11, 89), сообщила по этому поводу очень ценные сведения: "Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (Льва), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такой нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она поняла свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал..."

Брат отца, дядя Пушкина Василий Львович (1767-1830), второстепенный, но известный в свое время поэт, был немногим лучше своего брата. Писал он, подражая стилю Дмитриева и Карамзина, послания, элегии, басни, сказки, сатиры - обычно легкомысленного, а порой и непристойного содержания, вкрапывая для остроты в свои произведения даже и совсем неприличные слова. Пушкин ценил дядю и его стихи только в самой ранней юности. Позднее же он постоянно отзывался о нем с насмешкой и пренебрежением, а иногда с горьким сожалением. В 1830 году, незадолго до смерти Василия Львовича, Пушкин писал о нем Вяземскому: "Бог знает, чем и зачем он живет".

⁴ Пушкина Надежда Осиповна, урожд. Ганнибал, мать поэта, 1775-1836.

⁵ Пушкина Ольга Сергеевна, сестра поэта, в замужестве Павлищева, 1797-1868.

⁶ Пушкин Лев Сергеевич, брат поэта, 1806-1852.

⁷ Вревская Евпраксия Николаевна, урожд. Вульф, бар., 1809-1883.

Правильное воспитание и моральная среда, в которой живет и развивается ребенок, могут во многом парализовать тлетворное влияние порочной наследственности. Но Пушкин был лишен и этого. Воспитание, которое он получил в семье и в школе (в Лицее), нельзя назвать иначе, как развращающим и растлевающим сердце и ум.

Пушкин родился почти уродом. Обезьяноподобный, волосатый, он рос вялым, малоподвижным, тупым, угловатым, неуклюжим ребенком, ужасавшим своим видом и поведением родителей. Затем он вдруг резко переменялся: стал, наоборот, необычайно подвижным, легко возбудимым, взрывным, оставаясь долгое время угловатым и неуклюжим. Недаром и прозвища впоследствии у него были: "Искра" и "Сверчок" (между прочим, нежный Жуковский называл его "сверчок моего сердца"). Африканская кровь предков по матери породила у Пушкина африканские страсти и создала его взрывной желчный темперамент. К этой крови присоединилась извращенная, порочная и преступная кровь его европейских предков со стороны отца, грозившая роковым образом предопределить на всю жизнь порочное развитие его моральной личности. Семейное и школьное воспитание во многом углубило тяжелую наследственность. Рано научившись читать, отрок Пушкин нашел в огромной библиотеке отца массу атеистической и эротической французской литературы, с которой жадно стал знакомиться. Запойное чтение этой развращающей сердце литературы питало рано пробужденные чувственные страсти, а скептические и атеистические идеи, преподносимые в ироническом и сатирическом освещении, развращали и юный ум.

Формально родители Пушкина не были чужды бытового Православия: они иногда служили молебны, приглашали на дом приходских священников, раз в год говели. Но случалось нередко, что после исповеди и причащения Святых Тайн, вечером того же дня, Сергей Львович (отец) или Василий Львович (дядя) декламировали кощунственные стихи Парни⁸, в которых автор издевался над церковными таинствами и обрядами. В семье Пушкиных, как и во многих других подобных семьях того времени, вообще господствовало ироническое отношение к религии, к Церкви и духовенству. Так как непристойные насмешки по этому поводу часто облекали в остроумные и соблазнительно привлекательные формы, то ребенок Пушкин, имея живой и насмешливый ум и повышенную восприимчивость, быстро и прочно усвоил себе эту манеру, которая **мутной** струей прошла через его жизнь и творчество в течение многих лет.

С ранних лет отданный на руки гувернанток и гувернеров сомнительной нравственности, и к тому же часто менявшихся, лишенный родительского внимания и ласки, вполне предоставленный бесконтрольной соблазнительности в выборе чтения, рано узнавший из неосторожных разговоров взрослых в гостиной, в лакейской и в девичьей о том, что на языке этих взрослых называлось "любовью", отрок Пушкин был уже глубоко отравлен ядом кощунства, цинизма и скепсиса, надолго развративших его живое творческое воображение. Очень рано чуткое ухо отрока познакомилось и с тем, что называется сквернословием, образцы которого, главным образом на русском языке (хотя дома говорили большей частью по-французски), он часто слышал. И привычка сквернословить долго и прочно держалась у Пушкина. Если не вовсе отучил, то во всяком случае весьма содействовал искоренению этой привычки у русского великого поэта его друг, великий польский поэт Мицкевич.

Все складывалось так, что Пушкин мог совершенно нравственно погибнуть. Но, к счастью, по милости Божией, даны были Пушкину и благие дары свыше; посланы были и добрые влияния на его жизненный путь, начиная даже с колыбели. Среди даров, посланных свыше, надо отметить врожденное большое доброе сердце, чрезвычайно чуткую совесть, повышенную моральную самокритику, исключительную высочайшую и чистейшую эстетическую одаренность вообще и светлый поэтический гений в особенности, особую ясность творческого ума и мужественную волю. При наличии этих врожденных подарков с неба - невозможно было не стать Пушкину религиозным, невозможно было ему не

⁸ *Парни Эварист де Форж*, французский поэт-вольнодумец, стихи которого носили ярко выраженный эротический характер, 1753-1814.

откликаться на благие влияния, зовущие к свету Божественной Истины, Добра и Красоты. Носителями таких благих и добрых влияний, посеявших в глубину глубин души Пушкина с ранних лет его детства и отрочества неумирающие семена подлинно "разумного, доброго, вечного" - были: бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, горячо и нежно любившая внука и, в свою очередь, любимая им; прославленная любимая няня Пушкина Арина Родионовна⁹; диакон Александр Иванович Беликов (окончивший Славяно-Греко-Латинскую академию), преподававший отроку Пушкину Закон Божий, русский язык и арифметику (с 1809 по 1811 г.); и, наконец, дядька Никита Козлов¹⁰, состоявший при Пушкине в детстве в Москве, затем, после окончания Лицея, в Петербурге; был при Пушкине в ссылке на юге и в селе Михайловском; служил камердинером после женитьбы Пушкина и отвозил со своим баринном тело матери поэта из Петербурга в Святые Горы; а в начале февраля 1837 года отвозил туда же гроб с телом самого поэта. Жандармский офицер Ракеев, по долгу службы сопровождавший гроб Пушкина, рассказывал: "Человек у Пушкина был... Что за преданный был слуга. Смотреть было даже больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, ни пьет" (В. Вересаев. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. I. С. 38).

Бабушка Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал (1745-1818), по общим отзывам, была очень умная и рассудительная женщина. Дельвиг, друг Пушкина, приходил в восторг от письменного слога Марии Алексеевны, от ее сильной простой русской речи. Когда ребенку грозило наказание от отца или матери (часто незаслуженное, жестокое и даже несправедливое), то он убегал к защитнице-бабушке, где его уже не трогали. Бабушка и няня Арина Родионовна рассказывали младенцу и отроку Пушкину народные сказки, а чтобы он не страшился их - учили его молиться и креститься и сами его крестили. В стихотворении "Сон" (1816 г.) Пушкин так об этом вспоминает:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
(трудно сказать, к кому это относится - к бабушке или к няне?)
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

В 1806 г. Мария Алексеевна, купила под Москвой прелестное сельцо Захарово, в котором Пушкины проводили летнее время. С няней Ариной Родионовной (1758-1828) Пушкин особенно сблизился и глубоко ее оценил в годы вынужденного своего пребывания в селе Михайловском. Не знавший в детстве и юности материнской ласки, Пушкин относился к горячо любившей его няне с истинно сыновней нежностью, трогательно называя ее в одном из своих стихотворений "голубка дряхлая моя".

⁹ *Арина Родионовна Яковлева*, (1758-1828), няня Пушкина. В 1799 г. бабушка поэта М.А. Ганнибал подписала вольную крепостной Арине, но она предпочла остаться у хозяев, где вынянчила Ольгу, Александра и Льва Пушкиных. По утверждению близких к Пушкину людей, он "никого истинно не любил, кроме няни своей" (А.П. Керн). И няня платила ему такой же привязанностью: "Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме" - ее слова. Более подробно см.: Ульяновский А.И. Няня Пушкина. М.-Л., 1940.

¹⁰ *Козлов Никита Тимофеевич*, (1758 - не ранее 1854), дядька поэта, служивший Пушкину на протяжении всей его жизни. Исполнял самые различные поручения, в том числе относил рукописи в цензуру и в типографию. На долю его выпала печальная участь - перенести раненого на дуэли Пушкина из кареты в квартиру. "Грустно тебе нести меня?" - спросил его Пушкин. В ночь с 1 на 2 февраля 1837 г. Никита Козлов вместе с А.И. Тургеневым выехал с телом Пушкина в Святогорский монастырь и не покидал своего "добротного барина" до самой могилы. Пушкин называл своего дядьку - "благообразный служитель".

Лето, проведенное отроком Пушкиным в селе Захарово, всегда освежало юную душу глубокими впечатлениями дивной русской деревенской природы. Но с наступлением осени надо было возвращаться в Москву, где соперники бабушки и няни - Вольтер, Руссо, Парни, Жак Вержье, Жан Грекур - снова завладевали и пленяли неопытное сердце и незрелый еще ум отрока-поэта.

Из массы прочитанных авторов французской литературы именно Вольтер и Парни долгое время владели умом и душой Пушкина. Именно этим двум авторам он старался подражать, восхищаясь изяществом бесстыдных их творений и тонкой язвительностью их кощунственной насмешки над религией. Это им, в конце концов, обязан Пушкин самым позорным грехом своей жизни: сочинением в 1821 г., в Кишиневе, кощунственно-циничной поэмы "Гавриилиада", облеченной в изящно-привлекательную поэтическую форму. Как известно, Пушкин от этой поэмы с мучительным стыдом и омерзением отрекался потом всю жизнь.

***Митрополит Анастасий (Грибановский)*¹¹**

Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви

Когда 29 января 1837 года скончался Пушкин, вся Россия облеклась в траур. Поминая его ныне, сто лет спустя (выход в свет настоящего очерка был приурочен к столетию со дня смерти великого поэта), мы совершаем свой национальный праздник, который разделяет с нами весь мир. Так смерть явилась для него началом бессмертия. Каждый великий народ имеет своего великого поэта, являющегося высшим выражением его творческого духа. Мы должны быть вечно благодарны Провидению, пославшему нам такого человека в лице Пушкина. По всеобъемлющей силе своего дарования, по благоухающей красоте своей поэзии, по богатству, гибкости и выразительности языка и тонкому чувству гармонии и меры, проникающему все его творчество, он стоит наравне с величайшими художниками мира.

Поэт и творец Божией милостью, он сам явился Божией милостью и благословением для Русской земли, которую увенчал навсегда своим высоким лучезарным талантом.

Истинный гений бессмертен. Он не знает над собою закона забвения и давности. Целое столетие уже отделяет нас от смерти нашего великого поэта, но он жив в каждом из нас. Если бы можно было разложить наш внутренний мир на его составные части, то в этой сложной психологической ткани мы нашли бы много золотых нитей, вплетенных в нее мощным пушкинским гением, ставшим неотъемлемой частью нашего духовного существа.

Сколько поколений воспитывалось на нем, принося к родникам его творчества, и, однако, он остался неисчерпаемым как океан, и даже как будто растет и расширяется для нас вместе со временем.

¹¹ *Анастасий* (Грибановский, 1873-1965), митрополит, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей (1936-1964).

Воспитанник Московской Духовной академии, там же возведен в сан иеродиакона и иеромонаха (1898). С 1901 г. - преподаватель, а затем ректор Московской Духовной семинарии; в 1906 г. - хиротонисан во епископа Серпуховского, 4-го викария Московского митрополита. В 1914 г. - епископ Холмский и Люблинский, с конца 1915 г. - Кишиневский и Хотинский. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917-1918 гг.. В 1919 г. эмигрировал за границу с митрополитом Антонием (Храповицким). Видный деятель заграничных Церковных Соборов, начиная с Первого (Сремские Карловцы, 1921). В 1936 г. митрополитом Антонием (Храповицким) возведен в сан митрополита. Богословские творения владыки изданы в 4 тт.

Работа "Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви" написана владыкой Анастасием к 100-летней годовщине гибели поэта. Впервые напечатана в Югославии в 1939 г. В нашем сборнике воспроизведен текст 2-го издания (Мюнхен, 1947), как наиболее авторитетный.

Его дарование лилось, так сказать, через край, как вода из переполненного сосуда. Прожив на земле только 37 лет, он успел оставить нам такое духовное наследство, что обогатило нас на все века и сделало его неумирающим учителем и вдохновителем для всех последующих поэтов и писателей. Он, как великан, возвышается над ними и, как пеликан, питает их своею кровью. И Гоголь, и Толстой, и Достоевский родились от его великого духа, воспламененные огнем его творческого вдохновения. Его мысль проникает во все области человеческого духа, озаряя их ярким светом, как молния. Сросшаяся с ней органическая художественная форма делает ее особенно яркой и выпуклой. Его стих - это пышная царственная одежда, блистающая чистым золотом и самоцветными камнями. Он ласкает не только наш внешний, но и внутренний слух, доказывая тем, что Пушкин и мыслил музыкально, как подобает истинному поэту. Подобно всем великим гениям, он поднялся на такую высоту, откуда он светит всему миру и где национальное уже претворяется в общечеловеческое.

Пушкин есть "всечеловек" по преимуществу, как ощутил и определил его в свое время другой великий русский писатель - Достоевский¹². Однако он плоть от плоти нашей, кость от костей наших; в нем каждый из русских людей невольно опознает самого себя, и это только потому, что он воплотил в себе всю Русь, которую возлюбил всем сердцем. Все, что украшает русскую народную душу - равнодушие к суетным земным благам, тоска по иному, лучшему граду, неутолимая жажда правды, широта сердца, стремящегося объять весь мир и всех назвать своими братьями, светлое восприятие жизни как прекрасного дара Божия, наслаждение праздником бытия и примиренное, спокойное отношение к смерти, необыкновенная чуткость совести, гармоническая цельность всего нравственного существа, - все это отразилось и ярко отпечаталось в личности и творчестве Пушкина, как в чистом зеркале нашего народного духа.

Богатство его державного русского языка ни с чем не сравнимо. Как некий царь, он рассыпает перед нами свои словесные перлы, полные блеска, изящества и вместе и благородной простоты, чуждой всякой напыщенной искусственности.

Пушкин ко всему подходит просто и естественно, как это искони свойственно русскому сердцу. У него нет предвзятых тенденций, как у Толстого и Достоевского, стремящихся подчинить им своего читателя. Он не пытался насиловать свой талант и не "мудрствовал лукаво": поэту ему открыто было более, чем кому-либо из других наших поэтов. Он берет всю действительность такую, "какою Бог ее дал". Он созерцает и

¹² Пушкин есть "всечеловек" по преимуществу... Владыка Анастасий пересказывает мысль Ф.М. Достоевского из очерка "Пушкин", больше известного как Пушкинская речь, произнесенная писателем 8 июля 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, приуроченном к открытию в Москве памятника поэту. В своей речи Федор Михайлович, в частности, сказал: "Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти священном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-настоящему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что тут такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк..."

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловекам, если хотите". (Ф.М. Достоевский. ПСС., т. 26, изд. "Наука", Л., 1984, с. 146-147).

зарисовывает ее картины спокойно и объективно, как истинный художник. Отсюда какая-то детская непосредственность, ясность и чистота его созерцания, акварельная легкость и прозрачность его рисунка, делающие его творения одинаково доступными всем возрастам. Мы воспринимаем его образы также просто и непосредственно, как саму природу. Это и есть та простота гениальности или гениальность простоты, которая особенно свойственна нашему поэту.

Вместе с художественной правдой Пушкин ищет везде и всюду правду нравственную, ибо одна неотделима от другой. Он всегда стремится быть искренним и с самим собою, и с своим читателем, что также составляет печать гения, как сказал еще Карлейль¹³. Искренность сердца, издавна присущая русскому человеку, порождает в нем и другую чисто русскую черту - смирение. А смирение возвышает его и самое его творчество, к которому он питал какое-то высокое, поистине религиозное благоговение. Он не только не превозносился своим гениальным дарованием, а скорее смирялся перед его величием. Вдохновение, посещавшее его в минуты поэтического озарения, приводило его в священный трепет и даже "ужас", он видел в нем "признак Бога", озарявший, очищавший и возвышавший его душу. Внемя "сладким звукам" Небес и созерцая сияние вечной божественной красоты, он подлинно в эти минуты "молился" сердцем и, свободный и счастливый, радовался своему духовному полету, возносившему его над всем миром.

Только такое трепетное отношение к данному ему свыше таланту могло внушить ему стихотворение "Пророк", которое справедливо считается одним из величайших его творений по силе художественного и духовного проникновения. Пушкин заимствовал свой образ из книги Пророка Исаии он глубоко и искренно воспринял его в свое сердце, доложив его к своему собственному поэтическому призванию. Поэт, по мысли Пушкина, как и пророк, получает свое помазание свыше, и очищается, и как бы посвящается на свое служение тем же небесным огнем. Столь же высоки и нравственные обязательства, возлагаемые на него его исключительным дарованием: он должен быть орудием воли Божией ("исполнись волею Моей") и своим вдохновенным глаголом жечь сердца людей. На такую высоту религиозного созерцания вознес Пушкина его светлый гений. Таков, впрочем, искони характер истинной поэзии: она всегда была "религии небесной сестра земная", как сказал некогда Жуковский¹⁴. Родившаяся из религиозных гимнов, она продолжает звучать высокими небесными мелодиями и тогда, когда перестала служить непосредственно религиозным целям. Ее сфера - это идеальный мир, полного воплощения которого нельзя найти на земле; здесь нам сияют только его отдаленные отблески. Устремление к горным высотам и вечному солнцу истины и красоты и составляет подлинную душу поэзии: это есть "божественный пафос", по слову Белинского, в котором наше сердце бьется в один лад со вселенной, в котором земное сияет небесным, а небесное сочетается с земным.

Чем ярче и светлее был поэтический дар Пушкина и чем бережнее и совестливее он относился к последнему, тем более он был чуток к "прикосновению Божественного глагола" и тем глубже сознавал свое призвание как божественное посланничество и своеобразное "пророчество", совершающее свою "священную жертву".

"Сны поэзии святой" представлялись ему как бы некоторым откровением, посещавшим его по особому велению свыше, помимо его собственной воли.

Муза - это поэтическое олицетворение его творческого дара - слетала к нему, как некая таинственная чудесная гостья, "оживляя" его свирель "божественным дыханием и

¹³ *Карлейль Томас* (1795-1881), английский писатель, историк и философ. В начале 30-х годов печатал в "Эдинбургском обозрении" цикл статей "Признаки времени", в которых явно просматривались его симпатии к консерватизму. Проповедовал т.н. "верующий радикализм", полагая в основу цивилизации нравственный долг.

¹⁴ *Жуковский Василий Андреевич* (1783-1852), поэт, придворный педагог, ближайший друг Пушкина. Митрополит Анастасий неточно цитирует выражение из драматической поэмы В.А. Жуковского "Камознс" (1839): "Поэзия небесной религии сестра земная" (См.: Соч. В.А. Жуковского. Изд. 8-е, под ред. П.А. Ефремова, т. III, СПб., с. 279)

сердце исполняя святым очарованием". Эпитеты "божественный и святой", которыми так часто пользуется Пушкин в применении к своему поэтическому вдохновению, не были только красивой метафорой: в них скрывается глубокий сакраментальный смысл, подлинное ощущение духовной связи поэта с иным, потусторонним миром. Не напрасно он требовал от своей музы такой отрешенности от мира, при которой она оставалась бы всегда только "велению Божию послушной", приемля равнодушно "хвалу и клевету" людей.

Таков был наш великий поэт на вершинах своего творчества: он подлинно был тогда религиозен, переживал какое-то особое, трепетное мистическое состояние, невольно передающееся каждому из нас при чтении его наиболее глубоких и проникновенных творений.

Но Пушкин был не только поэт, но и человек, и потому ничто человеческое не было чуждо ему. Спускаясь с горних творческих высот и погружаясь в заботы и наслаждения "суетного света", он утрачивал свой дар духовного прозрения. Его обезкрыленный ум, еще недостаточно дисциплинированный в юности, но отравленный в значительной степени ядом вольтерианства, не мог тогда собственными силами осмыслить мировую жизнь и разрешить все сложные загадки бытия. Отсюда началась для него трагедия оскудения веры, какую так глубоко изобразил он в своем раннем стихотворении "Безверие". Его мучила особенно тайна смерти, неразрешимая без утешительного света религии.

Он считал, однако, такое нравственное состояние ничем другим, как болезнью души и потому призывал снисходительнее и участливее относиться к тем, кто "с первых лет безумно погасил отрадный сердцу свет". Неверующий сам в себе носит свою кару:

Кто в мире усладит души его мученья?

Увы! Он первого лишился утешенья!

Постоянное возбуждение, поддерживаемое в нем пылом "африканских" страстей, неудовлетворенностью своим материальным положением, столкновениями с правительством и враждебными ему критиками, всего менее способствовали спокойной работе его испытующей мысли, искавшей выхода на истинный путь. В такие моменты временно как бы помрачался его светлый гений и его гармоническая лира издавала диссонирующие звуки. Будучи "зол на весь мир", он рад был бросить вызов и правительству, и обществу резкими и желчными литературными выступлениями и другими легкомысленными поступками, приводившими в отчаяние как его отца и других родственников, так и его покровителей и друзей: Карамзина, Жуковского, Вяземского, Тургенева. Под таким настроением душевной дисгармонии и рождались обыкновенно его язвительные политические памфлеты, эпиграммы и кощунственные стихотворения, оскорблявшие религиозные чувства верующих и стяжавшие ему печальную репутацию безбожника, от коей его имя не может освободиться даже до настоящих дней.

Однако неверующим его могут считать только люди тенденциозно настроенные, которым выгодно представить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем, или те, кто не дал себе труда серьезнее вдуматься в историю его жизни и творчества.

Уже по одному тому, что наиболее вменяемые в вину Пушкину "кощунства" - **"неизменно шуточные"**, по справедливому замечанию Ходасевича¹⁵, "а не воинствующие", что "их стрелы неядовиты и неглубоко ранят" (*С. фон Штейн. Пушкин-мистик. Историко-литературный очерк. Рига, 1931, с. 29*), следует признать, что они были скорее случайной вспышкой озлобленного ума или просто легкомысленной игрой воображения юного поэта, чем его внутренним сознательным убеждением: они скользили по поверхности его души и никогда не имели характера ожесточенного богоборчества. Рассматриваемые с точки зрения того времени, его "кощунства" не выходили из уровня обычного для этой эпохи неглубокого вольнодумства, бывшего бытовым явлением в русском образованном обществе конца XVIII и начала XIX века, воспитанном на идеях Вольтера и энциклопедистов. Пушкин заплатил в

¹⁵ *Ходасевич Владислав Фелицианович* (1886-1939), поэт, литературный критик: с 1922 г. находился в эмиграции.

этом отношении дань духу своего века не больше, чем другие его современники. Но если его вольные стихотворения обращали на себя большее внимание, то именно потому, что они отвечали общему настроению умов и что он сам был слишком заметен среди других рядовых людей, вследствие чего каждое его слово разносилось эхом по всей России. В этом случае ему оказывали часто плохую услугу не только его враги, но и нескромные друзья, повсюду распространявшие его творения. Лично он не был склонен заниматься активной пропагандой безбожия: об этом свидетельствует тот исторический факт, что он не только не пытался предавать печати свои соблазнительные стихотворения, но стремился всячески изъять их из обращения даже в рукописных их копиях, стыдясь их легкомысленного содержания и желая пресечь все пути к их распространению в широком обществе. Бартенев сообщает со слов современников поэта, что он особенно раскисался в своей известной кощунственной поэме, написанной на евангельский текст, "всячески истребляя ее списки, выпрашивал, отнимал и сердился, когда ему напоминали о ней". "Уверяют, - пишет Бартенев, - что он позволил себе сочинить ее только из молодого литературного щегольства. Ему хотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше Вольтера и Парни!" (В.В. Вересаев. Пушкин в жизни). По словам князя Урусова, он без сожаления сжег, по совету своего товарища князя Горчакова и при его содействии, составленную им в подражание Баркову поэму "Монах", которая могла бы оставить пятно на его памяти (у Вересаева с. 31).

Нельзя преувеличивать значение вызывающих антирелигиозных и безнравственных литературных выступлений Пушкина также и потому, что он нарочито надевал на себя иногда личину показного цинизма, чтобы скрыть свои подлинные глубокие душевные переживания, которыми он по какому-то стыдливому целомудренному внутреннему чувству не хотел делиться с другими. В этом можно убедиться из характеристики, какую дают ему многие из наиболее беспристрастных и наблюдательных современников. Казалось, он домогался того, чтобы другие люди думали о нем хуже, чем он есть на самом деле, стремясь скрыть "высокий ум" "под шалости безумной легким покрывалом". В этой черте его характера некоторые исследователи (например, проф. Франк¹⁶) справедливо видят проявление некоторого юродства, этой типичной особенности русской народной души, нашедшей себе место и в характере нашего великого национального поэта. Впрочем, нельзя отрицать и того, что в нем иногда жили как бы два человека, находившихся в трагической борьбе между собою. Лучшая часть его природы звала его к "Сионским высотам", а "грех алчный гнался за ним по пятам"¹⁷. Источником его искушений, по признанию самого поэта,

¹⁶ Франк Семен Людвигович (1877-1950), философ социально-этического направления. В 1922 г. выслан из России, с 1930 по 1937 г. читал в Германии лекции по русской религиозно-философской мысли и литературе. В статье "Религиозность Пушкина" (впервые напечатана в журнале "Путь", Париж, 1933, № 40) С. Франк подметил: "Пушкин был истинно русской "широкой натурой" в том смысле, что в нем уживались крайности; едва ли не до конца жизни он сочетал в себе буйность, разгул, неистовость с умудренностью и просветленностью...

В нем был, кроме того, какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомудрия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства. Пушкин - говорит его биограф Бартенев - не только не заботился о том, чтобы устранить противоречие между низшим и высшим началом своей души, но "напротив, прикидывался буяном, развратником, каким-то яростным вольнодумцем". И Бартенев метко называет это состояние души "юродством поэта".

¹⁷ Напрасно я бегу к Сионским высотам.

Грех алчный гонится за мною по пятам...

Так ревом яростным пустыню оглашая,

По ребрам бья хвостом и гриву потрясая,

И ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,

Голодный лев следит оленя бег пахучий.

(1836)

был умный дух - "Демон", начавший "навещать" его в юные годы, чтобы помрачить его высокие и святые идеалы и вносить расстройство в его гармоническую поэтическую душу.

"Печальны были наши встречи", - признается потом с сожалением поэт:

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистоимой клеветою
Он провиденье искал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел -
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

(Это глубокое стихотворение навеяно было Пушкину скептическим образом А.Н. Раевского, с которым он поддерживал тесную дружбу, так же, как Гете в свое время нарисовал своего Мефистофеля с одного из своих друзей. Лермонтов использовал его для своей знаменитой поэмы "Демон", которого он изображает теми же чертами.).

Когда впоследствии в минуту раскаяния поэт "с отвращением читал жизнь свою", "трепетал и проклинал", "горько жаловался и горько слезы лил", желая как бы смыть ими навсегда "печальные строки" прошлого, то, может быть, он разумел здесь и эти внушенные ему "демоном" вольные соблазнительные стихи, как и многое другое из произведений его незрелой юности, что он считал недостойным его таланта и хотел бы после "уничтожить".

Переживая мучительный кризис от своих сомнений, он болезненно искал выхода из этого положения, стремясь прояснить для себя окутывавший его туман и ища для себя точки нравственной опоры. Он чувствовал, что без идеи Божества все его мировоззрение становится зданием без фундамента, но его роковая ошибка состояла в том, что он сначала только "умом искал Божества". Неудивительно, что "сердце", как казалось поэту, "не находило его", так как одни отвлеченные умствования без живой веры не могли дать ему покоя и удовлетворения.

В своих беспокойных исканиях он бросался, так сказать, во все стороны и черпал из всех источников религиозных знаний, не только положительных и здоровых, но и отрицательных, способных только усилить его духовную жажду. Наиболее острый момент его душевного кризиса совпал, по-видимому, с днями его пребывания в Кишиневе и Одессе (1821-1824). Углубляясь в изучение Библии, читая внимательно Коран, беседуя в Одессе с интересом с религиозным мыслителем и писателем Стурдзою¹⁸ он встретился здесь же и с "глухим философом" англичанином Гетчинсоном¹⁹, от которого стал брать уроки "чистого",

¹⁸ *Стурдза Александр Скарлатович* (1701-1854), сын бывшего правителя Молдавии, чиновник Министерства иностранных дел и религиозный писатель. Его религиозные и политические взгляды отличает монархический характер. Пушкин общался с ним в Одессе (1821-1824).

¹⁹ *Гетчинсон (Хатчинсон) Уильям* (1793-1850), домашний врач в семье М.С. Воронцова, безбожник-"афей" (атеист). Весной 1824 г. Пушкин в письме, как выяснено теперь, к Вяземскому из Одессы сообщал (письмо при пересылке было перлюстрировано): "Ты хочешь знать, что я делаю - пишу пестрые строфы романтической поэмы <"Цыганы". - Сост.> и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственно умный афей, которого я еще встретил". Эти строки письма послужили основной причиной высылки Пушкина из Одессы в Михайловское. В "Воображаемом разговоре с Александром 1" (декабрь 1824) поэт в свое оправдание пишет: "...как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьную шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь?" (Подробнее о Хатчинсоне см.: Л.М.

т.е. теоретического атеизма. Об этом он сам сообщает в письме своем к неизвестному своему другу, жившему в Москве, письме, оказавшем столь важное влияние на его последующую судьбу и вызвавшем его новую ссылку в Михайловское. На этом роковом письме и базируется, главным образом, донныне обвинение Пушкина в безбожии. Надо, однако, внимательно читать его собственные слова, чтобы сделать из них ясный и точный вывод. Профессор Франк справедливо отмечает, что 1) Пушкин считает своего учителя-англичанина **"единственным** умным "афеем", которого он встретил" (другие, очевидно, не заслуживали такого наименования), что 2) "система его мировоззрения не столь **утешительна**, как обыкновенно думают", "хотя **к несчастью** более всего правдоподобная". Надо подчеркнуть и это последнее слово, как свидетельствующее о том, что эта **безотрадная** система казалась поэту только **правдоподобной**, но отнюдь не несомненной. Следовательно, она не разрешала всех его сомнений, хотя и могла временно повлиять на направление его мыслей (С. Франк. Религиозность Пушкина. "Путь", № 40, с. 28). Что она не покорила всецело его ума и сердца, об этом говорит его признание в том же письме, что "Дух Святой", т.е. слова Библии, ему "иногда по сердцу", т.е. доставляли ему духовную усладу. Такого духовного созвучия с Библией не могло быть у убежденного атеиста, для которого ненавистно само имя Божие, он бежит от него, как Мефистофель от креста, будучи способен только хулить все высокое и святое. Холодное отрицание не могло вообще захватить вполне Пушкина уже потому, что оно опустошает душу, суживает умственный горизонт и иссушает родники всякого и особенно поэтического творчества, а поэтическое вдохновение было для него священным призванием и украшением его жизни, это была душа его души.

Увлечшись на короткое время чисто теоретически отрицательными уроками англичанина-философа, Пушкин потом отрекся от своего "легкомысленного суждения относительно афеизма" (Прошение на Высочайшее имя, т.е. императора Николая I в 1826 г.), которое он ранее в своем "Воображаемом разговоре с императором Александром I" назвал прямо **"школьнической шуткой"** и удивлялся, как можно было "две пустые фразы" дружеского письма рассматривать как "всемирную проповедь". Это признание, несомненно, было искренним, потому что оно повторяется и в некоторых его письмах к друзьям. В одном случае он прямо называет сказанное им об атеизме - "глупостью", а в письме к Жуковскому "суждением легкомысленным и достойным всякого порицания".

Уроки неверующего наставника не могли оставить в нем глубокого следа, так как его трезвый, пронизательный ум не мог не понять, что "сумма вероятностей атеизма сводится к нулю, а нуль только тогда имеет реальное значение, когда пред ним стоит цифра. Этой-то цифры и недоставало моему профессору атеизма". Изучая вместе с англичанином Локка, он обратил особенное внимание на высказанную последним мысль, что "вопрос веры **превосходит разум**, но не противоречит ему" (*Записки А.О. Смирновой*. Из записных книжек 1826-1845 гг., СПб., 1894, с. 161-162). Впрочем, и сам учитель Пушкина Гетчинсон был, по-видимому, далеко не убежден в том, что проповедовал другим: через пять лет он был уже ревностным пастором в Лондоне.

Очень характерно, что в письме своем к Казначееву, правителю дел графа Воронцова, Пушкин, уже успевший разочароваться в своем наставнике, прямо называет своего учителя "прощельгой" (galopin), а его уроки "пошлой болтовней"²⁰ (*В.В. Никольский*. Нравственные идеалы Пушкина. - "Христианское чтение", 1882 г., с. 50).

Арининтайн. Пушкинский "Мефистофель". // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. V. СПб., 1994. С. 30-41.)

²⁰ Со временем поэт полностью избавился от разлагающего духа "афеизма". П.А. Анненков, первый биограф Пушкина, работая с подлинными его рукописями, заметил в своей монографии о нем:

"Религиозное настроение духа в Пушкине начинает проявляться с 1833 года теми превосходными песнями, основание которым положило стихотворение "Странник", написанное летом того же года, как знаем. Стихотворение это, составляющее поэму само по себе, открывает то глубокое духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта,

Переживая по временам "бурю сомнительных помышлений", Пушкин, однако, ни в Кишиневе, ни в Одессе не отрывался от общего уклада жизни того времени, где религия и Церковь занимали если не господствующее, то, во всяком случае, почетное положение.

Вместе с благочестивым своим начальником Инзовым он аккуратно посещал богослужения в Митрополии, исполняя в положенное время и долг говения. Если он и говорит при этом о своем "лицемерии", то это обычный для него язык шуточного юродства и, быть может, скрытого самоосуждения. Он по-прежнему ревниво таит от нескромного чужого взгляда внутреннюю келию своего сердца. Следующий факт очень характерен в этом отношении.

В Кишиневе по желанию Инзова его посещал иногда для духовных бесед ректор духовной семинарии архимандрит Ириней²¹. "Раз в Страстную пятницу, - рассказывала потом его племянница, - входит дядя в комнату Пушкина, а он сидит и что-то читает. "Чем Вы занимаетесь?" - спросил дядя, поздоровавшись. "Да вот читаю историю одной статуи". Дядя посмотрел на книгу, а это было Евангелие". Архимандрит Ириней "вспыллил и рассердился" и даже обещал подать на него рапорт, не поняв, очевидно, внутренних побуждений, вызвавших такой странный ответ Пушкина. "Зачем Вы так сделали?" - спросил архимандрит, когда на другой день Пушкин приехал к нему с извинением. "Да так, с языка слетело", - был простодушный ответ поэта". (Рассказ П.В. Дыдыцкой у Вересаева, с. 125).

возвысив ее до образов, принадлежащих по характеру своему образам чисто эпическим. Что это не было в Пушкине отдельной поэтической вспышкой, свидетельствуют многие последующие его стихотворения, как "Молитва", "Подражание итальянскому"... Лучшим доказательством постоянного, определенного направления служат опять рукописи поэта. В них мы находим, что он прилежно изучал повествования Четых-Миней и Пролога, как в форме, так и в духе их. Между прочим, он выписал из последнего благочестивое сказание, имеющее сильное сходство с самой пьесой "Странник". Осмеливаемся привести его здесь.

"Вложи (диавол) убо ему [иноку. - Сост.] мысль о родителях, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминающих велию отца и матери любовь, юже к нему имеша. И глаголаше ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, яко неведаящим им отшел оси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближнии жалеют по тебе и весь дом отца твоего в печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братий его, и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущайте его яко уже изнеможи ему телом, и еле живу быти. Ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов иссеше яко скудель крепость его и плоть его бе яко трость ветром колеблема".

В другой раз Пушкин переложил на простой язык, доступный всякому человеку, даже весьма мало искушенному в грамоте, повествование Пролога о житии преподобного Саввы игумена. Записка эта сохраняется в его бумагах под следующим заглавием: "Декабря 3, преставление преподобного отца нашего Саввы, игумена Святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожех, нового Чудотворца. (Из Пролога)". В 1835 году он участвовал и советом и, если не ошибаемся, самим делом в составлении "Словаря исторического о Святых, прославленных в Российской Церкви", который предпринял тоже один из бывших лицейских воспитанников. Когда вышла книга (в 1836 году), он отдал отчет о ней в своем журнале "Современник", где удивляется, между прочим, людям, часто не имеющим понятия о жизни того святого, имя которого носят от купели до могилы. Все эти свидетельства совершенно сходятся с показаниями друзей поэта, утверждающих, что в последнее время он находил неистощимое наслаждение в чтении Евангелия и многие молитвы, казавшиеся ему наиболее исполненными высокой поэзии, заучивал наизусть". (Анненков П.А. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855, с. 386-387).

²¹ *Ириней* (Нестерович Иван Гаврилович) (1783-1864), архимандрит, с 1820 г. - ректор Кишиневской духовной семинарии, с 1830 г. - архиепископ Иркутский.

В Одессе он особенно любил посещать Пасхальную утреню и звал с собой товарищей **услышать голос русского народа** в дружном одушевленном ответе молящихся на христосование священника: "Воистину воскрес".

Для объяснения такой кажущейся двойственности в духовных настроениях Пушкина не излишне вспомнить рассуждения, какими он сопровождает анекдот о Байроне, который при своем видимом вольнодумстве чрезвычайно дорожил, однако, крестом, подаренным ему одним монахом в Афинах: "Душа человека, - пишет он, - есть недоступное хранилище его помыслов... И как судить о свойствах и образе мыслей человека по наружным его действиям? Он может по произволу надевать на себя личину порочности и добродетели. Часто по какому-либо своенравному убеждению ума своего он может выставлять напоказ толпе не самую лучшую сторону своего нравственного бытия, часто может бросать пыль в глаза одними своими странностями". "Видно из этого случая, - прибавляет Пушкин, - что вера внутренняя перевешивала в душе Байрона скептицизм, высказываемый им местами в своих творениях. Может быть даже, что скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему веры душевной".

Нельзя не видеть здесь личной исповеди поэта, душа которого была созвучна в этом случае характеру Байрона; не напрасно он чувствовал невольное тяготение к последнему, особенно в первый период своего литературного творчества.

Последовательный скептицизм должен был быть органически чужд его душе, проникнутой с детства мистическим настроением. В этом отношении он также был сын своей эпохи, эпохи великих потрясающих событий, в коих невольно чувствовалось действие неземной Высшей силы, управляющей судьбами народов, торжества идеи Священного Союза, расцвета масонства и широкого увлечения мистической проповедью Лабзина, Крюденер и Татариновой²², в которых обнаружилась реакция в отношении к революционному рационализму конца XVIII века.

Мистическое настроение, впрочем, было наследственным в роде Пушкиных. Оно перешло к поэту от его отца Сергея Львовича, библиотека которого была наполнена произведениями мистических писателей того времени (см. *С. фон Штейн*. Пушкин-мистик. Историко-литературный очерк. Рига, 1931, с. 21). Известную долю влияния на него в смысле укрепления этого настроения мог иметь и его благодушный начальник во время бессарабской ссылки генерал Инзов, которого поэт сам называет "добрым мистиком". Будучи старым масоном, последний был в то же время и преданным сыном Православной Церкви: в Александровскую эпоху то и другое иногда легко уживалось вместе.

Пушкин был суеверен в жизни, как самый простой русский человек. Он верил в народные приметы, в таинственное действие талисманов, в вещие сны и предсказания ворожей и гадалщиц. Особенно глубокое впечатление произвели на него слова, сказанные ему еще в юности немкой-гадалкой Кирхгоф о том, что он приобретет большую славу и может погибнуть 37 лет от белой лошади или белой головы. С тех пор всю жизнь избегал он встречи с белокуроыми людьми. Автор исследования "Пушкин-мистик" С. Штейн видит много мистических струй в самом романтизме пушкинской поэзии, что не мешало ей оставаться вполне трезвой и ясной. Устремление к миру таинственного и непостижимого вместе с постоянной мыслью о смерти, сопровождавшем его неотступно всюду, не могли не роднить Пушкина с религиозной стихией, где все обвеяно тайной и обращено к вечности. Однако присущее ему от природы мистическое предощущение потустороннего мира только создавало благоприятную почву для восприятия религиозных идей, но, смутное и неясное по существу, оно не могло само по себе дать ему, конечно, твердого, обоснованного, законченного религиозного мировоззрения, которого тревожно искала его возвышенная, идеалистически настроенная душа и которое ему пришлось вырабатывать вполне

²² Лабзин Александр Федорович (1766-1825), масон, издатель "Сионского Вестника"; Крюденер (Криднер) Варвара-Юлия, баронесса (1764-1824), проповедница мистического суеверия; Татаринова Е.Ф., сектантка, устроительница мистического "всеконфессионального" кружка.

самостоятельно. Он не мог почти ничего получить для прояснения и укрепления своих религиозных взглядов ни из воспоминаний своего детства, прошедшего в атмосфере разлагающих иноземных влияний, ни из преданий своей семьи, никогда не отличавшейся глубокой религиозностью. Еще менее могла дать ему религиозного содержания окружавшая его лицейская и светская среда, потому что сама лишена была последнего.

То, что могла внушить ему его знаменитая няня Арина Родионовна в смысле бытового благочестия, было недостаточно, чтобы утвердить его среди рано проснувшихся искушений разума, а уроки его первого московского наставника в Законе Божиим О. Беликова, равно как и лицейских законоучителей, о. Музовского и о. Мансветова (очень строгого), не оставили в нем, по-видимому, глубокого следа, потому что он никогда не вспоминал о них потом.

Процесс его религиозного развития проходил, однако, с изумительной быстротой; он гораздо раньше, чем в свое время Толстой и Достоевский, понял, что без религии жизнь не имеет смысла и оправдания и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступать только с таким слабым орудием, каким является наш колеблющийся рассудок; необходимо указание внутреннего духовного опыта, дыхание веры, "инстинкт которой присущ каждому человеку" и прикосновение к родной русской земле, от которой много заимствовали в смысле своего нравственного воспитания и наши последующие великие писатели.

Происшедший в нем нравственный перелом, озаривший его жизнь и его творчество новым светом, начал проявляться еще в кишиневский и одесский периоды его жизни, но постиг своего полного развития только во время последующего пребывания в тиши Михайловского деревенского уединения. Эта вторая ссылка, приводившая по временам в отчаяние самого поэта, имела для него провиденциальное значение. Почти все его биографы признают, что она способствовала его духовному росту и была в этом смысле столь же благодетельной для него, как для Достоевского заключение в "Мертвом доме".

Не развлекаясь опьяняющими светскими удовольствиями, поглощавшими почти все его время и внимание в Петербурге, он мог здесь глубже заглянуть в самого себя, в душу простого народа, в заветы и уроки родной истории и внимательнее заняться своим самообразованием. Все это вместе углубило его дух, освежило и расчистило родники его творчества. Здесь он впервые вошел и в живое непосредственное общение с Церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство. Оно началось при нравственно тяжелых для него обстоятельствах. Настоятелю Святогорского монастыря игумену Ионе - старцу святой жизни, по свидетельству современников, и священнику из с. Воронич, Иллариону Евдокимовичу Раевскому, по прозванию Шкода, было поручено духовное наблюдение за ним в виду тяготевшего над ним обвинения в безбожии. Тот и другой оказались для него любящими духовными врачами и легко покорили его чуткую, отзывчивую душу.

Посещая каждую субботу монастырь, Пушкин научился уважать его настоятеля-подвижника и искренно полюбил о. Шкоду, который сам обычно приезжал навещать его. Об искренней его дружбе с последним свидетельствует бесхитростный рассказ его дочери, недавно сравнительно скончавшейся Акулины Скоропостижной, записанный с ее слов.

"Подъедет это верхом к дому и в окошко плетью цок: "Поп у себя?" - спрашивает... А если тятеньки не случится дома, завсегда прибавит: "Скажи, красавица, чтобы непременно ко мне наведалься... Мне кой о чем потолковать с ним надо". ...Коли нет, да долго не виделись - сердится: "Что он ко мне уже три дня не едет?" ...Благодетелем он нашим был, Александр Сергеевич... Однажды возьми и подари папеньке семь десятинок".

На предложение о. Иллариона оформить дар, Пушкин сказал: "...Никто от вас моего подарка не отнимет" (Разговоры Пушкина, собранные Гессеном и Модзалевским. М., 1929, с. 62-63).

Этому о. Шкоде он заказал отслужить заупокойную литургию по Байрону, после которой послал просфору князю Вяземскому.

Особенно ценно было для Пушкина постоянное соприкосновение с Святогорским монастырем как хранителем заветов старого русского благочестия, духовно питавшим

множество людей, черпавших от него не только живую воду веры, но и духовную культуру вообще. Наблюдая воочию эту тесную нравственную связь народа с монастырем и углубляясь в изучение истории Карамзина и летописей, где разворачивались перед ним картины древней аскетической Святой Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить неизмеримого нравственного влияния, какое оказывала на наш народ и государство наша Церковь, бывшая их вековой воспитательницей и строительницей.

На почве расширенного духовного опыта поэта и углубленных исторических познаний родился весь несравненный по красоте духовный и бытовой колорит драмы "Борис Годунов", которую сам автор считал наиболее зрелым плодом его гения (хотя ему было в то время только 25 лет), и особенно "смиренный и величавый" образ Пимена, которого не могут затмить другие действующие лица драмы. Пимен - это не просто художественное изображение, сделанное рукою великого мастера: это живое лицо, которое трогает, учит и пленяет читателя, подчиняя его своей тихой, кроткой, но неотразимой духовной власти. Он вышел из самого сокровенного горнила творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения, как мать со своим ребенком. Не напрасно он говорит, что "полюбил своего Пимена", плененный сам его духовной красотой. В нем поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе. Он не просто зарисован вдохновенным художником, но как бы высечен из мрамора мощным резцом скульптора, чтобы стать наиболее осязаемым для нас. Не потому ли Антокольский так легко воплотил его в своей известной статуе, а Достоевский говорил, что о нем одном можно написать несколько томов? Его монолог и его речи, обращенные к бурному Гришке Отрепьеву, полны того бесстрастия, мира и "умилительной кротости, младенческого и вместе мудрого простодушия, набожного усердия к власти царя, данного Богом, и совершенного отсутствия суетности", которые пленяли поэта в наших древних летописцах.

Пушкин уразумел своим русским чутьем, что здесь запечатлена от века лучшая часть нашей народной души, выдавшей в монашестве высший идеал духовно-религиозной жизни. Ее неутолимая тоска по горнему отечеству находила отклик в его собственном сердце, звавшем его туда, "в заоблачную келью, в соседство Бога Самого". Уже одним этим своим чудным и возвышенным образом, вышедшим из народной стихии и снова воплощенном в нее гением поэта, он искупил в значительной степени нравственный соблазн, который он мог посеять вышеуказанными своими легкомысленными произведениями.

Рядом с этим неумирающим наставником-иноком, уроки которого вошли в плоть и кровь целого ряда русских поколений, можно поставить только огненный образ "Пророка", представляющий из себя почти единственное явление в мировой литературе, как апофеоз призвания поэта на земле. Замечательно, что он возник у Пушкина не в каком другом месте, а именно в Святогорском монастыре, т.е. в той же духовной атмосфере, которая дала плоть и кровь Пимену.

Епископ Антоний (Храповицкий)²³

Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г.

Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте - Пушкине. Что скажет о нем служитель Церкви для духовного назидания? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть из общественного настроения сегодняшнего дня. Смотрите - имя Пушкина привлекло сюда русских людей самых разнообразных положений и возрастов: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданские чины, и вельможи и скромные горожане, - считают для себя дорогим и близким имя покойного поэта. Все литературные, философские и политические лагеря стараются привлечь к себе имя Пушкина. С какою настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях, или по крайней мере в его частных письмах, какую-нибудь, хотя маленькую, оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, сделаются как бы правдивее, убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердил их. Где искать тому объяснения? Если бы мы были немцами или англичанами, то вполне правильное объяснение заключалось бы, конечно, в ссылке на народную гордость, на мысль о Пушкине как о виновнике народной славы. Но мы - русские, и свободны от такого ослепления собою. Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причин внутренних, нравственных. Спросим же мы свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений нашего поэта?

²³ *Антоний* (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 1863-1936), митрополит Киевский и Галицкий, выдающийся православный богослов, церковный писатель и педагог. После окончания С.-Петербургской Духовной академии преподавал в Холмской духовной семинарии, а в 1890 г., после защиты диссертации, назначен на должность ректора Петербургской Духовной академии, с возведением в сан архимандрита, а затем ректора Казанской Духовной академии (1895). В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. В 1902 г. преосвященного Антония перевели на Волынскую кафедру епископом Волынским и Житомирским, Почаевской Успенской Лавры священноархимандритом. Одним из первых занялся вопросом о восстановлении патриаршества в России, издав в 1908 г. брошюру соответствующего содержания как приложение к журналу "Русский инок". Перед началом Первой мировой войны владыка Антоний возглавил Харьковскую кафедру, с которой был смещен в февральскую революцию 1917 г. В 1917 г. на Всероссийском Поместном Соборе был одним из трех кандидатов в патриархи, набрав наибольшее количество голосов (но жребий пал на Московского митрополита Тихона). В 1918 г. возведен в сан митрополита Харьковского, в том же году был председателем Украинского Церковного Собора и на нем избран митрополитом Киевским и Галицким. С приходом к власти Петлюры был арестован и отправлен в Галицию, в один из униатских монастырей.

В 1919 году, после освобождения белыми войсками, возглавил Высшее Церковное Управление на территории, контролируемой Добровольческой Армией, затем эмигрировал в Югославию, где организовал Карловацкий собор. До конца дней оставался крайним оппозиционером всей Русской Православной Церкви. В последние годы жизни ослеп. Скончался в августе 1936 г. под запрещением и погребен в Белграде, в склепе Иверского храма.

Митрополиту Антонию принадлежат фундаментальные богословские труды. Известен он также своими сочинениями о Пушкине и Достоевском.

"Слово пред панихидой о Пушкине", произнесенное владыкою Антонием в бытность его епископом, впервые опубликовано в 1899 г., в июньской книжке издававшегося в Казани журнала "Православный собеседник" (С. 783-801). Впоследствии этот материал владыка Антоний включал в полное собрание своих сочинений (Т. I, СПб., 1911).

Думаю, что с нами согласятся все, если мы скажем, что стих Пушкина заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами. Бывает так, что в минуты душевного утомления и апатии какой-нибудь отрывок из Пушкина вдруг поднимает в нашей душе самые сложные, самые возвышенные волнения. Такое действие можно сравнить с тем, когда большая и косная масса музыкального органа вдруг приводится в движение чрез мощное прикосновение к его ручке; несложно и быстро вращательное действие ручки, а вдруг чудная сложная мелодия издается мертвою машиной.

Великий Достоевский объясняет любовь русского народа к Пушкину тем, что он вмещал в себе в степени высшего совершенства ту широту русской души, из которой эта последняя может перевоплощаться в умы и сердца всех народностей, обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве нашего народного и христианского идеала²⁴. Определение пушкинской поэзии вполне справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международных интересов. Перевоплощение пушкинского гения не ограничивалось своим международным значением. Он мог перевоплощаться в самые разнообразные, иногда в самые исключительные настроения всякого вообще человека, любого общественного положения и исторической эпохи. Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевные настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния души человеческой не как внешний наблюдатель, метко схватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет - Пушкин описывает своих героев как бы изнутри их, раскрывает их внутреннюю жизнь так, как ее опознает сам описываемый тип. В этом отношении Пушкин превосходит других гениальных писателей, например, Шиллера и даже Шекспира, у которых большинство героев являются сплошным воплощением одной какой-нибудь страсти и потому внушают читателю ужас и отвращение. Совсем не так у Пушкина: здесь мы видим живого цельного человека, хотя и подвергнутого какой-нибудь страсти, а иногда и подавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с нею бороться и во всяком случае испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои, как бы они ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а *сострадание*. Таковы его - Скупой рыцарь, и Анджело, и Борис Годунов, и его счастливый соперник Дмитрий Самозванец. Таков же и его Евгений Онегин - самолюбивый и праздный человек,

²⁴ О "вмещении" в Пушкине народного и христианского идеала Ф.М. Достоевский в своей речи на открытии памятника поэту в Москве, в частности, сказал: "Еще раз напомним: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта.

О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образцы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, надежда, великая надежда за русского человека... И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин... В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления" (*Достоевский Ф.М.* ПСС, т. 20. Л., "Наука", 1984, с. 144).

но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так, самое описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести.

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою...
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда - беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Понятно теперь, почему нам жалко всех его героев, почему нам кажется, что хотя они и впали в тяжкие преступления, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого из них. Подобное влияние своей поэзии на умы и сердца человеческие Пушкин предвидел, и не ошибемся мы, если к этому именно предчувствию поэта отнесем его дерзновенные слова, которые он произнес на закате своей литературной деятельности:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Но приостановимся в раскрытии нравственного значения Пушкина для русского человека: нам уже слышатся возражения - мог ли иметь такое влияние Пушкин, этот легкомысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдавший на служение беспутству? Ответим на этот вопрос беспристрастно, ибо тогда еще лучше поймем значение переживаемого события. Влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоконравственной личности, но воздействие его литературного гения. Не по своей воле, не вследствие нравственных усилий получил он исключительную способность совершенно перевоплощаться в настроение каждого человека и открывать в нем правду жизни читателю и самому себе: все это было свойством его природы, даром Божиим. Пушкин был великим поэтом, но великим человеком мы его назвали бы лишь в том случае, если бы он эту способность глубокого сострадания людям и эту мысль о царственном значении совести в душе нашей сумел бы воплотить не только в своей поэзии, но и во всех поступках своей жизни. Он этого не сделал и постоянно отступал от требований своей совести, воспитанный в ложных взглядах нашей высшей школы и нашего образованного общества и подверженный с детства влиянию людей развратных. Светлые идеи своей поэзии он почерпал в изучении жизни народной и в самом своем поэтическом вдохновении; ими он старался побороть свои греховные страсти и надеялся, что он достигнет возрождения души своей в той ее первоначальной чистоте и светлости, какими она была одарена от Творца. Эту надежду он выразил в известном стихотворении, описывающем, как невежественный маляр исказил своими самовольными рисунками прекрасную картину древности. Но вот неумелая работа искажителя стирается временем, и фреска первоначального художника-гения восстает во всей своей красоте:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но все же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях. Лучшие его лирические стихотворения - это те, в которых он оплакивает такие падения, и те, которыми он выражал свое разочарование в ложных устоях тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей в нем правила христианства еще в детские годы. Есть одно, мало замеченное критиками стихотворение, в котором Пушкин описывает те два царящие в нашей общественной жизни греховные начала, что служили причиной его первоначального отступления от детской чистоты и от детской веры. Это - демон гордыни и демон разврата.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убежал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой слабый ум,
И праздномыслить было мне отрада<...>

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья,

Один (Дельфийский идол) лик молодой -
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал -
Волшебный демон - лживый, но прекрасный.

(1830)

Более подробно он раскрывает то же служение этим двум бесам в лице Евгения Онегина. Забыв свой нравственный долг как христианина и гражданина, этот герой Пушкина усердно служил двум названным бесам, гоняясь за житейскими наслаждениями; но неизгладимый из сердца, хотя и смутно сознаваемый, укор совести постоянно отравлял его жизнь каким-то неопределенным стремлением найти другие условия быта. И вот он, переезжая с места на место, подобно Каину, тщетно ищет покоя своей душе.

Наши патриоты во главе с великим Достоевским видят причину печалей пушкинских героев в их отрешенности от народной жизни. Они правы, но условно. Пушкин действительно находил нравственную опору против ложных устоев общественной жизни в русском народе и в русском историческом прошлом; но он ценил то и другое не потому, что это наше родное, свое, а потому, что русская допетровская жизнь и жизнь народная современная были именно вполне согласны с тем чистым и строгим обликом прекрасной учительницы, от которой отступил он для служения двум демонам. Такого служения была чужда наша прежняя церковно-народная культура, продолжающая и поныне жить в нашей деревне. Пушкин был народник, но прежде всего он был моралист и народником сделался потому, что был моралистом. Мысль эта для многих покажется невероятной, но смотрите, где Пушкин был более великим поэтом, как не в исповедании своих разочарований, своего раскаяния:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец -
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?
(1821)

Я дружбу знал, и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы;
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы...
И свет, и дружбу, и любовь
В их наготе отныне вижу, -
Но все прошло! остыла в сердце кровь,
Ужасный опыт ненавижу...

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, -
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,

Но строк печальных не смываю.
(Воспоминание. 1828)

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды.

Достоинно внимания то, как высоко он ценил даже небольшие добрые влияния, на которые можно было ему опираться в минуты нравственной борьбы, сколь ответственным пред ними он себя считал, когда оказывался им неверен.

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады <...>

(Воспоминания в Царском Селе. 1827)

Прочтите его стихотворение в дни годовщин Лицея, его признания в постоянной мысли о смерти ("Брожу ли я вдоль улиц шумных"), его стихи к Филарету, или "Подражание Джону Буньяну", - и вы поймете, что только ложное воспитание, ложная жизнь ввела в служение страстям эту чистую душу, предназначенную не для них, не для условных целей жизни, но для чистой добродетели.

Вот почему из всех христианских молитв ему более всех нравилась та, в которой христианином спрашивается полнота добродетелей.

Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого Поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.
("Отцы пустынноики и жены непорочны..." 1836)

О том, как Пушкин ценил, в частности, добродетель целомудрия, свидетельствуют следующие стихи из "Бориса Годунова":

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет <...>

За эту чистоту и смирение он возлюбил русскую древность и русскую деревню.

<...> Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище <...>
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
(Евгений Онегин)

Чванство не оставляет общественной жизни даже и на кладбищах: кладбище городское и кладбище сельское в одном из лучших стихотворений Пушкина являются выразителями различной внутренней настроенности горожан и поселян.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами от столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит,
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;

К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...
(1836)

Из городов только Москва сохраняет дух русской непосредственности и внутренней свободы, которыми была богата Русь древняя. С этой стороны и воспевает ее неоднократно Пушкин:

И восклицаю с нетерпением:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи - лед, сердца - гранит <...>
(Ответ)

Итак, народные и исторические симпатии Пушкина зависели от его нравственных и религиозных убеждений, а не наоборот; и этим именно должно объяснять, что переходя на почву народную и сделавшись поклонником деревни, Пушкин не стал вместе с тем отрицателем науки и культуры, подобно многим позднейшим писателям. Негодуя на невежество своих современников в отечественной истории, которую, по его словам, Карамзин открыл русскому обществу, как Колумб Америку, - сочувственно приветствуя первых славянофилов (Киреевского), Пушкин, однако, не боялся заимствования научных сведений от Запада, как он писал в своей всеподданнейшей записке о воспитании²⁵.

Весьма поучителен такой разумный, искренний и правдивый способ выработки своих убеждений нашего поэта, освобождавший его от всяких увлечений, от всякой партийности, от тогдашнего придворного космополитизма и мистицизма, от декабристов и от аракатеевщины, и открывший ему путь к самой немодной в то время православной вере, которую даже в богослужебных книгах недозволено было называть православной, а только греко-российской. Поучительно это внутреннее саморазвитие Пушкина для нашего юношества, для нашего общества, потому что наш Пушкин, падавший, борющийся и каявшийся, до сих пор остается микрокосмом русского общества, так же, как он, воспитанного в поклонении тем двум демонам вне церкви и народа, и так же, как он, постоянно слышащего в укор своих страстей и своей праздности неумолкающий призыв, призыв, исходящий от своей совести, от окружающих нас остатков христианской культуры, и, наконец, от нашей прекрасной пушкинской и послепушкинской литературы. К этой лучшей жизни, которой цель есть добродетель и нравственная свобода, призывает теперешнюю грешную Русь та Святая Русь, которую начал открывать ей великий поэт, - как орел свободный звал за собою пленного орла.

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,

²⁵ Имеется в виду записка А.С. Пушкина *"О народном воспитании"*, поданная им осенью 1826 г. императору Николаю I. Документ этот обдумывался поэтом тщательно, что подтверждают многочисленные черновые наброски и варианты, предваряющие беловой автограф. Стержнем текста Пушкина является мысль о преимуществе государственного воспитания отроков и юношей над частной школой, неприятие иноземных систем воспитания. "Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве" - такую мысль высказал Пушкин в заключении своей "Записки".

Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: "Давай улетим!"

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!.."
(Узник)

Да, к нравственной свободе, к духовному совершенству тяготел дух нашего поэта, и вовсе не понимают его те, которые хотят наложить на его имя ярлык какой-либо политической доктрины, взывать от его имени к каким-либо политическим предприятиям. Внешний административный строй жизни, тот правовой порядок, который туманит головы многих наших современников, был чужд пушкинских стремлений. Как публицист, он не мог не замечать и этой видимой стороны жизни, но она интересовала его только с нравственной точки зрения. Вот почему одни и те же политические знамена видели его то под собою, то против себя. То поклонник дворянских привилегий, то огненный обличитель барского деспотизма и крепостного права (стихотворение "Деревня"); то пламенный защитник самодержавия и непримиримый враг политических переворотов (заключительная глава "Капитанской дочки"), - то озлобленный насмешник над строгой цензурой, готовый даже роптать, что родился в такой стране, где нет свободного слова (письма к жене) - Пушкин не в политическом строе жизни полагал свое призвание как русского общественного деятеля; он находил в общественной жизни сферу высшего блага, зависящего исключительно от богатства внутреннего содержания деятеля:

<..> Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
(Поэт и толпа)

Есть другое стихотворение, в котором Пушкин уже вполне определенно указывает на второстепенное значение правового порядка и на первостепенное значение нравственного начала.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, **слова, слова, слова.**
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно?<...>
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
- Вот счастье! вот права...

(Из Пиндемонти)

Блаженная была бы Россия, если бы юношество и общество и в этом отношении согласилось с Пушкиным и посвящали свой ум и свои силы не на ту борьбу политических идей, партий и мечтаний, которыми исчерпывается жизнь западного мира, выродившегося из бездушной культуры правового Рима. Пусть призванные на то правительственные чины и профессора юридических наук знают эту область. Но русскому гению суждено вносить в жизнь иные, высшие начала, те "сладкие звуки и молитвы", для которых был рожден Пушкин. Об этом согласно говорят все наши народные поэты, раскрывавшие в своих творениях не правовые, но нравственные устои жизни. Таковы Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстые, Гончаров, и даже те, которые силились волноваться политикой и как бы против собственной воли рассуждали о добродетели и о вечной истине. Таковы были Некрасов, Тургенев и даже Герцен. Не напрасно наши теперешние политические друзья-французы в лице лучших знатоков русской жизни (Леруа-Болье и Де-Вогюе) замечают, что русские глубоко и искренно интересуются только моральной религией, хотя и любят говорить об экономии и праве.

Но ведь это значит отказаться от всякой общественности? погрузиться в личный аскетизм? - Неправда! Область нравственного совершенства, хотя и связывается на первых порах с сосредоточенностью и уединением, но затем широкою волной свободного влияния вливается в общественную жизнь, в общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому.

Есть сила более устойчивая, чем правовой порядок, сила могучая и вековая, которая создается лишь нравственным влиянием личности. Эту силу мало знает современная жизнь и мало понимает современная наука. Сила эта называется бытом, бытом общественным, бытом народным, бытом историческим. Вот, работать для этой силы призывает нас поэзия Пушкина и его последователей, и этой работе не препятствует никакой правовой порядок. Напротив, все правительства всех стран заботятся о том, чтобы понять быт своей страны, охранять, ограждать его, так что и самое законодательство бывает по отношению к быту силою служебной. Наука, литература, благотворительность, школьное просвещение, а в особенности христианская убежденность и одушевленное Православие - вот те посредства, чрез которые истинный общественный деятель, истинный любитель народа сообщает нравственные силы своего духа общественному быту. Понявшие эту истину избранники, теоретики или практики, как о. Иоанн Кронштадтский, Достоевский или Рачинский²⁶, проходят по полю жизни победоносной светлой стезей. Напротив, последователи знамен политических, партизаны правовых порядков почти всегда в зрелом возрасте отступали от ложных увлечений молодости, да и пока служили этим последним, то их призывы были скорее истерическим криком человека, желающего заглушить свою собственную внутреннюю раздвоенность, и казались тем убедительнее, чем менее могли их понять и оценить призываемые, так что горячее увлечение подобными идеями было свойственно лишь самой незрелой молодежи.

Мы сказали, что все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него самого и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него пред кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии и, надеемся, был принят в Небесное Царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник.

²⁶ *Рачинский С.А.* - педагог, создатель "псалтырной" школы в с. Татеево Смоленской губ. для сирот и детей бедняков. Отстаивал церковное руководство народной школой как основу русской самобытности. Тесно сотрудничал с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым.

Что ожидает нашу Русь, отразившуюся в жизни поэта? Ей также открыты пути истины: история, литература и современный опыт вещают ей о том нравственном предназначении ее, которое понял для себя Пушкин, но она отстывает от него снова и снова, обнаруживая гораздо более сильную раздвоенность, чем ее любимый поэт. Ужели ее ожидает когда-либо такое же неразумное самоистребление, которое постигло нашего несчастного народного гения?

Это известно только Богу... Но не напрасно на сегодняшней Литургии читалось грозное евангельское слово: *дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете*. Эти слова Господь привел в заключение другого грозного предостережения: *Еще мало время свет в вас есть, ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет и ходяй во тме не весть, кшо идет*. Ныне сынам нашего общества, хотя и равнодушного к свету вечной истины, не трудно бывает покаянное обращение к нему, потому что как бы кто не отвращал своих очей и ушей от христианской жизни и духовного совершенства, но остатки ее еще довольно крепко живут в общественных нравах; звук великопостного колокола и донныне просится в русское сердце, братский привет пасхального целования еще не упраздняется среди нас, разочарованный грешник еще не забыл о существовании дороги в храм, и борющаяся со страстью душа еще знает о существовании Священной Книги - Нового Завета.

Но не суждено ли и этим остаткам христианства и нравственной силы наших предков постепенно исчезать среди нашего равнодушия и нравственного обленения? Конечно, христианская вера и христианская Церковь пребудет вовеки, но не обособятся ли они от русского общества в отдельную совершенно жизнь, и тогда для общества *придет ночь, егда никтоже может делати*? Нет, горячая любовь нашего общества к русской поэзии, проповедующей ему христианское возрождение, ручается, думаем, за то, что оно не даст отлететь от нас христианскому духу, - и когда противоречие между ложными устоями нашей жизни и теми светлыми заветами евангельской веры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать одно из двух, тогда русский человек многократно отрицавшийся от Христа, как изменивший, но покаявшийся снова ученик, воскликнет: *Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя*.

1899

Митрополит Антоний (Храповицкий)²⁷

Пушкин как нравственная личность и православный христианин

Обширная литература о Пушкине почти всегда старалась обходить такую тему и всячески старалась выставить Пушкина либо как рационалиста, либо как революционера, несмотря на то что наш великий писатель был живой противоположностью таким понятиям.

В 1899 году, когда Казань и, в частности, Казанский университет праздновали 100-летие со дня рождения поэта, я был приглашен служить там Литургию и сказать речь о значении его поэзии. Я указал на то в своей речи, что несколько самых значительных стихотворений Пушкина остались без всякого толкования и даже без упоминания о них критиками.

Более искренние профессора и некоторые молодые писатели говорили и писали, что я открыл Америку, предложив истолкование оставшегося непонятым и замолченным стихотворения Пушкина, оставленного им без заглавия, но являющегося точной исповедью

²⁷ Статья впервые напечатана в июньских номерах монархического еженедельника "Царский вестник" за 1920 г. (М 45, 46 и 47). Тогда же вышла отдельной книжкой в Белграде. Перепечатана в многотомном издании "Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого" (Т. IX, Н.-И., 1962, с. 143-157), составленном архиепископом Никоном (Рклицким), бывшим до пострига (1941) секретарем владыки. Текст статьи воспроизведен с отдельного издания 1929 г.

всего его жизненного пути, как, например, чистосердечная исповедь Блаженного Августина²⁸.

Вот как оно читается:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой слабый ум,
И праздномыслить было мне отрада<...>

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья,

Один (Дельфийский идол) лик молодой -
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,

²⁸ *Блаженный Августин* (354-430), епископ Гиппонский, один из отцов Церкви, оказавший огромное влияние на развитие богословской мысли, и духовный писатель. Главнейшее творение Бл. Августина - "О Граде Божиим", направленное против язычества, из которого сам Бл. Августин обратился в 387 г., содержит учение о Св. Троице, грехе и благодати. Автобиографическое сочинение Бл. Августина "Исповедь" является не только основным источником сведений о знаменитом учителе Церкви, но и первой в человеческой истории книгой такого распространенного сейчас жанра, как исповедально-дневниковая, мемуарная проза.

Сомнительный и лживый идеал -
Волшебный демон - лживый, но прекрасный<...>

Не однажды, предлагая вниманию слушателей на литературных вечерах и на студенческих рефератах это стихотворение, я спрашивал слушателей: "О какой школе здесь говорится, кто упоминаемая здесь учительница и что за два идола описаны в конце этого стихотворения, подходящего и под понятие басни, и под понятие загадки?" Сам автор такого толкования не дал, но смысл его исповеди в связи ее со многими другими его стихотворениями совершенно понятен. Общество подростков-школьников - это русское интеллигентное юношество; учительница - это наша Святая Русь; чужой сад - Западная Европа; два идола в чужом саду - это два основных мотива западноевропейской жизни - гордость и сладострастие, прикрытые философскими тогами, как мраморные статуи, на которых любовались упрямые мальчики, не желавшие не только исполнять, но даже и вникать в беседы своей мудрой и добродетельной учительницы и пристрасно перетолковывавшие ее правдивые беседы.

Истолковав со своей стороны в печати эту мудрую загадку нашего писателя и, конечно, замолченную вместе с моим истолкованием современною критикой, я тем самым все-таки понудил ее в рецензиях моей речи, а также и в других статьях о Пушкине, коснуться этого стихотворения, но их авторы лицемерно замалчивали (не имея возможности отрицать), главный вывод из пушкинской загадки, а ходили вокруг да около ее смысла, не вникая в ее существо.

Итак, молодое общество, не расположенное к своей добродетельной учительнице и перетолковывавшее ее уроки, - это русская интеллигентная молодежь (и, если хотите, также старики, которые при всяком упоминании о религии, о Церкви и т.п. только отмахивались и начинали говорить о мистицизме, шовинизме, суевериях и, конечно, об инквизициях, приплетая ее сюда ни к селу ни к городу). Наши толстые журналы, начиная с 60-х годов, шли по тому же пути "превратных толкований" всего соприкосновенного со Святой Верой и манили читателя "в великолепный мрак чужого сада", и под названием "просвещения" держали его в этом мраке туманных и уже вовсе не научных теорий позитивизма (агностицизма), утилитаризма, полуматериализма и т.д. и т.п. Гордость и сладострастие, вечно обличаемые нашей учительницей, то есть Церковью в данном случае, наполняли постоянно буйные головки и "слабые умы" нашего юношества, и лишь немногие из них в свое время вразумлялись и изменяли свое настроение, как, например, герои тургеневского "Дыма", гончаровского "Обрыва" и большинства повестей Достоевского.

Не подумайте, будто приведенное стихотворение Пушкина является единственным в своем роде. Напротив, можно сказать, что эти настроения беспощадного самобичевания и раскаяния представляются нам преобладающими в его творчестве, потому что оно красной нитью проходит через все его воспоминания и элегии.

Историко-критическая литература Пушкина не поняла. Белинский преимущественно ценит его как поэта национального, но в чем национализм его убеждений (а не просто подбора тем), Белинский также не объясняет. Не объяснил этого и Некрасов, так искренне преклонявшийся перед силой пушкинского слова и воображения. Ничтожный Писарев ценит его только как стилиста, а тот единственный критик, точнее панегирист, который понял его глубже прочих, профессор Духовной Академии, высоко талантливый В.В. Никольский, открывший пушкинскую Америку в своей актовой речи в Петербургской Духовной Академии под заглавием "Идеалы Пушкина" (1882) и приведший в бурный восторг огромную аудиторию во главе с полным почти составом Священного Синода, остался злостно замолченным в литературе. Я даже не знаю, вышла ли эта речь Никольского отдельным изданием²⁹.

²⁹ Речь проф. В.В. Никольского "Идеалы Пушкина" на торжественном годовом собрании С.-Петербургской Духовной академии 17 февраля 1882 г., кроме публикации в

Однако, благодаря Богу, явился человек, которого замолчать было уже физически невозможно, именно Ф.М. Достоевский, выступивший на торжественном чествовании нашего поэта в "Пушкинские дни" 1880 года в Москве, когда был поставлен ему памятник в первопрестольной столице.

Неоднократно мы упоминали о том колоссальном восторге, который охватил тогда слушателей этой речи Достоевского³⁰ и отразился на всей современной литературе. Мало

"Христианском чтении" (1882, № 2, с. 487-537) и выпуска в свет отдельным оттиском была издана еще и книжкой (СПб., 1887).

³⁰ Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике, произнесенная 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, произвела на слушателей огромное впечатление. Вот один из откликов на эту речь. "Начатая довольно тихо, она <речь. - Сост.>, по мере развития ее все росла, крепчала и точно громом Божиим в последнем возгласе оратора прогремела! Прежде аплодисментов ее сопровождали слезы и истерики. Да, светло, хорошо было! И откуда у этого маленького ростом человека взялись такие могучие, чудные звуки! Гений своими крылами осенил" ("Отблески Пушкинских дней". Русская газета, 1880, 12 июня, М., 72).

Впрочем, и сам Федор Михайлович достаточно колоритно обрисовал реакцию зала Дворянского собрания на свою речь на Пушкинском празднике. Вот что он писал своей жене, А.Г. Достоевской, по горячим следам (письмо от 8 июня 1880 г.):

"Утром сегодня было чтение моей речи в "Любителях". Зала была набита битком <...> Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать, - ничто не помогало: восторг, энтузиазм (все от "Карамазовых"!)). Наконец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Все, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом (это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил - я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: все ринулись ко мне на эстраду: гранд-дамы, студен(т)ки, государственные секретари, студенты - все это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика. "Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили. Вы наш святой, вы наш пророк!" "Пророк, пророк!" - кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. "Вы гений, вы более чем гений!" - говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя есть не просто речь, а историческое событие! Туча облежала горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, все рассеяло, все осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. Да, да! - закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки, мучали меня. Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что "Общество любителей российской словесности" единогласно избирает меня своим почетным членом. Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что все сказано и все разрешило великое слово нашего гения - Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре, лавровый венок, и в

распространенный до того времени "Дневник писателя", в котором Достоевский отпечатал свою речь, был раскуплен в несколько дней; затем понадобилось второе и третье его издание.

Достоевский представлял себе Пушкина тоже как писателя, патриота и как человека высоко религиозного, но в своей речи и в не менее талантливом Приложении³¹ к ней он рассматривал Пушкина с одной определенной точки зрения - как гениального совместителя национального патриотизма с христианским космополитизмом. Справедливо утверждал он, что Пушкин показал себя гениальнейшим писателем мира, обнаружив такое свойство ума и сердца, до которого не дошли мировые гении Шиллер и Шекспир: ведь у последних герои повестей и поэм почти вовсе теряют присущие им национальные черты, и шекспировские итальянцы и испанцы являются читателю как англичане, а герои Пушкина являются типичными выразителями характеров их родных, национальных; примеры приводить на это излишне.

Речь Достоевского о Пушкине настолько глубоко проникла в умы и сердца нашей публики, что рабствовавшая ей критическая литература, которая прежде унижала Достоевского и презрительно издевалась над ним, начиная с 1881 года, после нескольких бессильных "гавканий" на него, совершенно изменила свой высокомерный тон и стала отзываться о Достоевском с таким же почтением, как и о Пушкине; кратко говоря, с этого времени оказалось **непринятым** говорить о Достоевском, как раньше и о Пушкине, без уважения, даже без благоговения.

Читатель, конечно, заметил уже, что центральный интерес наш к личности и поэзии Пушкина сосредоточивается в другой области, нежели в речи Достоевского, хотя и соприкасается с последним. Именно: мы ведем свою речь о Пушкине прежде всего как о христианском моралисте. Приведенное стихотворение "Жизненная школа" свидетельствует о том, что даже независимо от своих политических и национальных симпатий Пушкин интересовался прежде всего жизненною правдою, стремился к нравственному совершенству и в продолжение всей своей жизни горько оплакивал свои падения, которые, конечно, не шли дальше обычных романтических увлечений Евгения Онегина и в совести других людей последнего столетия не оставляли глубоких следов раскаяния, а нередко даже отмечались в них хвастливыми воспоминаниями своего бывшего молодчества. Не так, однако, настроен Пушкин:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, - печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе <...>

Еще беспощаднее его элегии:

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, -
В то время для меня влачатся в тишине

конец заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: "За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!" Все плакали, опять энтузиазм. Городской голова Третьяков благодарил меня от имени города Москвы".

³¹ Под "Приложением" к Пушкинской речи Достоевского владыка Антоний имеет в виду 4 полемических ответа писателя А. Градовскому: 1) Об одном самом основном деле; 2) Алеко и Держиморда. Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты; 3) Две половинки; 4) Одному смиришь, а другому гордишь. Буря в стаканчике. В этих ответах Федор Михайлович отстаивает свои религиозно-нравственные позиции, выраженные в его речи на Пушкинском празднике.

Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.
(1828)

Воспоминания в Царском Селе
Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады

Воображал сей день счастливый,
Когда средь вас возник Лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый,
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я <...>
(1829)

В чем же так горько, так беспощадно каялся наш поэт? Конечно, в грехах против 7-й заповеди, - в этом отношении его совесть оказывалась более чуткой даже сравнительно с совестью блаженного Августина, написавшего свою чистосердечную исповедь.

Последний открыто каялся перед читателями, не щадя своего святительского авторитета, но в чем главным образом? - Увы, и здесь в нем сказался более римский юрист, чем смиренный христианин: он оплакивает грехи своей молодости, но главным образом то, что он в детстве... воровал яблоки и другие фрукты в чужом саду³², что, конечно, делает

³² Эпизод с воровством яблок (вернее - груш), упомянутый митрополитом Антонием, в "Исповеди" Бл. Августина изложен так: "Найдется ли вор, который спокойно терпел бы вора? И богач не терпит человека, принужденного к воровству нищетой. Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а от

всякий порядочный мальчишка, особенно на знойном юге, где фрукты дешевле, чем у нас щавель. Блаженный Августин жестоко терзает свое сердце за то, что, воруя фрукты, он это делал не под давлением нужды, а ради глупого молодечества. Зато чрезвычайно равнодушно он упоминает о бывшем у него незаконнорожденном ребенке, которого смерть похитила уже в юношеском возрасте.

Покаяние же Пушкина в своих юношеских грехах не было просто всплеском безотчетного чувства, но имело тесную связь с его общественными и даже государственными убеждениями. Вот какие предсмертные слова влагает он в уста умирающего царя Бориса Годунова к своему сыну Феодору:

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет,
В семье своей будь всегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою -
Ты муж и Царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Далек был Пушкин от общепризнанного теперь парадокса о том, что нравственная жизнь каждого есть исключительно его частное дело, а общественная деятельность его совершенно не связана с первою.

В годы своей возмужалости Пушкин надеялся освободиться от юношеских страстей и написал стихотворение "Возрождение":

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

К этой же теме он возвращается не однажды, открывая читателю изменяющееся к лучшему настроение своей души.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;

отвращения к справедливости и от объядения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом.

По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительная ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь; по губительному обычаю наши уличные забавы затягивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен". (*Блаженный Августин. Исповедь. Пер. с лат. М. Сергеевко. М, 1992, с. 58-59*).

Остались мне одни страдания,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец -
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один - на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Пушкин постоянно думал о неизбежном исходе человеческой жизни.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Однако мысль о смерти внушает ему не уныние, а покорность воле Божией и примирение со своим жребием (см. его стихотворение):

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных <...>

Религиозное чувство Пушкина не имело только строго индивидуальный характер: перед его сознанием носился образ вдохновенного пророка, к коему он обращался не однажды. Не однажды мы уже читали о том потрясающем впечатлении, какое производила декламация Достоевским пушкинского "Пророка"³³. В эти минуты оба великих писателя как бы сливались в одно существо, очевидно, прилагая к себе самим то видение пророка Исаии, которое Пушкин изложил в своем стихотворении:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".

Мы заявили, что приводим те религиозные переживания поэта, которые были ему присущи независимо от его национальных и общественных взглядов. Однако и в этих переживаниях Пушкин сказался не только как православный христианин, но и как русский человек, которого наиболее любимая молитва, повторяемая в церкви с многочисленными земными поклонами, была любимой молитвой Пушкина.

Отцы пустынники и жены непорочны,

³³ Свою речь на Пушкинских торжествах Ф.М. Достоевский произнес утром, а вечером того же дня на завершающем программу празднеств втором литературно-музыкальном вечере он декламировал стихотворение Пушкина "Пророк". Его манера чтения, тихая, но вдохновенная и выразительная, чрезвычайно тронула слушателей и вызвала громкие аплодисменты.

Чтоб сердцем возлегать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей -
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

С любовью воспроизводя мотивы русского христианского благочестия в типах Бориса Годунова, старца Пимена и Патриарха Иова (современника Годунова), наш поэт не повторяет, конечно, насмешливых оговорок других писателей, когда они касаются древнерусской истории. Из его поэм и драм видно, что он считает религиозное настроение древности более духовным, более Евангельским, чем настроения современного ему общества, и последнему предпочитает благочестие простого народа русского:

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами от столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит,
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колелясь и шумя...

(1836)

Религиозные и даже церковные идеалисты интеллигентного сословия не часто сближаются с представителями нашего высшего духовенства; не слышно относительно Пушкина, чтобы он имел много друзей из духовных лиц, ибо латинская и сословная кастовая школы поставили тяжелую перегородку между обществом и духовенством, которую пробивает, да и то не всегда, только народное неистребимое благочестие, хотя там пастырский союз встречает еще одно затруднение в виде подати на священников, которая может охладить к ним народное сердце. Впрочем, Пушкин силою своего светлого ума и благожелательного чувства тоже пробивает помянутую перегородку и находит дорогу к сердцу покойного митрополита Филарета. Остановимся на следующем стихотворении поэта:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Митрополит Филарет ответил на эти стихи следующим стихотворением:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Господа дана.
Не без цели Его тайной
На тоску осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, Забытый мною, -
Просияй сквозь сумрак дум, -
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светлый ум!..

Пушкин, в свою очередь, ответил на это следующим стихотворением:

Стансы

(Митрополиту Московскому Филарету)

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал,

Я лил потоки слез нежданных,

И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Не позволяя себе шуток над благочестием чисто церковным, наш поэт негодовал на интеллигентское ханжество, в котором религиозность сливается с самолюбием, и ясно понимал, насколько народное благочестие проникнуто от начала и до конца смиренномудрием, возвышеннее и чище барского и купеческого благочестия. Прочтите уже цитированное нами стихотворение, в котором он сравнивает городское и сельское кладбища.

Это же глубокое понимание нашей Божественной Веры как постоянной борьбы с гордостью и восхвалением смиренномудрия обнаруживает Пушкин в своей сказке о рыбаке и рыбке. Пока злая старуха, жена рыбака, просила себе: 1) нового корыта, 2) новой избы, 3) дворянского достоинства и 4) наконец, царского звания, Золотая Рыбка все это ей давала, хотя и с неудовольствием, но когда она пожелала быть морской богиней, то рыбка только плеснула хвостом и исчезла в водах моря, а с ней исчезли все ее дары, и старуха осталась в прежней нищете при разбитом корыте.

Пора сказать несколько дополнительных слов о других нравственных перспективах Пушкина: здесь прежде всего поражают нас его частые мысли о смерти и связанной с нею тщетности всех человеческих общественных стремлений. Заметьте при этом его полную примиренность со жребием смертных и нечасто встречающееся отсутствие зависти к живым. Замечательно, что стихотворения с такими мотивами написаны в молодые годы, когда он пользовался крепким здоровьем.

Впрочем, такое сосредоточение своего чувства на своем покаянии и на неизбежности смерти несколько не закрывает сердце поэта к ближним: к России, к своему Лицею и к школьным товарищам. Любить Отечество - это свойство, конечно, большинства людей, но любить свою школу и товарищей не только во время совместного обучения и воспитания, но и впоследствии, во время разлуки, и не столько обличать их, сколько подчеркивать добрые стороны их характера, - для этого нужно быть в некотором смысле тем великим Пименом, который при всей своей правдивости носил в сердце примиренность с жизнью и самое благожелательное отношение к современникам при всех их грехах и слабостях:

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны, -
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду...

В продолжение нескольких лет Пушкин ежегодно писал нечто вроде оды в честь своего Лицея. Самые задушевные, скажем, более нежные тона слышатся в его поздравлении своей Alma Mater. Он не идеализирует своих товарищей и наставников, но подчеркивает их добрые качества и высокую задачу жизни русской интеллигенции в тогдашнем еще крепостническом русском строе. Нежное чувство к своей школе распространяет поэт и на все Царское Село, где она помещалась, и одно из своих стихотворений в честь Лицея он оканчивает словами: "Отечество нам Царское Село" ("19 октября").

Доступность такого поэтического отношения к своему Лицею современникам Пушкина и особенно его товарищам обуславливалась тем, что в то время все просвещенные русские люди как бы нравственно обязывались быть поэтами и сочинять стихи. Пушкин, конечно, не мог не сознавать нравственного превосходства своей музы над маленькими талантами своих школьных друзей, но благородство его души сказывалось в том, что он не дает этого почувствовать последним и признает их как бы своими сотрудниками по вдохновению, о чем свидетельствует только что указанное праздничное приветствие его Лицею, где он поименно обращается то к одному, то к другому своему товарищу из своей псковской ссылки. Тон обращения грустный, но чуждый всякой зависти.

Можно, конечно, толковать о сентиментально-романтическом направлении той эпохи, которая будто бы отразилась на светлом уме Пушкина, но здесь мы видим нечто гораздо более высшее. Романтизм Тентетникова³⁴ устремляет свои нежные чувства не к ближним своим, а, как выражается Достоевский, - к дальним, или к случайным встречным гостям. Пушкин же любит и ласкает своих друзей и невольных сотрудников по учению и службе.

Особенно замечательно в его жизни то, что он не более как 15 лет от роду дал сам себе правдивую, но, может быть, слишком строгую характеристику, в которой чувствуется не мальчик-подросток, а глубокая душа и зачаток гениального наблюдателя.

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-Богу, добрый человек.

Пушкин-патриот

Об этом тоже старались умалчивать большинство его критиков, тем более что быть патриотом считалось до эпохи беженства почти постыдным, и только во время военных походов у нас приветствовали героев, да и не без насмешек.

Несомненным патриотом был Чацкий у Грибоедова, но и он подтрунивал над тем, как встречали в Москве гвардию:

Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали.

Напротив, Пушкин не только не стыдился показать себя патриотом, но и прославлял непопулярного среди литераторов Императора Николая Павловича:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;

³⁴ Андрей Иванович Тентетников, - персонаж поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души"; по характеристике автора, "принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена - увальни, лежебоки, байбаки и тому подобное". Романтизм Тентетникова коренится в бездействии, пустых мечтаниях, погружен "в беспечную лень байбака", т.е. сурка. Сугубо нарицательный тип.

Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер - и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на Царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод -
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Критическая литература о Пушкине иногда с ходульным негодованием, но иногда с сочувствием напоминает об отношении Императора к нашему народному поэту. Действительно, властный Самодержец относился к юному поэту отечески. Смирив его ссылкой и дав ему литературную работу, покойный Император нравственно поддерживал его до самой смерти и своим христианским участием облегчил его последние дни на земле.

Понятно поэтому, что и Пушкин ценил не только личность Государя, но и самый принцип монархии, даже когда протестовал против наших строгих законов и в частности крепостного права:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию Царя <...>

О том, как Русский Царь может совмещать неприкосновенность власти с дружелюбным отношением к своему народу, можно учиться у пушкинского Бориса Годунова; но еще более ясно свои глубокие симпатии к самодержавию и презрению к революции Пушкин изобразил в "Капитанской Дочке" в изображении Екатерины II и в описании тогдашней Пугачевской революции, которое он заключает словами: "Не приведи Бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка - полушка, да и своя шейка - копейка". Конечно, эти мудрые слова гениального писателя полностью не приводятся во многих изданиях, посвященных его творениям.

Много можно еще сказать о патриотизме Пушкина, который с особой силой сказался в стихотворении "Клеветникам России" и в панегирике Кутузову³⁵, но это мало входит в нашу задачу и может составить содержание особого очерка. А пока укажем на ту тоже драгоценную, но почти незамеченную критикой особенность пушкинского творчества, что он, по-видимому, целых два года (1832-1833) почти посвятил "Песням западных славян", то есть оказался славянофилом раньше появившегося у нас славянофильства. Под западными славянами он понимает дружественных нам сербов, которым приписывает высокогеройский дух и православное благочестие. Самое замечательное из этого рода стихотворение о Карагеоргиевиче, решившемся убить своего отца за намерение предать Сербское войско туркам.

За всем тем остается вопрос, почему же Пушкин, столь правильно уразумевший православно-народное мировоззрение, не мог не поддаться влиянию гнусного европейского предрассудка, унаследованного нашим обществом еще от эпохи рыцарей, и окончил жизнь свою на дуэли, сподобившийся, впрочем, по особой милости Божией, предсмертного покаяния и Св. Таинства причащения. Предрассудок этот, узаконенный и Европой, и русским дворянством, а затем и всей интеллигенцией, - **гордыня**, та самая гордыня, которую он, согласно Христову закону, изображает, как одного из двух бесов, соблазнявших его еще юную душу. Не так думал кончить свою жизнь наш поэт, судя по одному из лучших его стихотворений:

Монастырь на Казбеке.

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав "прости" ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Такой исход был бы последовательным завершением его жизни, постепенно отрешавшейся от тех заблуждений, которые начертал на его лице "художник-варвар кистью сонной".

Совершенно освободиться от остатков гордыни, закрепившейся в нелепом предрассудке дуэли, - это самое трудное в христианском подвиге человеческой души, и сего достигает она после долгих лет духовной борьбы с собою. Достиг бы этого и Пушкин, если бы Бог продлил жизнь гениального поэта до старости.

1929

³⁵ Под панегириком Кутузову имеется в виду стихотворение А.С. Пушкина "Перед гробницею святой", посвященное фельдмаршалу М.И. Кутузову. В письме к дочери полководца Е.М. Хитрово Пушкин признавался, что стихотворение написано "в такое время, когда можно было утратить бодрость", разумея тревогу за судьбу польской кампании в связи с нерешительными действиями командовавшего русской армией Дибича. Положение дел на театре войны и международное положение России заставляли поэта сравнивать переживаемое время с 1812 г. Первые 6 строк - описание гробницы кн. М.И. Голенищева-Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

Протоиерей Иоанн Восторгов³⁶ **Вечное в творчестве поэта**

³⁶ *Восторгов Иоанн Иоаннович* (1804-1918), синодальный миссионер, выдающийся духовный писатель и проповедник, настоятель собора Василия Блаженного в Москве, исповедник веры Христовой. Родился в семье священника на Ставропольщине. После окончания Духовной семинарии устроился учителем русского языка в Ставропольскую женскую гимназию, затем принял священнический сан (1887) и был определен законоучителем в ту же гимназию (1890). Вскоре его переводят в Тифлис и назначают епархиальным миссионером Грузинского экзархата. Некоторое время спустя о. Иоанн едет в Персию присоединять к Православию сирохалдеев-несториан, где положил начало Православной миссии. После успешной поездки в Персию он был приглашен митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским), с которым сблизился еще в годы служения в Грузинском экзархате, в Москву, где Св. Синод вскоре назначил его синодальным миссионером-проповедником по изобличению сектантов и смутьянов социалистического толка. В 1905-1907 гг. он особо деятельно участвовал в православных организациях и монархических союзах, отвращая народ от выступлений против Государя и самодержавной власти, за что постоянно подвергался нападкам в левой печати, представлявшей его как "черносотенца", "мракобеса", "ретрограда" и "антисемита", на что о. Иоанн отвечал удвоенной работой среди простых людей. В Иркутске, Петропавловске-на-Камчатке, в Тобольске и Омске он произносит перед собравшимися крестьянами и рабочими яркие речи, много сил отдает устройению церковной жизни среди многочисленных переселенцев, съехавшихся отовсюду в Сибирь.

В 1910 г. Иоанн Иоаннович посетил Харбин, чтобы создать здесь Братство Воскресения Христова при Св.-Николаевском соборе, которое бы заботилось о могилах павших в Маньчжурии русских воинов. Год спустя стараниями о. Иоанна Российское Императорское Палестинское общество приобретает участок земли в итальянском городе Бари, где почивают мощи Св. Николая Мирликийского чудотворца, там же основывается подворье для русских богомольцев. А еще два года спустя его тщанием был основан в Москве Женский Богословский институт.

Замечательный проповедник, о. Иоанн еще и автор блестящих публицистических произведений, написанных ярко, убедительно, доступно для понимания верующего народа. В 1914 г. вышло в свет Полное собрание сочинений протоиерея И.И. Восторгова в 5 тт.

После отречения Николая II о. Иоанн Восторгов, будучи настоятелем Покровского собора (храма Василия Блаженного) в Москве, в своих проповедях в храме и на Красной площади, где он по воскресеньям служил молебны, не только обличал богоборческую власть, но и призывал верных к исповеданию Христа, вплоть до мученической кончины.

С начала революции и в разгар террора, т.е. весь 1917 и до конца весны 1918 г. о. Иоанн издает газету "Церковность", обширную по объему, от первой до последней строки содержащую обличительные проповеди и статьи только одного автора - самого издателя.

Летом 1918 г. о. Иоанн был арестован ЧК, а 23 августа того же года расстрелян. Как описано протопресвитером М. Польским в его книге "Новые мученики российские" (1949), отец протоиерей Восторгов первым бодро подошел к могиле (расстреливали на краю Ходынского поля в окрестностях Москвы), сказав перед тем несколько ободряющих слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю испускательную жертву.

Статья "*Памяти А.С. Пушкина. Вечное в творчестве поэта*" написана о. Иоанном к столетнему юбилею поэта, в сокращенном варианте зачитана им 26 мая 1899 г. в церкви Тифлисской - 1-й женской гимназии в присутствии преподавателей и учащихся. Произвела глубокое впечатление на слушателей. В этой статье молодой проповедник воспользовался некоторыми суждениями известной речи о Пушкине архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича) (см. наст. изд.). Текст статьи воспроизводится по Полному собранию сочинений И. Восторгова (Т. I, М., 1914, с. 266-296).

Всякий раз, когда христиане поминают молитвою умершего собрата, - будь то младенец или старец, будь то знатный вельможа или безвестный простой поселянин, - Церковь всегда и неизменно возглашает умершему вечную память. Для людей вдумчивых в этом обыкновении Церкви найдется много глубоко поучительного, глубоко отрадного. Церковь не может отказаться от этого обыкновения, не отказавшись от одного из основных устоев христианства и всякой религии вообще, - от веры в бессмертие человеческого духа. Человек не особь только своего рода, не листик от дерева, не волна - одна из бесчисленных волн в море... Человек - это **личность**, и как личность он **не может возникнуть для того, чтобы исчезнуть бесследно**. Отлившись в законченный духовно-нравственный образ, определив себя здесь, в земной жизни, оставив в ней заметный или малоприметный, но все же тот или другой след, он продолжает жить и после смерти и развиваться в области иного бытия, для изображения которого у нас нет ни слов в языке, ни красок, ни образов в воображении. И современники и потомки могут забыть умершего; имя его может изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвестной могиле; но будет о нем память пред лицом Бога, для которого нет мертвых, а все живы (Лк. 20: 38); будет о нем память в молитвах Церкви, которая до скончания мира содержит в лоне материнской любви своей всякую верующую душу как богосозданную и богоискупленную, ни одной из них не считает ничтожною, и за каждую и за всех умоляет Божественное милосердие.

Сегодня [26 мая 1899 г. - *Сост.*] мы поминаем редкого человека-христианина; поминаем человека, у которого с вечною памятью общего всем бессмертия сливается **вечная память** в своем народе и бессмертие в сознании лучших представителей всего человечества. И потому в настоящие молитвенные минуты особенно знаменательно, особенно вразумительно звучит церковное возглашение ему вечной памяти.

С самых первых дней литературной деятельности имя Александра Сергеевича Пушкина стало приобретать себе славу; шли годы, расширялась его деятельность, ширилась и росла его известность. Смерть принесла ему не забвение, а еще большую славу. Слух о нем прошел по всей Руси великой, и ныне называет его всяк сущий в ней язык³⁷. В последние двадцать лет уже в третий раз русская земля всенародно чтит своего поэта (Разумею 6 июня 1880 г. - открытие памятника поэту в Москве; 29 января 1887 г. - пятидесятилетие со дня его смерти и, наконец, настоящий Праздник столетнего юбилея со дня его рождения. (Все постраничные примечания - авторские. - *Сост.*)), и каждый раз образ его вырисовывается все ярче и ярче, деятельность его понимается и ценится все глубже и глубже, растет и растет его имя, и мнится и видится, что память о нем становится чем дальше, тем дороже, и - "любезная народу" - будет воистину "вечная память":

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль...³⁸

Это потому, что в жизни и деятельности поминаемого поэта, очевидно, много было несокрушимого и вечного, было много неумирающего, что

Праха переживет и тленья убежит.

Так исполняется и в условиях земных слово апостола: *Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6: 8).

Что же такого вечного, несокрушимого и неумирающего было в деятельности нашего поэта?

Знаю, что не мне и не здесь говорить об его литературной деятельности в целом, не мне давать ее всестороннюю оценку после того, как столько об этом и сказано и написано людьми, без сравнения более меня сведущими и более к тому подготовленными. И в нынешний день, без сомнения, во всех концах великой России и далеко за ее пределами

³⁷ Неявное цитирование строк пушкинского стихотворения "Я памятник себе воздвиг нерукотворный...":

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

³⁸ Строки из стихотворения А.С. Пушкина "К портрету Жуковского" (1818 г.).

этому предмету посвящены будут чтения и речи, и вы услышите сегодня оценку поэта от специальных, более опытных и умудренных ценителей.

Но есть нечто, что и уместно и должно сказать служителю Церкви, и не станем скрывать: это "нечто" выражено прежде всего в словах заупокойного нашего моления, в котором, кроме возглашения вечной памяти умершему, чаще и настойчивее звучит: *О еже проститися ему всякому согрешению вольному же и невольному...* Церковь также неизменно возглашает это моление о всех своих чадах, от Царя до простолюдина. Пусть не покажется оно нарушающим согласный хор похвал и славы в честь великого поэта. Прямота с искренностью, напротив, разъяснит дело, облегчит сердце, а чрез это и на праздник наш не будут набегать унылые тени. *Несть человек иже поживет и не согрешит*, - говорит Церковь в оправдание своего неизменного моления.

Согрешил, живя, и поминаемый писатель; согрешил и в литературной деятельности, иногда как-будто бы и далеко уклоняясь от религиозно-нравственного идеала, от того, что незыблемо и вечно; согрешил, наконец, и тем, что умер жертвою дуэли, этого нелепого и нечестивого общественного предрассудка. Кто обо всем этом не знает? Кто об этом не думал, кто не говорил?

Правду сказать, на эту отрицательную сторону жизни и деятельность поэта обращали больше, чем надо, внимания, так что, можно сказать, и с этой стороны "слух о нем прошел по всей Руси великой", и окружающее его и музу его туманное облако непонимания, недоумения и клеветы не совсем еще рассеялись и донныне. Нашлись и находятся особые любители, которые с рвением, достойным лучшего дела, обходя в поэте вечное и достойное, а часто и не зная и не умея понять этого вечного, с особенным наслаждением подчеркивали его слабости и недостатки, с непонятною радостью утверждали, что поэт был и ненадежным христианином, и ненадежным сыном отечества, и приписали ему много такого, чего он никогда не делал, чего никогда не говорил³⁹. Что сказать на это?

Не нужно забывать, что поэт "платит дань своему веку, когда творит для вечной" (Карамзин); не нужно забывать, что в земной деятельности человеческой высшие дары небесные (а ими нескучно наделил Творец нашего поэта) проявляются в брэнной человеческой оболочке; что задача нравственной жизни есть постепенное отрешение от всего, что есть в этой оболочке неизменного, чувственного, себялюбивого и жестокого; что в широте натуры лежит возможность и глубокого отклонения от нравственного идеала, но вместе и возможность самого возвышенного ему служения. Великие люди как люди, без сомнения, глубоко иногда падают, но зато и восстают, и каются, и прошлое смывают, заглаждают, и являются опять-таки великими в своем восстании.

Церковь, олицетворяя нравственный закон и нравственный суд, не закрывает глаз на эти падения великих; не скрывает греха Давида, отречения Петра, гонительства Павла, былой греховности Марии Египетской или Евдокии Преподобной; но она внушает нам при воспоминаниях об усопших приводить себе на память лишь общее представление о человеческой слабости и греховности с теплою мольбою о прощении согрешений почившего, с смиренным сознанием собственной греховности и предстоящей всем людям смертной участи.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за, добро -
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

³⁹ К сожалению, "любители" исказить подлинный облик поэта выставляли и продолжают выставлять его как богохульника и сквернословя, см., например: *Марьянов Б.М.* Крушение легенды. Против клерикальных фальсификаций творчества А.С. Пушкина. М., 1985; *А.С. Пушкин. Стихи не для дам* (Составитель А.С. Пьянов). М., Интерлист, 1994. С наследием поэта бесцеремонно обходятся и составители сборников эротических виршей.

Только в таком смысле воспоминания об этой последней стороне жизни усопших могут быть полезны и для усопших и для живых. А иное припоминание - с осуждением, с тайным самоуслаждением, со злорадством, с каким бы то ни было нечистым и страстным отношением - это кощунство, более преступное, чем разрывание могил и поругание смертных останков, это осквернение внутреннего духовного мира живых и нарушение вечного покоя мертвых; это, наконец, наглядное свидетельство о невысоком нравственном состоянии самих судей и тех, кто им радостно внимает (Вот резкий приговор этому явлению со стороны самого Пушкина: "Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в низости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего: он мал, как мы; он мерзок, как мы" (Письмо к кн. Вяземскому)). Да а полезно ли это кому-нибудь? Нет, -

Укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научат любить глубоко.
Не справедливее ли слово поэта:
Спящих в могиле виновных теней
Не разбужу я враждою моей?
(Слова Некрасова.)

По меткому выражению одного из великих писателей наших, Пушкин был "всечеловек" (Достоевский); по словам современного Пушкину другого великого писателя, Пушкин удивительно мог переноситься во все века, пережить, понять и художественно изобразить все душевные состояния (Гоголь). Изображая жизнь во всех ее разнообразных проявлениях, конечно, он отмечал и ее отрицательные стороны; но изобразить их хотя бы и художественно - еще не значит им сочувствовать.

Может быть, однако, с этой стороны он был и виновен; виновен тем, что в его изображении всякая страсть как бы имеет право на законное существование, представлена не в отталкивающем, а иногда как-будто в привлекательном виде, не заклеена огненным обличением. С нравственной точки зрения, это теневая сторона деятельности поэта. Но при всем том он был более всего поэтом не только "положительной стороны русской действительности", по выражению известного критика (Белинского), но и **поэтом положительной стороны жизни вообще**. Этим он особенно дорог в нашей литературе, вообще не очень богатой положительными талантами, положительными стремлениями; этим он дорог и в воспитании юношества как открывающий ему источник чистого, возвышенного, жизнерадостного и уравновешенного **идеализма**. И нельзя не признать, что с течением времени это положительное выступает в творчестве нашего поэта все сильнее, все ярче, входит в связь с его возвышенным религиозным настроением и в последние годы его недолгой жизни становится одним из основных мотивов, если только не самым основным, его творчества:

И долго буду тем любезен я народу,
Что **чувства добрые** я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Но Пушкин как личность был нераздельным со своей поэзией; это в нем особенно бросается в глаза; и его глубокой искренности, необыкновенной правдивости не отрицала никакая, даже самая пристрастная и озлобленная критика. Как натура художественная, чуткая, отзывчивая Пушкин мыслил вслух, чувствовал вслух и, так сказать, жил вслух. Его душа - это как бы механизм в хрустальном футляре, всем видный, для всех открытый. И все, что у нас обыкновенно скрыто в глубине духа и не показывается на свет Божий, все движения страстей, все грехи мыслей, - все это, при указанном свойстве поэтической природы Пушкина, было открыто для наблюдения, и все это у него выливалось в слове. Оттого в первых ранних произведениях поэта мы видим следы его неправильного домашнего и школьного воспитания, отражения окружавшей его легкомысленной жизни, видим иногда

нечто несерьезное, нечто нечистое, недостойное, стоящее в противоречии с религиозно-нравственным идеалом. По его собственному признанию, -

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире он моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Сам он говорил о себе, что -

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

"В ранних его произведениях, - говорит о нем один глубокомысленный критик-философ, - мы видим игру остроумия и формального стихотворческого дарования, и легкие отражения житейских и литературных впечатлений. Но в легкомысленном юноше быстро вырастал великий поэт, и скоро он стал теснить "ничтожное дитя мира". Под тридцать лет решительно обозначается у Пушкина -

Смутное влеченье
Чего-то жаждущей души, -

неудовлетворенность игрою темных страстей и ее светлыми отражениями в легких образах и нежных звуках:

Познал он глас иных желаний,
Познал он новую печаль!

Он понял, что "служенье муз не терпит суеты", что "прекрасное должно быть величаво", то есть что красота, прежде чем быть приятною, должна быть достойною, что **"красота есть только ощутительная форма добра и истины"** (Вл. Соловьев. "Судьба Пушкина". // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX - первая половина XX в. / Сост. Р. Гальцева. М., "Книга", 1090, с. 25.). С течением времени в нашем поэте рядом с художником, не подавляя художника, усиливается и живет глубокий мыслитель, и плодом этой совокупной деятельности является нам наш **великий Пушкин, вечный Пушкин**. Как последний удар резца над великим произведением, открывая миру неувядаемую красоту души поэта, является его смерть, которая завершила и дала нам и Пушкина-христианина.

Никто из судей Пушкина не осудил так бесповоротно и не оплакал так сильно его падений, как сам же поэт: эти минуты, в которые лира его служила звукам "безумства, лени и страстей" вместо "звуков сладких и молитв", вызывали в нем глубокие сожаления, тяжкие чувства. И тогда "струны лукавой невольню звон" он прерывал, и "лил потоки слез нежданных, и ранам совести" своей искал целебного ерея. В унынье часто помышлял он о юности своей, утраченной в бесплодных испытаньях, о строгости заслуженных упреков - и "горькие кипели в сердце чувства". Он сознавал, что "в пылу восторгов скоротечных, в бесплодном вихре суеты, о, много расточил сокровищ он сердечных за недоступные мечты". Он, выражаясь его сильным языком, "проклинал коварные стремленья преступной юности своей, самолюбивые мечты, утехи юности безумной":

Когда на память мне невольню
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идиолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унижил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

В порыве покаянного чувства поэту предносится образ евангельского блудного сына, и он, как

<...> отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

Минуты раскаяния в прегрешениях юности были особенно горьки и томительны для поэта:

В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живею горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с **отвращением** читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в изгнании, в степях
Мои утраченные годы <...>
И нет отрады мне - и тихо предо мной
Встают два призрака молодые <...>
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба.
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба.

И когда он так блуждал, "часто утомленный, раскаяньем горя, предчувствуя беды", в нем назревал постепенно полный нравственный переворот. Бывали минуты уныния, когда поэт с горечью восклицал:

Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...

Но это были только минуты. В общем, все же "в надежде славы и добра глядел вперед он без боязни", и все более и более звучали в нем струны того вечного, живого, высокого, светлого, святого, что мы называем **религией**. Много стихотворений вылилось у него в этом новом, все усиливавшемся настроении духа, - и это самые чистые, самые возвышенные создания его поэзии, вызывающие на глубокое раздумье. Так, он не пал под бременем греха и отчаянья и не стыдясь вслух пред миром оплакивать свои паденья, не стыдился исповедовать тот символ веры, который звучал в нем все явственнее, все звучнее, все настойчивее.

Читайте его стихотворение "Странник". Как сильно изображено в нем его пробуждение к новой жизни, принятое окружающими чуть ли не за безумие; указание пути к этой жизни находит он у юноши, читавшего какую-то книгу, о которой нетрудно догадаться по содержанию. "Узкий путь спасенья и тесные врата", очевидно, указаны были ему в священной книге Евангелия (Мф. 7: 13, 14). "Как от бельма врачом избавленный слепец", увидел он свет и в нем - спасенья "тесные врата". И к ним "бежать пустился в тот же миг".

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле

Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть - оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.
(Стихотворение написано 26 июня 1835 г.)

С наступлением поры полного расцвета сил в нем замечательно ясно пробудилось и определилось религиозное сознание. Так называемое полуневерие его ранних лет было неглубоко, оно "было более легкомыслием, чем убеждением, и оно прошло вместе с другими легкомысленными увлечениями" (Вл. Соловьев). То, что поэт сказал о Байроне, приложимо вполне и к нему самому: "Вера внутренняя перевешивала в душе его скептицизм, высказанный им местами в своих творениях. Скептицизм сей был временным своеобразием ума, идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, изд. Ефремова, V, 107-110.); а у Пушкина он был и временным отпечатком того уродливого в нравственно-религиозном отношении воспитания, которое он получил и которое он сам, даже в годы молодости, так беспощадно осудил как "самое недостаточное и самое безнравственное" (в известной записке, поданной Императору Николаю I в 1826 г.) ("Ни в одном из моих сочинений, - пишет А.С. Пушкин, - не видно ни направления к безверию, ни кощунства над религией" (Письмо к гр. Бенкендорфу)). Читайте его стихотворение "Безверие"; оно тем более поучительно, что написано в первый период его поэтической деятельности, когда нравственный перелом в нем обозначился еще недостаточно ясно (1817 г.). Стихотворение может быть названо подробным раскрытием мысли древнеязыческого поэта Вергилия: "Блажен, кто верует: ему тепло на свете". Наш поэт и в раннем возрасте глубоко прочувствовал истину этих слов. Он просит взглянуть на неверующего.

Не там, где каждый день -
Тщеславие на всех наводит ложную тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною
В беседе с дружеством иль с **темною мечтою** <...>
Взгляните - бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой <...>
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой иступленье <...>
Восплачьте вы о нем, имейте сожаленье.
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит <...>
Лишенный всех опор отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Ужасно чувствовать слезы последней муки -
И с миром начинать неизвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О, вера, ты стоишь у двери гробовой <...>
При пышном торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
... "Счастливыцы! - мыслит он, - почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немоцном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!"<...>

При чтении других сочинений поэта видим, что он бесповоротно отказывается от сочувствия всякому виду вольнодумства (По поводу одной печатной кощунственной выходки поэт, негодуя, пишет: "Я от дерзости этой до сих пор прийти в себя не могу").

осуждает Вольтера и его направление; Библия вдохновляет его (Письмо к жене 25 октября 1834 г.), Евангелие становится его любимой книгой (См. Записки А.О. Смирновой. [Из записных книжек 1826-1845 гг. 4.1. СПб., изд. ж-ла "Северный Вестник", 1895, с. 91].); он призывает Бога, допускает Его Промысл; восхищается псалмами, приводит слова Екклезиаста; в стихи перелагает молитвы, слова Священного Писания; молится Богу, ходит в церковь, посещает монастыри, служит молебны; приступает к таинствам; высказывает желание в память своего рождения выстроить в своем селе церковь во имя Вознесения.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на **меня** с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель -
Она с величием, Он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах.

Он чтит, благоговей, возмущаясь всяким видом кощунства, чтит - Христа:

Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть Свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию,
Того, Чья казнь весь род Адамов искупила.

В своей лире поэт теперь находит чудные, чарующие звуки возвышенного религиозного строя. Оживают у него "отцы пустынники и жены непорочны" со своею умилительною молитвою; с великою силою утверждается значение нравственного элемента в жизни. "У всякого своя есть совесть, она проснется в черный день", - говорит поэт даже о разбойниках. Возвышенным вдохновением звучат его слова о совести, влагаемые в уста Скупого рыцаря и Бориса Годунова: "Совесть, когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, незваный гость, докучный собеседник. <...> от коей меркнет месяц и могилы смущаются и мертвых высылают": "... она одна среди мирских печалей успокоит. "Так, здравая, она восторжествует над злобою, над темной клеветою. - Но если в ней единое пятно, единое, случайно завелось, тогда - беда! как язвой моровой душа сгорит, нальется сердце ядом.<...> Ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть нечиста". В наставлениях детям, в словах Бориса Годунова и Гринева-отца, поэт обнаруживает глубокое, согретое теплым сочувствием и убежденное понимание основ религиозно-нравственной жизни; выступают у него в произведениях люди истинной чести и долга ("Капитанская дочка"), и поэт сумел найти их среди неприметных героев нашего смиренного прошлого; рисуются у него женские образы непорочной чистоты: эта Татьяна, что "молитвой улаждала тоску волнуемой души", и эта набожная, душевно-привлекательная дочь бесстрашного и скромного в подвиге героя-капитана. В своих произведениях, проникая в глубь истории, поэт входит в духовное общение с многовековою жизнью целого народа и затем с мыслью и жизнью всего человечества. Здесь прошлое не представляется ему "мертвою скрижалю": он ищет в нем смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основой для будущего; постигает он здесь цену религии, этой вековечной основы жизни и в истории человечества и в истории родины.

"Религия, - говорит он, - создала искусство и литературу, все, что было великого с самой глубокой древности; все находится в зависимости от этого религиозного чувства <...> Без этого не было бы ни философии, ни поэзии, ни нравственности" (А.О. Смирнова. Записки..., с. 102.). Величаво выступает у него патриарх Иов как представитель древней Русской Церкви; привлекательными чертами рисуется инок Пимен-летописец. Значению духовенства и духовному образованию приписывает он высшую государственную важность; признает благодетельное значение для России Православия⁴⁰; заявляет, "что в России

⁴⁰ Замечателен ответ А.С. Пушкина известному Чаадаеву по поводу его оскорбительного для Православия "философического письма", помещенного в "Телескопе" (1836 г., М 15), "Вы утверждаете, - пишет наш поэт, - что источник, откуда мы заимствовали христианство, был нечист, что Византия достойна презрения... Ах, Сам Иисус Христос не

влияние церкви было столь же благотворно, сколько пагубно в землях неправославных; что, огражденное святыней религии, духовенство наше было посредником между народом и высшею властью; что монахам русские обязаны нашею историей и просвещением". Изучив глубже историю России, он уразумел великий подвиг власти в деле строения Русской земли, понял глубокополитический и философский смысл нашего единодержавия и признательными стихами отвечал на подвиги царей, вождей и правителей народа, осудив бунты и измены: "Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов без всяких насильственных потрясений". Самое рабство народа, крепостничество, которое поэт ненавидел всею душою, в его воображении рисовалось "падшим по манию царя", а не путем насильственного переворота. По его словам, "те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим и своя шейка - копейка, и чужая головушка - полушка".

Теперь и жизнь не кажется ему, как прежде, "даром напрасным и случайным". Известно, что на унылое стихотворение Московский архиепископ, митрополит Филарет, в свою очередь, написал ответное стихотворение, глубокомысленное и истинно христианское: "Не напрасно, не случайно, - жизнь от Бога мне дана". Пушкин с величием покаянного чувства писал архипастырю:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

И уж не смерть призывает он к себе: душа полна замыслами творений новых, в которых скажется просветленный дух поэта, отвергший "мрак земных сует". Правда, и теперь "день каждый, каждую годину привык он думой провожать, грядущей смерти годовщину меж них стараясь угадать"; и теперь "безумных лет угасшее веселье" ему тяжело, как "смутное похмелье", и "как вино, - печаль минувших дней" в его душе была "чем старе, тем сильней"; сулило ему "труд и горе грядущего волнуемое море".

Но не хочу, о други, умирать;

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Это он писал, по словам биографов, как раз пред тем, когда женитьбой полагал предел жизни старой и начинал новую, просветленную. Он понял **значение страдания**, а это значит понять и христианство. И слово его оказалось пророческим: страданиями проразумел он смысл жизни и, наконец, смысл смерти; трехдневные страдания после дуэли окончательно укрепили его дух и сделали его зрелым для жизни новой, вечной.

Но остановимся на короткое время и от литературных произведений Пушкина перейдем к его личности, как она являлась наблюдательному взору его лучших и более вдумчивых современников и последующих ценителей. Здесь мы увидим опять, что поэзия

был ли иудеем, и Иерусалим не самая ли незначительная нация? Но разве Евангелие вследствие этого менее изумительно? Мы приняли от греков Евангелие и предания, но не приняли вместе с тем недугов Византии. Нравы Византии - не нравы древнего Киева".

Пушкина была нераздельна с его личностью и, при его глубокой искренности, сливалась совершенно с его жизнью.

Пушкин всегда производил на всех впечатление огромной умственной силы. Это был "ум здравый, живой, трезвый, уравновешенный, чуждый всяких болезненных уклонений" (Вл. Соловьев). Таким в годы молодости показался он Императору Николаю I, который после первого свидания с поэтом сказал: "Сегодня я беседовал с самым замечательным человеком в России". Таким он казался лучшим русским людям, современникам его: Гоголь, Вяземский, Плетнев, Жуковский - это все его друзья и почитатели. Иностранцы утверждают то же. Французский посол Барант называет его "великим мыслителем"; Мицкевич говорит о нем: "Пушкин удивлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума... Речь его, в которой можно было заметить зародыши будущих его произведений, становилась более и более серьезною. Он любил разбирать великие **религиозные** и общественные вопросы". Но и при таком постоянном уме всем бросалось в глаза, что Пушкин в последние годы как-то особенно вырос. Очевидно, то, что вылилось в его стихотворениях, его религиозно-философское настроение, охватило его всецело. "В последнее время, - говорит о нем Гоголь, - набрался он так много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно, что хоть записывай каждое слово: оно стоило лучших его стихов; но еще замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить пред ним еще больше жизнь". Другой великий писатель - кроткая, благочестивая и вдумчивая, чистая душа, - В.А. Жуковский - после одной беседы с Пушкиным, оставшись в кругу друзей, заметил о нем: "Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я!". "Я думаю, - говорит А.О. Смирнова, в записках которой мы находим приведенные отзывы, - что Пушкин серьезно верующий, но он про это мало говорит. Глинка рассказал мне, что он застал его однажды с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: "Вот Единственная книга в мире: в ней все есть". Вышеупомянутый Барант сообщает Смирновой после одного философского разговора с Пушкиным: "Я и не подозревал, что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над Евангелием". По словам князя Вяземского, поэт наш находил неистощимое наслаждение и в Евангелии, и многие священные тексты заучивал наизусть; "имел сильное религиозное чувство, был проникнут красотой многих молитв (особенно любил покаянную великопостную, которую и переложил стихами), знал их наизусть и часто твердил их" (Анненков П. А.С. Пушкин. Материалы для биографии. 1855, с. 373-379.).

А вот благоговейный отзыв Пушкина о святых: "Воля создавала, разрушала, преобразовывала <...> Ничто не может быть любопытнее истории святых, этих людей с чрезвычайно сильною волею <...> За этими людьми шли, их поддерживали, но первое слово всегда было сказано ими" (Смирнова А.О. Записки..., с. 259.).

С этими словами, которые дошли до нас в записках современницы, почитательницы Пушкина, вполне согласуются оставшиеся черновые рукописи поэта: из них мы видим, что Пушкин в конце жизни тщательно изучал жития святых, Четы-Минеи и Пролог, откуда делал выписки, переложения и проч.

В 1835 году он принимает участие и советом, и самым делом в составлении "Словаря исторического о святых, прославленных в Российской Церкви"⁴¹, а в следующем году дает об этом словаре отчет в своем журнале ("Современник"). Здесь он делает краткий обзор нашей литературы этого рода и высказывает "удивление по тому поводу, что есть люди, не имеющие никакого понятия о жизни святого, имя которого носят от купели до могилы". Замечателен по глубине и разумению духа библейской религиозной морали отзыв Пушкина о пророке Моисее. Личность Моисея всегда поражала и привлекала его: Это пророк,

⁴¹ "Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и некоторых сподвижниках благочестия местночтимых" был издан князем Дмитрием Алексеевичем Эристовым (1797-1858). В подготовке "Словаря" принимал участие А.С. Пушкин и его "лицейский староста" Михаил Лукьянович Яковлев (1798-1868). Рецензия Пушкина на это издание - "Словарь о святых" помещена им в "Современнике", т. 3, 1836.

"царящий над всей историей народа израильского и возвышающийся над всеми людьми <...> Моисей - титан величественный в совершенно другом роде, чем греческий Прометей. Он не восстает против Вечного, он творит Его волю, он участвует в делах Божественного Промысла <...> Он видит Бога лицом к лицу. И умирает он один пред лицом Всевышнего" (Там же, с. 195.).

Уразумев с этой стороны сущность и величие библейской нравственности в исполнении Высшей воли, поэт уразумел и другую близкую истину христианства - учение о глубокой поврежденности человеческой воли, о первородном грехе и силе зла. Беседуя однажды о философском значении библейского образа духа тьмы, искусителя, Пушкин заметил: "Суть в нашей душе, в нашей совести и в обаянии зла. Это обаяние было бы необъяснимо, если б зло не было одарено прекрасной и приятной внешностью" (Там же, с. 210.). Об этой стороне зла и сам поэт в одном из своих стихотворений говорит: "Сомнительный и лживый идеал, волшебный демон, - лживый, но прекрасный".

Нам остается теперь сказать о смерти поэта, которая завершила его нравственное перерождение. Кто хочет знать об этом захватывающие подробности, того мы отсылаем к бесподобному по глубине мысли и чувства рассказу Жуковского, друга Пушкина и свидетеля его трехдневной предсмертной агонии. Нельзя читать без глубокого умиления, как терпеливо переносил поэт свои ужасные страдания, о чем говорил, как щадил покой домашних, как благословлял детей, как готовился к смертному исходу. Умирая, он выразил желание получить последнее христианское напутствие в исповеди и причастии, от чего, мы знаем, не отказывался он и раньше. "За кем прикажете послать?" - спросили его. Он отвечал: "Возьмите первого, ближайшего священника". Между тем начались его ужасные страдания. Боль от полученной раны возросла до высочайшей степени; то была настоящая пытка. Лицо страждущего изменилось: взор, его сделался дик; казалось, глаза его готовы были выскочить из своих орбит; чело покрылось холодным потом; руки охолодели; пульса как не бывало. Больной испытывал ужасную муку, и здесь-то необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он удерживался, боясь обеспокоить близких. Когда боли утихли, началась последняя исповедь и предсмертное причастие. По словам князя Вяземского, священник, совершитель таинства, "со слезами говорил ему о благочестии, с коим умирающий исполнил долг христианский". Трехдневный смертельный недуг, разрывая связь его с житейской злобой и суетою, но не лишая его ясности и живости сознания, освободил его нравственные силы и позволил ему внутренним актом воли перерешить для себя жизненный вопрос в истинном смысле. Что перед смертью в нем действительно совершилось духовное возрождение, это сейчас было замечено близкими людьми. "И особенно замечательно то, - пишет Жуковский, - что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его яростною страстию душу, исчезла, не оставив на нем никакого следа; ни слова, ниже воспоминания о поединке". Но это не было потерю памяти, а внутренним повышением и очищением нравственного сознания. Когда его товарищ и секундант (на дуэли), - рассказывает князь Вяземский, - пожелал узнать, в каких чувствах к Геккерну он умирает и не поручит ли отмстить убийце, то Пушкин отвечал: "Требуя, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином".

Жуковский так описывает первые минуты после смерти поэта: "Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти <...> Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то

глубокая, удивительная мысль на нем развивалась; что-то похожее на видение, на какое-то **полное, глубокое, удовлетворенное знание**"⁴².

Трехдневным страданием, трехдневным этим крестом совершилось до конца его нравственное созревание и перерождение, как и некогда на Голгофе совершилось перерождение распятого с Иисусом после покаянной молитвы. Мы видим здесь окончательное торжество духа в нем и его примирение с Богом.

"Я уверяю тебя, - говорит Жуковский, - что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец **нашего Пушкина**".

Наш Пушкин умер рано; умер не в ослаблении мысли и деятельности, не уставший от жизни, не изживший своего ума и энергии; умер, еще будучи в состоянии совершить гораздо более того, чем сколько он сделал. "Пушкин - выше своих произведений"; "наиболее совершенные его создания не дают полной меры его сил". Такова точка зрения литературной критики. Но мы, поминая поэта, поминаем в нем человека-христианина. С этой точки зрения жизнь человека ценится не количественно, а качественно, и момент смерти есть дело Божьего Провидения. "Пожив в мале, исполнь лета долга... От Господа исправляются стопы мужу".

Поэзия, эта "религии небесной - сестра земная <...> / Лекарство душ, безверием крушимых", привела Пушкина к "нетленной той завесе, которою пред нами горний мир задернут"⁴³, в то время, когда душа его созрела в христианском смысле окончательно, когда путь земного очищения им был пройден. Дал бы поэт еще нам что-либо великое, и что именно, или уж не мог дать, - это, собственное, вопрос ненужный, бесполезный. Но то, что он оставил по себе то, чем он сам был в своих воззрениях, в своей личности, в своей смерти, дает нам залогом для светлых христианских чаяний и упований. Он вечному служил. Пусть же в памяти нашей сохранится из жизни и деятельности поэта только то, что по существу своему достойно вечности: не слабости, увлечения и падения, а то, в чем выражается вечная нравственная природа духа. Пусть то, что сеял он в плоть по немощи, по греховности, от плоти пожнет смерть и тление и в памяти людской пусть будет забыто и похоронено. А то, что сеял он в дух - разумное, духовное, вечное - пусть склонит к нему милость Предвечного, пусть от духа пожнет ему жизнь вечную и среди людей даст ему **вечную память!**

⁴² Из письма В.А. Жуковского к С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. (*В.А. Жуковский-критик*. М., 1985, с. 250-251). Первоначальная редакция письма см.: *П.Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина*. М., "Книга", 1987, с. 152-172.

⁴³ *В.А. Жуковский. Камюэнс. Драматическая поэма (1839)*. - В.А. Жуковский. Сочинения в одном томе. М., 1954. с. 480.

Архиепископ Никанор (Бровкович)⁴⁴

Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его

Бяху же приближающаяся к Нему вси мытари и грешницы послушати Его. И роптаху фарисее и книжницы, глаголюще, яко Сей грешники приемлет и с ними яст. Рече же к ним притчу сию глаголя: кий человек от вас, имый сто овец и погубль едину от них, не оставит ли девяносто и девяти в пустыни и идет вслед погибшия, дондеже обрящет ю? И обрет возлагает на раме свои радуясь, и пришед в дом, созывает други и соседи, глаголя им: радуйтеся со мною, яко обретох овцу мою погибшую. Глаголю вам, яко тако радость будет на небеси о едином грешнице кающемся, нежели о девяносто и девяти праведник, иже не требуют покаяния <...> Рече же: человек некий име два сына (Лк. 15: 1-7, 11). После чего Господь изрек притчу о блудном сыне.

По независящим от нас обстоятельствам пришлось нам поминать заупокойным молением целых трех, самых великих наших писателей в день евангельского блудного сына: сперва Достоевского, затем Аксакова, а теперь вот поминаем раба Божия Александра Пушкина, великого нашего поэта, по исполнении пятидесятилетия со дня его кончины.

И прекрасно, что в день блудного сына. Это наводит на знаменательнейшие сближения.

Говори о мертвых хорошо или не говори ничего - это языческое, не христианское правило. Да и языческое не всеобщее, а только греко-римское, или даже исключительно римское правило, которого, впрочем, и римляне держались не строго; иначе не могло бы быть никакой истории и исторической оценки. А вот глубоко религиозный народ древние египтяне, так те поступали как раз наоборот. Те по смерти каждого, особенно же важного влиятельного лица, обсуждали его дела особым трибуналом судей-жрецов, в соответствие подобному же суду об умершем пред трибуналом судей загробных, и только после такого суда согласно приговору судей-жрецов удостоивали умершего или же не удостоивали погребальных почестей. Обычай уже весьма близкий по своему духу к духу христианскому.

Христианство же о всяком умершем молит Бога, чтобы благий человеколюбец Бог простил почившему **"всякое согрешение, содеянное словом или делом или помышлением: яко несть человек, иже поживет и не согрешит"**. Нельзя говорить о жизни и деяниях апостолов Петра и Павла, царей Давида и Соломона, не касаясь Петрова отречения от Христа, Павлова гонения на Христа, Давидова покаянного псалма: "Помилуй мя Боже", и Соломонова Екклесиаста, с обстоятельствами, при которых покаянный псалом и Екклесиаст написаны. И этим упоминанием не наносится оскорбления святой памяти святых мужей. По этой почетной аналогии не нанесем оскорбления памяти и поминаемого великого поэта, если коснемся его заблуждений. Он сам хотел завещать и завещал свои мысли и чувства, дела и слова памяти потомства. Что же? Мы и помним, и теперь, вспоминая, исполняем только его собственное завещание...

⁴⁴ *Никанор* (в миру Александр Иванович Бровкович, 1827-1890), архиепископ Херсонский. После окончания С.-Петербургской Духовной академии был ректором в нескольких духовных семинариях, затем ректором Казанской Духовной академии. Последовательно назначался викарием Донской епархии, епископом Уфимским и Мензелинским, архиепископом Херсонским и Одесским (с 12 дек. 1883 г.). Скончался 27 декабря 1890 г., погребен в Одесском Преображенском соборе. Главнейшие творения Преосвященного Никанора: "Позитивная философия и сверхчувственное бытие" (СПб., 1875-1888), "Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви" (СПб., 1856-1858), "Церковь и государство против гр. Л. Толстого" (СПб., 1888), "Происхождение и значение штунды в жизни русского народа" (Одесса, 1884), "Из истории ученого монашества 1860-х годов" (Русское обозрение, 1896, № 1-2). Ему принадлежит большое количество бесед и поучений, он проявил себя как оригинальный духовный оратор-проповедник и философ, обладавший значительной научной и философской эрудицией.

Сегодня во всех концах России будут прославлять его и только прославлять. Мы же напомним вам, что поминаемый нашею и вашею молитвою раб Божий Александр сам себя сопоставлял с евангельским блудным сыном, что вот он, "как отрок Библии, безумный расточитель, до капли истощив раскаянья фиал, увидев наконец родимую обитель, главой поник и зарыдал". Евангельская притча, произведение творчества небесного, превосходящего, покрывающего и освещающего всякое самое превыспреннее творчество земное, осветит знаменательно-умилительным светом несчастную кончину, как и все грехопадения нашего поэта, как и раскаянье его и все доблести, и прояснит нам, за что это мы за него всероссийским собором молимся и о чем молимся.

Это был сын Отца Небесного, как и все мы, но сын особенно любимый, потому что необычайно одаренный. В доме Отца Небесного пребывал он кроткою верою недолго, по-видимому, только в чистом невинном детстве, к которому так нередко обращался с сладкими воспоминаниями, вздыхая к возникающим в измученной заблужденьями душе виденьям "первоначальных чистых дней". Недостатки общего российского воспитания высших классов того времени он осмеивает; недостаток своего собственного первоначального воспитания он впоследствии даже проклинал, выражаясь его крайне сильным языком. Тем не менее первоначальное религиозное развитие его не было совсем же скудно. И этим развитием он был обязан, по-видимому, не отцу, о котором его отзывы вообще непочтительны, не матери, о которой почти нигде не упоминает, а старой няне, которая вложила в его душу зачатки народно-религиозной поэзии. И эта старая няня была для него чуть ли не самое родное существо из всех руководителей его детства. Кое-что к религиозному развитию его, если не развитию в нем религиозного духа, то к развитию ума в познании религии прибавили уроки по Закону Божию в Лицее. Зато его глубокий дух, погружаясь в общерелигиозное сознание русского народа и всего, как христианского, так и магометанского, как древле-, так и новоязыческого человечества, проникал это волнующееся, то светлое, то мрачное море до последних его глубин. И это-то соприкосновение с колебаниями современного ему религиозного сознания отразилось тяжкими колебаниями в его собственном духе.

Можно сказать, что с удалением из дома отеческого для дальнейшего образования в Лицее он удалился и из дому Отца Небесного, и с тех пор стал расточать свои великие прирожденные дары, дары Отца Небесного, "живый блудно", нечисто живя и мысля, говоря и поя свои песни, пища и уча других, уклоняясь от правого пути к Небу на "страну далече", дальше и дальше.

В круге, в котором он родился, в круге, в котором он воспитывался, он видел везде опыты французского вольтерианского вольнодумства и примеры соответственной вольтерианскому мировоззрению жизни. Обладая с детства французской речью лучше, чем родною, он слишком рано познакомился с произведениями Вольтера, Парни и других французов того вольтерианского, скептического, отрицательного закала. Конечно, детский ум его не мог побороть ту мощную фалангу идей антирелигиозного и антихристианского строя, и в свою очередь увлекся.

Необычайная же соблазнительная прелесть его чуть не детских стихотворений, подхваченная всеобщим одобрением, прельстила его самого мыслить и чувствовать не иначе, как в слух всего света. **"Прилежат человеку помышления на злая от юности его"**, особенно же прилежат блудные помышления. И вот зашумела пушкинская поэзия соловьиными песнями в честь известной богини Киприды и ее культа. Любимейший сын неба, высоко одаренный поэт не только нечисто мыслил и чувствовал, но и поступал, и не только поступал, мыслил и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами. Все изумились этой прелести и извинили, а извинив, и пристрастились к ней. И как мы низко упали к нашему времени, далеко ниже древлеязыческого мира! Даже у язычников такие дела считались постыдными (pudenda), а речи в обнаженных подробностях невозможными. Увы! Наш поэт всякую нечистую свою мысль выражал в слух всего света. Всякое нечистое чувство выражал в слух всего света. Увы! Даже нечистые дела изображал пред лицом всего света. И наш свет всему этому начал

рукоплескать! Это постыдно в глазах всего мира; но в глазах нашего, увы! русского, увы! православного мира - нет, не постыдно, это красиво, это даже, по мнению некоторых, - страшно сказать, - высоконравственно, понеже природе верно.

Видим мы в этой поэзии не только обнажение блуда, не только послабление ему, но и одобрение его в принципе, но и воспевание его в обольстительных звуках, но и всяческое поощрение к нему, но и заповедание его в предсмертных завещаниях поэта. В этом направлении ниспадение его делом, мыслию и острым метким словом простиралось, по-видимому, до последних крайностей. Где мы что подобное видим? Гомер, Вергилий и Гораций, без сомнения, бесконечно стыдливее. Даже Байрон, несмотря на некоторую поэму, целомудреннее в творческом слове. У Гете, у Шиллера, у Шекспира ничего подобного. Доказательство того, что можно стяжать славу мировых поэтов, не наигрывая на подобных струнах в слух всего мира. Зрим несколько, да и то меньше подобного, только у Анакреона, которому наш поэт намеренно подражал; но Анакреону такая и честь, как и одному из наших жалчайших подражателей этой нечисти⁴⁵.

Не говорите о высокой нравственности даже известного пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень малым уважением, чуть не с пренебрежением⁴⁶. Где же тут высоконравственный христианский брак, слияние двух существ в единую плоть и душу, в единого человека? И за это она - идеал нравственной женщины и супруги. Как мы падаем и в мирозерцании, и в нравах, и даже в нравственных правилах. Вот продолжатели нашего поэта в этом же направлении - те последовательнее, те просто и откровенно провозгласили самый брак, в подобных соотношениях сердец, развратом, а прелюбодеяние с другом сердца - нравственным долгом.

Грехи в одиночку по миру не ходят, но один поведет с собою и другие. Поклонение Киприде не могло не вести за собой поклонение и Вакху, и всем языческим божествам. Это не игра слов. В самом деле, у нашего поэта это было настоящее душевное идолопоклонство, действительное поклонение божествам классического язычества, постоянное призывание их, посвящение им мыслей и чувств, дел и слов. Это было поэтическое провозглашение худшего и в язычестве культа эпикурейского: **да ямы**, а главное **да пиемы**, да насладимся утехами минуты, **утре бе умрем**. Это была не только проповедь и исповедь, было не только опасение, но чуть не сладкая надежда, чуть не молитвенное чаяние, что по смерти мы очутимся в области бледных безличных теней, лишь бы заснуть под манием самых игривых языческих божеств Вакха и Аполлона, муз и харит, Киприды и Купидона.

Было в этой поэзии, не скажу, мысленно - словесное отрицание христианства, но хуже того, было кощунственное сопоставление его с идолопоклонством, кощунственное приурочиванье его к низшему культу низших языческих божеств, причем необузданность ума и слова играла сопоставлениями священных изречений с непристойными образами и влечениями.

Куда наконец дальше идти? Где мы что подобное видим, особенно у иностранцев?! И все это прощалось, всему этому даже рукоплескали, и недаром, потому что на всем этом, на всяком самом мелком образе лежала печать беспредельно богатого, острого, огненного

⁴⁵ Намек на *Ивана Семеновича Баркова* (1732-1768), автора фривольных, а то и непристойных стихотворений (иногда приписанных ему), расхваливавшихся в списках во всех слоях общества. А.С. Пушкин неоднократно упоминает Баркова. Так, в разговоре с П.А. Вяземским он назвал Баркова одним "из знатнейших лиц в русской литературе". Как известно, желая отличиться дерзостью, Пушкин-лицеист в подражание Баркову написал балладу "Монах". Барков покончил с собой, оставив лаконичную записку: "Жил грешно, умер смешно". Кроме Пушкина, Баркову в молодости подражали А. Полежаев и М. Лермонтов. "Барковиана" - нарицательное обозначение дурной стихотворной традиции, посвященной воспеванию блудных страстей.

⁴⁶ Речь идет о Татьяне Лариной, героине романа в стихах "Евгений Онегин".

дарования. Сами языческие поэты, даже величайшие из них, по крайней мере для нас, изображают древний языческий идолопоклоннический культ не в таких обаятельных чертах, как наш совратившийся было в язычество поэт.

Этого мало. Вслед за песнями в честь языческого культа наш поэт воспекает и все страсти в самом диком их проявлении: половую ревность, убийство, самоубийство, игру чужою и своею жизнью... И чего-чего он не воспекает?! Воспекает кровожадность Наполеона так же, как и революционеров XVIII века. Особенно революционная свобода была его кумир. Правда, все это высокохудожественно изображает и новейший наш исполин мысли, художник Достоевский; но у этого в конце концов возбуждается жалость с отвращением к сцеплению всех изображаемых страстей, с желанием избыть от этого давящего кошмара. У гиганта же поэта всякая страсть, рисуемая гигантскою кистью, выходит каким-то также исполином, выходит предметом, привлекающим сочувствие и жалость, чуть не жертвоприношением исполнению долга. Его полудобродетельная Татьяна возбуждает такую же жалость, как и безнравственный Онегин, как и пустой, легкомысленный Ленский; удалой самозванец Пугачев так же, как и жертва его зверства бесстрашный самоотверженный капитан с своей душевно-привлекательной дочерью; мудрый, но преступный и злосчастный Борис так же, как отважный до дерзости, изворотливый Лжедмитрий. Это оттого, что все они - милые сердцу его дети его воображения; оттого, что у него всякое страстное влечение есть идеал, есть культ, есть идол, которому человеческое сердце призывается приносить себя в жертву до конца, - то и прекрасно. Такой идеал и достоин поэзии, будь он разбойник или мятежник, лишь был бы удалой и упорный. Даже насмешки его, самые злые эпиграммы не возбуждают негодования. Они все необычайно остры, а поэтому как-то особенно милы и кладут на свой предмет печать разве только забавного, но не отталкивающего.

У нашего поэта всякая букашка имеет право на жизнь в мире Божиим; всякая страсть имеет право на развитие и процветание, лишь бы она цвела и развивалась и давала привлекательно-поразительный предмет для сильной поэтической кисти. Даже желая, по-видимому, раздавить многих и многое, наш поэт не раздавил никого и ничего, разбив разве только себя самого, свою собственную душу.

Выходит, что наш поэт все свои помыслы и чувства, все силы и дарования, слишком много их, выражаясь глубокознаменательным церковно-славянским языком, посвятил на служение похоти плоти, во-первых (не так ли?), похоти очес (не так ли?) и гордости житейской (не так ли?); посвятил страстям, сидящим в сердце человеческом, в нашем плотском душевном человеке, который воюет против человека духовного; посвятил споборающим друг другу в сей войне нашей плоти, миру и князю мира сего.

Скажут, вы тут толкуете чуть ли не о сатане? Даже, что вы тут толкуете чуть ли не о сатане? Даже, что вы тут толкуете о мире? Миру-то наш поэт и не кланялся? Да, мир свой он делил на две части: одну - ему несочувственную, другую - сочувственную, относя к последней все свободолобное, мятежное, отважное, непоборимое, чувственнопрекрасное, игривое, вольнодумное, отрицающее. Этого мира он был певец, угодник и раб столько же, как другого мира враг и отрицатель. Для опозорения этого другого мира, для унижения, для всколебания он сделал, с своей стороны, что только, по окружающим его условиям, по силе своего дарования и темперамента, он мог сделать. Как и наоборот, в угоду, честь и славу первого мира сделал сколько мог, очень много сделал. Это порывистое угодничество его пред миром, да прежде всех и всего пред собою и своими страстями, было стремлением великогодуха не к центру истинной жизни - Богу, но от центра по тысяче радиусов, в погоне за призрачным счастьем, за удовлетворением разных похотей, сладострастия, славолюбия, гордыни, было стремлением от центра духовной жизни к противоположному полюсу бытия, во власть темной силы или темных сил...

Упомянуть ли, следя за евангельским изложением, и о том, как блудный сын, скитаясь вне отеческого крова, усиливался прилепляться то к одному, то к другому из жителей той страны, где скитался, и тут терпя всякие беды и лишения, вынуждался, по евангельскому изречению, пасти самые низменные пожелания?..

В себе же пришед, наконец, рече: колика наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю? (Лк. 15: 17). Подниматься ему, однако же, было нелегко; вставал он долго, не короче того, как и падал. Вспомните, сколько у него стихотворений вылилось в этом состоянии его духа. Это самые чистые и самые возвышенные создания его поэзии, вызывающие на глубокое раздумье. Вот это действительно тот высоконравственный урок, который преподает он нам из-за своего гроба.

"Как отрок Библии, безумный расточитель (блудный сын), /До капли истощив раскаянья фиал, /Увидев наконец родимую обитель, /Главой поник и зарыдал. /В пылу восторгов скоротечных, /В бесплодном вихре суеты, /О, много расточил сокровищ я сердечных, /За недоступные мечты, /И долго я блуждал, и часто, утомленный, /Раскаяньем горя, предчувствуя беды, /Я думал о тебе, предел благословенный <...>", думал о своем невинном отрочестве, вспоминая чистые виденья детства. Много переменялось в жизни для него, и сам, покорный общему закону, переменялся он. Еще молод он был, но уже судьба его борьбой неравной истомила. Он был ожесточен. В унынье часто он помышлял о юности своей, утраченной в бесплодных испытаньях, о строгости "заслуженных" упреков, и "горькие кипели в сердце чувства". Он проклинал коварные стремленья "преступной" юности своей. Он сознавал: "В часы забав иль праздной скуки, /Бывало, лире я моей /Вверял изнеженные звуки /Безумства, лени и страстей. /Но и тогда струны лукавой /Невольню звон я прерывал <...> Я лил потоки слез нежданных, /И ранам совести моей <...> Отраден чистый был елей". Самолюбивые мечты, утечи юности безумной! - зывал он. "Когда на память мне невольню /Придет внушенный ими стих, /Я так и вспыхну, сердцу больно: /Мне стыдно идиолов моих. /К чему, несчастный, я стремился? /Пред кем унижил гордый ум? /Кого восторгом чистых дум /Боготворить не устыдился?.." Ах, лира, лира! Зачем мое безумство разгласила? Ах, если б Лета поглотила мои летучие мечты!

Увы! Лира разгласила, а Лета не поглотила. Он "пережил свои желанья", он "разлюбил свои мечты". Ему остались лишь "одни страданья, плоды сердечной пустоты". Он возненавидел самую жизнь, будучи не в состоянии понять ее смысла. "Дар напрасный, дар случайный, /Жизнь, зачем ты мне дана? - спрашивает он отчаянно. - Иль зачем судьбою тайной /Ты на казнь осуждена? /Кто меня враждебной (будто бы) властью /Из ничтожества воззвал, /Душу мне наполнил страстью, /Ум сомненьем взволновал?.. /Цели нет передо мною: /Сердце пусто, празден ум, /И томит меня тоскою /Однозвучный жизни шум". В уме, подавленном тоской, "теснится тяжких дум избыток. /Воспоминание безмолвно предо мной /Свой длинный развивает свиток: /И с отвращением читая жизнь мою, /Я трепещу и проклиная, /И горько жалуюсь, и горько слезы лью, /Но строк печальных не смываю. Я вижу в праздности, /В неистовых пирах, в безумстве гибельной свободы, /В неволе, в бедности, в чужих степях /Мои утраченные годы. /Я слышу вновь друзей предательский привет, /На играх Вакха и Киприды, /И сердцу вновь наносит хладный свет неотразимые обиды".

Спасаясь от этих обид, главным же образом от пустоты собственного сердца и от бесцельности жизни, он не раз призывал к себе и смерть: он три раза дрался на поединках, три раза выстрелы противников в него не попадали, а он оканчивал дело шуткой и стихом, иногда не нежестокими, пока на четвертом поединке и не был сражен. К самой смерти он относился не с теми чувствами и мыслями, как должно, не с покорностью, а с презреньем, не с верою, а почти с неверием. Вот предчувствует он: "Снова тучи надо мною собралися в тишине; /рок (будто бы) завистливый бедою угрожает снова мне. /**Сохраню ль к судьбе презренье?** Понесу ль навстречу ей /Непреклонность и терпенье / Гордой юности моей? /Бурной жизнью утомленный, /Равнодушно бури жду: /Может быть, еще спасенный, /Снова пристань я найду... Но, предчувствуя разлуку, /Неизбежный грозный час" <...> В загробную жизнь он и тут не очень-то верит: "И хоть бесчувственному телу /Равно повсюду истлевать <...> И пусть у гробового входа /Младая будет жизнь играть, /И равнодушная природа /Красою вечно сиять".

Был ли он совсем неверующий? Нет. Достоевский изрек, что был он "всечеловек". Мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотской; душевный и духовный.

Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одаренного духа. Глубоко постигал он и неверие, и веру, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая в себя и то и другое. Читайте его "Безверие"⁴⁷; это с себя он пишет такую глубокотрагическую

⁴⁷ Признаем это высокое стихотворение истинно назидательным.

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье <...>
Взгляните на него - не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложную тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством или темною мечтою <...>
Взгляните - бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.
Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Несчастья, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушенье;
Наш век - неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муки -
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье,
"Настанет! - говорит, - назначено свиданье!"
А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!
Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?

картину. Тем не менее, он сам о себе свидетельствует, что закон Божий он знал хорошо. По его словам, он слишком с Библией знаком, хотя тут же и злоупотребляет своим знакомством. Читал он Библию часто, ища в ней источник вдохновения и поэзии; но и тут находил, что Святой Дух только иногда (не всегда) бывал ему по сердцу, а вообще он предпочитал Гете и Шекспира, и тут же рядом берет он уроки чистого атеизма, встретив именно у нас, в Одессе, англичанина, глухого к вере философа, умного афея, который исписал листов тысячу, чтобы доказать, что не может быть существа разумного, Творца и Вседержителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства в бессмертие души. Поэт находит эту систему не столь утешительной, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобною⁴⁸. Замечательно, что доктор-атеист (Хатчинсон), учивший его в Одессе философии атеизма, впоследствии обратился к вере и был в Лондоне ревностным пастором англиканской Церкви. В то же время поэт отклоняет подозрение, будто сам он проповедовал безбожие. Он призывает Бога постоянно. Клянется Богом и душою своею клянется, допускает Промысл Божий. Говорит и о Божестве Христа: "В простом углу моем, среди медленных трудов, /Одной картины я желал быть вечно зритель, /Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков, /Пречистая и наш Божественный Спаситель - /Она с величием, Он с разумом в очах - /Взирали, кроткие, во славе и в лучах", - хотя и здесь смешивает чистое небесное с низменным земным, так что и это прекрасное стихотворение выходит чуть не кощунством. А в то же время по настроению минуты вдруг выражается: "ради вашего (т.е. не своего) Христа". Метко рассуждает о соотношении христианства с язычеством, Моисея с Аристотелем, папизма с протестантством, Илиады с Библией, Давида с Гомером. Псалмам Давида удивляется; тексты Екклезиаста цитирует, Песнь Песней перелагает в стихи, конечно, извращая духовный ее смысл⁴⁹. Он молится Богу. Ходит в церковь. Посещает

Видали ль вы его над хладною могилой <...>
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой <...>
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчанье ужаса, в безумстве исступленья, Дрожит <...>
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.
Во храм ли Вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
"Счастливыцы! - мыслит он, - почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!"
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы <...>

⁴⁸ О *Хатчинсоне* (Гатчинсоне) см.: коммент. 8 к статье митрополита Анастасия "Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви" в наст. изд.

⁴⁹ Из письма Пушкина П.Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г. (оригинал по французски): "Все, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее Истинного Бога, о древнем искусстве, о протестантизме, - изумительно по силе, истинности и красноречию. Все, что является

монастыри. Пристывает к таинствам, исповедуется, по крайней мере, иногда. Слушает молебны на дому, не только в церкви. Заказывает панихиды. Странно, что в годовщину смерти поэта Байрона он пишет:

"Нынче 7 апреля 1825 года (Байрон умер 7 апреля 1824 года) день смерти Байрона. Я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия⁵⁰". Шутит ли он при этом? Шутит, издевался очень часто, но не здесь. Один, хорошо знакомый мне человек, широко образованный и крепкий мыслитель, последователь Гегеля, раз выходит из церкви удаленного от города монастыря в будний день с заплаканными глазами, с малыми детьми и старою няней. - "Что вы тут делаете?" - я спрашиваю. - "Панихиду по жене служили". - "Для кого? Для няни, для детей?" - "Для них и для себя". - "Вы верите в Бога, в бессмертие?" - "Я гегельянец, вы знаете". - "Так кому же вы молитесь и о чем?" - "Знаете, - отвечает он, - это вяжет, молитва вяжет", - "В воспоминании вяжет?" - "Нет, в действительном, в целом, абсолютном, коли хотите, вообще вяжет..." - Его серьезность, мужество, заплаканные глаза, весь характер и облик устранили всякую тень сомнения. Думаю, что и наш поэт думал связать себя с Байроном, служа о нем, англичанине, полуневере, русскую заупокойную обедню. Высоко замечателен отзыв нашего поэта о Байроне. "Горестно видеть, - рассуждает наш поэт, - что некоторые вмешивают в мелочные выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти к какому-либо известному писателю намеки и указания на личные его свойства, поступки, образ мыслей и верование. **"Душа человека есть недоступное хранилище его помыслов"**: если сам он таит их, то ни коварный глаз неприязни, ни предупредительный взор дружбы не могут проникнуть в сие хранилище. И как судить о свойствах и образе мыслей человека по наружным его действиям? Он может по произволу надевать на себя притворную личину порочности, как и добродетели. Часто, по какому-либо своенравному убеждению ума своего, он может выставить на позор толпе не самую лучшую сторону своего нравственного бытия; часто может бросать пыль в глаза черни одними своими странностями. Лорд Байрон часто был обвиняем в развратности нрава, своекорыстии, непомерном эгоизме и безверии. Последнее обвинение (в безверии) он сам

портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Екклесиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца" (П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 тт. М., 1991, т.2, с. 441.)

⁵⁰ Преосвященный Никанор неточно приводит строки из двух писем Пушкина: к его брату Льву Сергеевичу и к П.А. Вяземскому, посланных из Тригорского 7 апреля 1825 г. В письме к брату было сказано: "Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна <Вульф. - *Сост.*> также, и в обеих церквях Тригорского и Воронича происходили молебствия. Это немножко напоминает обедню Фридриха II за упокой души Вольтера. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцом Шкодой - за упокой поэта". (Прозвище "Шкода" закрепилось за священником села Тригорского Илларионом Евдокимовичем Раевским, с которым у Пушкина сложились дружеские отношения).

В письме к П.А. Вяземскому Пушкин сообщил: "Нынче день смерти Байрона - я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия. Отсылаю ее к тебе".

отрицал. Но вот еще обстоятельство: лорд Байрон долгое время носил на груди своей какую-то драгоценность на ленте. Думали, что это был любимый портрет или восточный амулет. Но, оказалось, что это был крест, данный ему одним римско-католическим монахом, с предсказанием, которое поразительным образом сбылось в жизни и смерти поэта. "Распятие отыскано, - продолжает наш поэт, - по кончине Байрона подле его смертного одра. Прибавим, - многозначительно заключает наш поэт, - что если в этом случае вмешивалось отчасти и суеверие, то все-таки видно, что вера внутренняя перевешивала в душе Байрона скептицизм, высказанный им местами в своих творениях. Может быть даже, что скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной". - Не себе ли самому произнес приговор наш поэт, произнося приговор поэту Байрону, что **"вера внутренняя перевешивала в душе"** нашего поэта, как и в душе Байрона, **"скептицизм, высказанный им местами в своих творениях"**? Может быть даже, что **"скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной"**. Такой приговор и в самом деле произнес о нем, тотчас по его смерти, ближайший и умнейший друг его, князь Вяземский: Пушкин никогда не был ум твердый (*esprit fort*, в смысле ума твердо-скептического), "по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей, напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв (например, *Господи Владыко живота моего*), знал их наизусть и часто твердил их".

Профессор Иван Ильин⁵¹

Пророческое призвание Пушкина

Движимые глубокою потребностью духа, чувствами благодарности, верности и славы, собираются ныне русские люди, - люди русского сердца и русского языка, где бы они ни обретались, - в эти дни вековой смертной годовщины их великого поэта, у его духовного

⁵¹ *Иван Александрович Ильин* (1883-1054), крупнейший русский мыслитель, историк философии, культуролог. Родился в Москве, в семье присяжного поверенного. По окончании гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, слушал лекции профессоров П.И. Новгородцева и кн. Е.Н. Трубецкого. Находился под влиянием революционных настроений, распространившихся в то время в обществе. После окончания университета (1906) был оставлен на кафедре права для подготовки к профессорскому званию. Печататься начал с 1910 г. Увлекался философскими системами Фихте и Гегеля. Все более и более отходя от революционных и придерживаясь правых взглядов, испытал патриотический подъем с началом Первой мировой войны, ученый-юрист уже всю оставшуюся жизнь не будет покидать твердой позиции законности и защиты правопорядка.

После Октябрьского переворота И.А. Ильин целиком включился в работу по поддержанию Белого движения. Но покидать Москву не собирался: "Уходят ли от постели родной матери?" Начались годы религиозных скитаний и скитаний как таковых. В начале сентября 1922 г. большевики арестовали ученого в шестой раз, обвинив его в контрреволюционной деятельности, а месяц спустя выслали за границу. Настал томительный, но вместе с тем и плодотворнейший в творческом отношении период изгнания, выдвинувший Ильина в первые ряды мыслителей, носителей русской национальной идеи.

В изгнании Иван Александрович создает замечательные труды: "Поющее сердце", "Наши задачи", "О монархии и республике", "Аксиомы религиозного опыта", "Путь к очевидности" и др. Все они посвящены служению идее возрождения России.

В литературно-критическом наследии И.А. Ильина особое место занимают речи и статьи, посвященные Пушкину. Некоторые из них были собраны в отдельную книгу (Родина и Гений. Три речи. - София, 1934). Речь "Пророческое призвание Пушкина" также была выпущена отдельной книжкой (Рига, 1937). Эта публикация и воспроизведена в настоящем сборнике.

алтаря, чтобы высказать самим себе и перед всем человечеством, **его** словами и в **его** образах **свой национальный** символ веры. И, прежде всего, - чтобы возблагодарить Господа, даровавшего им этого поэта и мудреца, за милость, за радость, за непреходящее светлое откровение о русском духовном естестве и за великое обетование русского будущего.

Не для того сходимся мы, чтобы "вспомнить" или "помянуть" Пушкина так, как если бы бывали времена забвения и утраты... Но для того, чтобы засвидетельствовать и себе и ему, чей светлый дух незримо присутствует здесь своим сиянием, - что все, что он создал прекрасного, вошло в самую сущность русской души и живет в каждом из нас; что мы неотрывны от него так, как он неотривен от России; что мы проверяем себя **его** видением и **его** суждениями; что мы по нему учимся видеть Россию, постигать ее сущность и ее судьбы; что мы бываем счастливы, когда можем подумать его мыслями и выразить свои чувства его словами; что его творения стали лучшей школой русского художества и русского духа; что вещие слова, прозвучавшие 50 лет тому назад "Пушкин - наше **всё**"⁵², верны и ныне и не угаснут в круговращении времен и событий...

Сто лет прошло с тех пор, как "свинец смертельный / Поэту сердце растерзал" (Тютчев).

Сто лет Россия жила, боролась, творила и страдала без него, но **после** него, им постигнутая, им воспетая, им озаренная и окрыленная. И чем дальше мы отходим от него, тем величавее, тем таинственнее, тем чудеснее рисуется перед нами его образ, его творческое обличие, подобно великой горе, не умаляющейся, но возносящейся к небу по мере удаления от нее. И хочется сказать ему его же словами о Казбеке:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами...

В этом обнаруживается таинственная власть духа: все дальше мы отходим от него во времени, и все ближе, все существеннее, все понятнее, все чище мы видим его дух. Отпадают все временные, условные, чисто человеческие мерилы; все меньше смущает нас то, что мешало некоторым современникам его видеть его **пророческое** призвание, постигать **священную** силу его вдохновения, верить, что это вдохновение исходило от **Бога**. И все те священные слова, которые произносил сам Пушкин, говоря о поэзии вообще и о своей поэзии в частности, мы уже не переживаем как выражения условные, "аллегорические", как поэтические олицетворения или преувеличения. Пусть иные из этих слов звучат языческим происхождением: "Аполлон", "муза"; или - поэтическим иносказанием: "алтарь", "жрецы", "жертва"... Мы уже знаем и верим, что на этом алтаре действительно горел "священный огонь"; что этот "небом избранный певец" действительно был рожден "для вдохновенья, для звуков сладких и молитв"; что к этому пророку действительно "воззвал Божий глас"; и что до его "чуткого слуха" действительно "касался Божественный глагол", - не в смысле поэтических преувеличений или языческих аллегорий, а в порядке **истинного откровения**, нашего, **нашего верою веруемого** и **зримого Господа**...

Прошло сто лет с тех пор, как человеческие страсти в человеческих муках увели его из жизни, - и мы научились верно и твердо воспринимать его вдохновенность, как

⁵² Выражение "Пушкин - наше всё" принадлежит Аполлону Григорьеву. В его труде "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина" (1859) читаем: "А Пушкин - наше всё: Пушкин - представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин - пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организациями все то, что принять следует, отбрасывающий все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, - образ, который мы долго еще будем оттенять красками" (Собр. соч. *Аполлона Григорьева*, под ред. В.Ф. Саводнина. Вып. 6., М., 1915, с. 10).

Боговдохновенность. Мы с трепетным сердцем слышим, как Тютчев говорит ему в день смерти:

Ты был богов орган живой...

и понимаем это так: "ты был живым органом Господа, Творца всяческих"... Мы вместе с Гоголем утверждаем, что он "видел всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма - Богом"; что он "заботился только о том, чтобы сказать людям: "смотрите, как прекрасно Божие творение..."; что он владел, как, может быть, никто, - "теми густыми и крепкими струнами славянской природы, от которых проходит тайный ужас и содрогание по всему составу человека", ибо лиризм этих струн возносится именно к Богу; что он, как, может быть, никто, обладал способностью исторгать "изо всего" ту огненную "искру, которая присутствует во всяком творении Бога"⁵³...

⁵³ И.А. Ильин приводит строки из статьи Н.В. Гоголя "В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность" (1840), включенной им в состав книги "Выбранные места из переписки с друзьями". Размышляя о судьбе отечественной литературы. Гоголь подробно останавливается на духовном смысле пушкинского творчества. В статье, в частности, сказано:

"...Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выраженья, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собой, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности того и другого".

Решительно отменяя толкования записных критиков, искажавших религиозный облик Пушкина, Гоголь в письме к графу Александру Петровичу Толстому, будущему обер-прокурору Св. Синода, убедительно показывает истинное лицо Пушкина-христианина. Вот выдержка из этого письма:

"...Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно как будто бы они побывали в душе Пушкина, точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догмах христианских, за которые и сам святитель Церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшей святостью своей жизни. По-ихнему, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки. Пушкин слишком разумно поступал, что не дерзал переносить в стихи того, чем еще не прониклась вся насквозь его душа, и предпочитал лучше остаться нечувствительной ступенью к высшему для всех тех, которые слишком отделились от Христа, чем оттолкнуть их вовсе от христианства такими же бездушными стихотворениями, какие пишутся теми, которые выставляют себя христианами. Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику печатно, в виду всех, возводить на Пушкина такое обвиненье, что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае если бы смысл какого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясниться и оговориться в малейшем действии своем. Публично выставлять нехристианином человека и даже противником Христа, основываясь на некоторых несовершенствах его души и на том, что он увлекался светом так же, как и всяк из нас им увлекался, - разве это христианское дело? Да и кто же из нас тогда христианин? <...> Христианин перед тем, чтобы обвинить кого-либо в таком уголовном преступлении, каково есть непризнание Бога в том виде, в каком повелел признавать его Сам Божий Сын, сходявший на землю, задумается, потому что дело это страшное. Он скажет и то: в поэзии многое есть еще тайна, да и вся поэзия есть тайна; трудно и над простым человеком произнести суд свой; произнести же суд окончательный и полный над поэтом может один тот, кто заключил в себе самом поэтическое существо и есть сам уже почти равный ему поэт, - как и во всяком даже простом мастерстве понемногу может судить всяк, но вполне судить может только сам мастер того мастерства. <...> Христианин, наместо того, чтобы говорить о тех местах в Пушкине, которых смысл еще

Мы вместе с Языковым признаем поэзию Пушкина истинным "священнодействием". Мы вместе с князем Вяземским готовы сказать ему:

<...> Жрец духовный,
Дум и творчества залог -
Пламень чистый и верховный -
Ты в душе своей сберег.
Все ясней, все безмятежней
Разливался свет в тебе.

Вместе с Баратынским мы именуем его "наставником" и "пророком". И вместе с Достоевским мы считаем его "великим и непонятым еще предвозвестителем".

И мы не только не придаем значения пересудам некоторых современников его о нем, о его страстных проявлениях, о его кипении и порывах; но еще с любовью собираем и бережно храним пылинки того праха, который вился солнечным столбом за вихрем пушкинского гения. Нам все здесь мило, и дорого, и символически поучительно. Ибо мы хорошо знаем, что **всякое** движение на земле поднимает "**пыль**"; что ничто великое на земле невозможно вне **страсти**; что свят и совершенен только один Господь; и что одна из величайших радостей в жизни состоит в том, чтобы найти отпечаток гения в земном прахе и чтобы увидеть, узнать в пламени человеческой страсти - очищающий ее огонь божественного вдохновения.

Мы говорим не о церковной "святости" нашего великого поэта, а о его **пророческой силе и о божественной окрыленности его творчества**.

И пусть педанты целомудрия и воздержности, которых всегда оказывается достаточно, помнят слова Спасителя о той "безгрешности", которая необходима для осуждающего камнеметания. И еще пусть знают они, что сам поэт, столь строго, столь нещадно судивший самого себя:

И меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он
- столь глубоко познавший
Змеи сердечной угрызенья...
- столь подлинно описавший таинство одинокого покаяния перед лицом Божиим:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю..., -

темен и может быть истолкован на две стороны, станет говорить о том, что ясно, что было им произведено в лета разумного мужества, а не увлекающейся юности. Он приведет его величественные стихи пастырю Церкви, где Пушкин сам говорит о себе, что даже и в те годы, когда он увлекался суетой и прелестию света, его поражал даже один вид служителя Христова...

Вот на какое стихотворенье Пушкина укажет критик-христианин! Тогда критика его получит смысл и сделает добро: она еще сильнее укрепит самое дело, показавши, как даже и тот человек, который заключал в себе все разнородные верованья и вопросы свое-то времени, так сбивчивые, так отдаляющие нас от Христа, как даже и тот человек, в лучшие и светлейшие минуты своего поэтического ясновидения, исповедал выше всего высоту христианскую. <...> (*Н.В. Гоголь. Духовная проза. М., "Русская книга", 1992, С. 105-108*).

Укажем и на такой важный литературный факт: Н.В. Гоголь назвал Пушкина национальным поэтом еще в самом начале их знакомства. В статье "Несколько слов о Пушкине" (1832) читаем: "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет... При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте". (Сочинения *Н.В. Гоголя*, под редакцией Н.С. Тихонравова. Т.1. СПб., 1893, с. 225).

предвидел и "суд глупца, и смех толпы холодной", и осужденья лицемеров и ханжей, когда писал в 1825 году по поводу утраты записок Байрона: "Толпа жадно читает исповеди, записки и т.д., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок не так, как вы, иначе..."

Да, иначе! Иначе потому, что великий человек знает те часы парения и полета, когда душа его трепещет, как "пробудившийся орел"; когда он бежит - и

дикий, и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Он знает хорошо те священные часы, когда "шестикрылый Серафим" отвергает ему зрение и слух, так, чтобы он внял - и

<...> неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье,

когда обновляется его язык к мудрости, а сердце к огненному пыланию, и дается ему, "исполненному волею Божию", "глаголом жечь сердца людей".

Отсюда его пророческая сила, **отсюда** божественная окрыленность его творчества... Ибо страсти его знают не только личногрешное кипение, но **пламя божественной купины**; а душа его знает не только "хладный сон", но и трепетное **пробуждение**, и то таинственное **бодрствование и трезвение** при созерцании сокровенной от других сущности вещей, которое дается только Духом Божиим духу человеческому...

Вот почему мы, русские люди, уже научились и должны научиться до конца и навсегда - подходить к Пушкину не от деталей его эмпирической жизни и не от анекдотов о нем, но от **главного и священного** в его личности, от вечного в его творчестве, от его **купины неопалимой**, от его **пророческой очевидности**, от тех божественных искр, которые посылали ему навстречу все вещи и все события, от того глубинного пения, которым все на свете отвечало его зову и слуху; словом - от того **духовного акта**, которым русский Пушкин созерцал и творил Россию, и от тех **духовных содержаний**, которые он усмотрел в русской жизни, в русской истории и в русской душе, и которыми он утвердил наше национальное бытие. Мы должны изучать и любить нашего дивного поэта, исходя от его **призвания, от его служения, от его идеи**. И тогда только мы сумеем любовно постигнуть и его жизненный путь, во всех его порывах, блужданиях и вихрях, - ибо мы убедимся, что храм, только что покинутый Божеством, остается храмом, в который Божество возвратится в следующий и во многие следующие часы, и что о жилище Божиим позволительно говорить только с благоговейною любовью.

И вот, первое, что мы должны сказать и утвердить о нем, это его **русскость**, его неотделимость от России, его насыщенность Россией.

Пушкин был **живым средоточием русского духа**, его **истории**, его **путей**, его **проблем**, его **здоровых сил** и его **больных узлов**. Это надо понимать - и **исторически**, и **метафизически**.

Но, высказывая это, я не только не имею в виду подтвердить воззрение, высказанное Достоевским в его известной речи, а хотел бы по существу не принять его, отмежеваться от него.

Достоевский, признавая за Пушкиным способность к изумительной "всемирной отзывчивости", к "перевоплощению в чужую национальность", к "перевоплощению, почти совершенному, в дух чужих народов", усматривал самую сущность и призвание русского народа в этой "всечеловечности"... "Что такое сила духа русской народности, - восклицал он, - как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?" "Русская душа" есть "всеединящая", "всеприемлющая" душа. Она "наиболее способна вместить в себе идею всечеловеческого единения!" "Назначение русского человека есть,

бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов...) стать братом всех людей, **всечеловеком...**" "Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства"<...> Итак: "стать настоящим русским" значит "стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательно слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!"

Согласно этому и русскость Пушкина сводилась у Достоевского к этой всемирной отзывчивости, перевоплощаемости в иностранное, ко всечеловечности, всепримирению и воссоединению; да, может быть, еще к выделению "положительных" человеческих образов из среды русского народа.

Однако, на самом деле, - русскость Пушкина не определяется этим и не исчерпывается.

Всемирная отзывчивость и способность к художественному отождествлению действительно присуща Пушкину, как гениальному поэту, и, притом, русскому поэту, в высокой, в величайшей степени. Но эта отзывчивость гораздо шире, чем состав **"других народов"**: она связывает поэта со всей вселенной. И с миром **Ангелов**, и с миром демонов, - то "искушающих Провидение" "неистошимой клеветою", то кружащихся в "мутной месяца игре" "среди неведомых равнин", то впервые смутно познающих "жар невольного умиления" при виде поникшего Ангела, сияющего "у врат Эдема". Эта сила художественного отождествления связывает поэта, далее - со всею **природою**: и с ночными звездами, и с выпавшим снегом, и с морем, и с обвалом, и с душою встревоженного коня, и с лесным зверем, и с гремящим громом, и с анчаром пустыни; словом - со всем внешним миром. И, конечно, прежде всего и больше всего - со всеми положительными, творчески созданными и накопленными сокровищами духа **своего собственного народа**.

Ибо "мир" - не есть только **человеческий мир других народов**. Он есть - и **сверхчеловеческий** мир божественных и адских обстоятельств, и еще не **человеческий** мир природных тайн, и **человеческий** мир родного народа. Все эти великие источники духовного опыта даются каждому народу исконно, непосредственно и неограниченно: а другим народам даются лишь скудно, условно, опосредствованно, издали. Познать их нелегко. Повторять их не надо, невозможно, нелепо. Заимствовать у них можно только в крайности и с великой осторожностью... И что за плачевная участь была бы у того народа, главное призвание которого состояло бы не в **самостоятельном созерцании и самобытном творчестве**, а в вечном перевоплощении в чужую национальность, в целении чужой тоски, в примирении чужих противоречий, в созидании чужого единения?! Какая судьба постигнет русский народ, если ему Европа и "арийское племя" в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли?!

Тот, кто хочет быть "братом" других народов, должен **сам сначала стать и быть**, - творчески, самобытно, самостоятельно: созерцать Бога и дела Его, растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосохранения, по-своему трудиться, строить, властвовать, петь и молиться. Настоящий русский есть прежде всего **русский**, и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциальной русскости он может оказаться и "сверхнационально" и "братски" настроенным "всечеловеком". И это относится не только к русскому народу, но и ко всем другим: **национально безликий "всечеловек" и "всенарод" не может ничего сказать другим людям и народам**. Да и никто из наших великих, - ни Ломоносов, ни Державин, ни Пушкин, ни сам Достоевский - практически никогда не жили иностранными, инородными отображениями, тенями чужих созданий, никогда сами не ходили и нас не водили побираться под европейскими окнами, выпрашивая себе на духовную бедность крохи со стола богатых...

Не будем же наивны и скажем себе ясно и определительно: заимствование и подражание есть дело не "гениального перевоплощения", а беспочвенности и бессилия. И подобно тому, как Шекспир в "Юлии Цезаре" остается гениальным англичанином; а Гете в "Ифигении" говорит, как гениальный германец; и Дон Жуан Байрона никогда не был испанцем, - так и у гениального Пушкина: и Скупой рыцарь, и Анджело, и Сальери, и Жуан, и всё, по имени чужестранное или по обличию "напоминающее" Европу, - есть русское, национальное, гениально-творческое видение, узренное в просторах общечеловеческой тематики. Ибо гений творит из глубины национального духовного опыта, творит, а не заимствует и не подражает. За иноземными именами, костюмами и всяческими "сходствами" парит, цветет, страдает и ликует **национальный дух народа**. И если он, гениальный поэт, перевоплощается во что-нибудь, то не в дух других народов, а лишь в **художественные предметы**, быть может до него узренные и по своему воплощенные другими народами, но общие всем векам и доступные всем народам.

Вот почему, утверждая русскость Пушкина, я имею в виду не гениальную обращенность его к другим народам, а **самостоятельное, самобытное, положительное** творчество его, которое было русским и национальным.

Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости. Это первое, что должно быть утверждено навсегда.

Рожденный в переходную эпоху, через 37 лет после государственного освобождения дворянства, ушедший из жизни за 24 года до социально-экономического и правового освобождения крестьянства, Пушкин возглавляет собою творческое цветение русского культурного общества, еще не протрезвившегося от дворянского бунтарства, но уже подготавливающего свои силы к отмене крепостного права и к созданию единой России.

Пушкин стоит на великом переломе, на гребне исторического перевала. Россия заканчивает собирание своих территориальных и многонациональных сил, но еще не расцвела духовно: еще не освободила себя социально и хозяйственно, еще не развернула целиком своего культурно-творческого акта, еще не раскрыла красоты и мощи своего языка, еще не увидела ни своего национального лика, ни своего безгранично свободного духовного горизонта. Русская интеллигенция еще не родилась на свет, а уже литературно западничают и учатся у французов революционным заговорам. Русское дворянство еще не успело приступить к своей самостоятельной, культурно-государственной миссии; оно еще не имеет ни зрелой идеи, ни опыта, а от XVIII века оно уже унаследовало преступную привычку терроризовать своих государей дворцовыми переворотами. Оно еще не образовало своего разума, а уже начинает утрачивать свою веру и с радостью готово брать "уроки чистого афеизма" у доморожденных или заезжих вольтерьянцев. Оно еще не опомнилось от Пугачева, а уже начинает забывать впечатления от этого кровавого погрома, этого недавнего отголоска исторической татарщины. Оно еще не срослось в великое национальное единство с простонародным крестьянским океаном; оно еще не научилось чтить в **простолюдине русский дух и русскую мудрость и воспитывать в нем русский национальный инстинкт**; оно еще крепко в своем крепостническом укладе, - а уже начинает в лице декабристов носиться с идеей безземельного освобождения крестьян, не помышляя о том, что крестьянин без земли станет беспочвенным наемником, поработленным и вечно бунтующим пролетарием. Русское либерально-революционное дворянство того времени принимало себя за "соль земли" и потому мечтало об ограничении прав монарха, неограниченные права которого тогда как раз сосредоточивались, подготавливаясь к сверхсословным и сверхклассовым реформам; дворянство не видело, что великие народолюбивые преобразования, назревавшие в России, могли быть осуществлены только полновластным главой государства и верной, культурной интеллигенцией; оно не понимало, что России необходимо мудрое, государственное строительство и подготовка к нему, а не сеяние революционного ветра, не разложение основ национального бытия; оно не разумело, что воспитание народа требует доверчивого изучения его духовных сил, а не сословных заговоров против государя...

Россия стояла на великом историческом распутье, загроможденная нерешенными задачами и ни к чему внутренне не готовая, когда ей был послан прозорливый и свершающий гений Пушкина, - Пушкина-пророка и мыслителя, поэта и национального воспитателя, историка и государственного мужа. Пушкину даны были духовные силы в исторически единственном сочетании. Он был тем, чем хотели быть многие из гениальных людей Запада. Ему был дан поэтический дар, восхитительной, кипучей, импровизаторской легкости; классическое чувство меры и безошибочный художественный вкус; сила острого, быстрого, ясного, прозорливого, глубокого ума и справедливого суждения, о котором Гоголь как-то выразился: "если сам Пушкин думал так, то уже верно, это сущая истина..." Пушкин отличался изумительной прямоотой, благородной простотой, чудесной искренностью, неповторимым сочетанием доброты и рыцарственной мужественности. Он глубоко чувствовал свой народ, его душу, его историю, его миф, его государственный инстинкт. И при всем том он обладал той вдохновенной свободой души, которая умеет искать новые пути, не считаясь с запретами и препонами, которая иногда превращала его по внешней видимости в "беззаконную комету в кругу расчисленном светил", но которая по существу подобала его гению и была необходима его пророческому призванию.

А призвание его состояло в том, чтобы принять душу **русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее**, а вместе с нею - и Россию. Таково было великое задание Пушкина: принять русскую душу во всех ее исторически и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях; и найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать всей России - **достойный ее творческий путь, преодолевающий эти трудности, развязывающий эти узлы, вдохновенно облагораживающий и оформляющий эти страсти.**

Древняя философия называла мир в его великом объеме - "макрокосмом", а мир, представленный в малой ячейке, - "микроскосмом". И вот, русский макрокосм должен был найти себе в лице Пушкина некий целостный и гениальный микрокосм, которому надлежало включить в себя все величие, все силы и богатства русской души, ее дары и ее таланты, и, в то же время, - все ее соблазны и опасности, всю необузданность ее темперамента, все исторически возникшие недостатки и заблуждения; и все это - пережить, перекалить, переплавить в огне гениального вдохновения: из душевного хаоса создать душевный космос и показать русскому человеку к чему он призван, что он может, что в нем заложено, чего он бессознательно ищет, какие глубины дремлют в нем, какие высоты зовут его, какую духовную мудростью и художественною красотой он повинен себе и другим народам и, прежде всего, конечно - своему Всеблагому Творцу и Создателю.

Пушкину была дана **русская страсть**, чтобы он показал, сколь чиста, победна и значительна она может быть и бывает, когда она предается боговдохновенным путям. Пушкину был дан **русский ум**, чтобы он показал, к какой безошибочной предметности, к какой сверкающей очевидности он бывает способен, когда он несом сосредоточенным созерцанием, благородною волею и всевмлющей, всеотверстой, духовно свободной душой...

Но в то же время Пушкин должен был быть и сыном своего века и сыном своего поколения. Он должен был принять в себя все отрицательные черты, струи и тяготения своей эпохи, все опасности и соблазны русского интеллигентского мирозерцания, - не для того, чтобы утвердить и оправдать их, а для того, чтобы одолеть их и показать русской интеллигенции, как их можно и должно побеждать.

В то время Европа переживала эпоху утверждающегося религиозного сомнения и отрицания, эпоху философски оформляющегося безбожия и пессимизма, поэтически распускающегося богоборчества и кощунственного эротизма. Французские энциклопедисты и Вольтер, Байрон и Парни привлекали умы русской интеллигенции. Потомственно и преемственно начинает с них и Пушкин, с тем чтобы преодолеть их дух. Опустошительное действие этого духа описано им в его ранней элегии "Безверие" (1817) и позднее, со скорбной иронией, в стихотворении "Демон" (1823). Творческое бесплодие этого духа было разоблачено и приговорено в "Евгении Онегине" (1822-1831). Из восьми глав этого "романа в

стихах" не было закончено и четыре, когда в апреле 1825 года, в годовщину смерти Байрона, Пушкин, еще не уверовав всей душой, как это было в последние годы его жизни, заказывает обедню "за упокой раба Божия боярина Георгия", т.е. Байрона, и вынутую просвиру пересылает своему брату Льву Сергеевичу, - поступок столь же религиозный, сколь и жизненно-символический. В 1827 году он записывает о Байроне формулы безошибочной меткости, духовного и художественного преодоления. А еще через несколько лет он пригвозждает мимоходом и энциклопедистов, и Вольтера, - прозорливым и точным словом:

...Циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый <...>
(К Вельможе, 1830)

Впоследствии близкие друзья его, Плетнев и князь Вяземский, отмечали его высокорелигиозное настроение: "В последние годы жизни своей, - пишет Вяземский, - он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их..."

В то время Европа переживала великое потрясение французской революция, **заразившей** души других народов, но **не изжившейся** у них в кровавых бурях. Русская интеллигенция вослед за Западом бредила свободой, равенством и революцией. За убиением французского короля последовало цареубийство в России. Восстание казалось чем-то спасительным и доблестным.

Пушкин приобщается к этому недугу, чтобы одолеть его. Достаточно вспомнить его ранние создания "Вольность" (1819), "В.Л. Давыдову" (1821), "Кинжал" (1821) и другие. Но я тогда уже он постиг своим благородным сердцем и выговорил, что цареубийство есть дело "вероломное", "преступное" и "бесславное"; что рабство должно пасть именно "по манию царя" ("Деревня", 1819); что верный исход не в беззаконии, а в том, чтобы "свободною душой закон боготворить" (там же). Прошло шесть лет, и в судьбе Андре Шенье Пушкин силою своего ясновидящего воображенья постиг природу революции, ее отвратительное лицо и ее закономерный ход, и выговорил все это с суровой ясностью, как вечный приговор ("Андрей Шенье", 1825). И когда с 1825 года началось его сближение с императором Николаем Павловичем, оценившим и его гениальный поэтический дар, и его изумительный ум, и его благородную, храбрую прямоу, - когда две рыцарственные натуры узнали друг друга и поверили друг другу, - то это было со стороны Пушкина не "изменой" прошлому, а вдохновенным шагом зрелого и мудрого мыслителя. В эти часы их первого свидания в Николаевском дворце Московского Кремля - был символически заложен первый камень великих реформ императора Александра Второго... И каким безошибочным предвидением звучат эти пушкинские слова, начертанные поэтом после изучения истории пугачевского бунта: "Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка - полушка, да и своя шейка - копейка".

Так совершал Пушкин свой духовно-жизненный путь: от разочарованного безверия - к вере и молитве; от революционного бунтарства - к свободной лояльности и мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе - к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия - к культу семейного очага. История его личного развития раскрывается перед нами, как постановка и разрешение основных проблем всероссийского духовного бытия и русской судьбы. Пушкин всю жизнь неутомимо искал и учился. Именно поэтому он призван был учить и вести. И то, что он находил, он находил не отвлеченным только размышлением, а **своим собственным бытием**. Он сам был и становился тем, чем он "учил" быть. Он учил, не уча и не желая учить, а становясь и воплощая.

То, что его вело, была **любовь** к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу, в русскую простонародную жизнь. Созерцая Россию, он ничего не идеализировал и не преувеличивал. От сентиментальной фальши позднейших народников он был совершенно свободен. Ведь это он в своем раннем стихотворении "Деревня" писал:

Везде невежества губительный позор...

Здесь барство дикое, без чувства, без закона...
Здесь рабство тощее влачится по браздам...

Это он поставил эпиграфом ко второй главе "Евгения Онегина" горадиевский вздох "O, rus", - т.е. "О, деревня!", и перевел по-русски "О, Русь!", - т.е. приравнял Россию к великой деревне. Это он в минуту гнева или протеста против своего изгнания восклицал: "Святая Русь мне становится невтерпеж" (1824); "я, конечно, презираю Отечество мое с головы до ног" (1826); "черт догадал меня родиться в России с душою и талантом" (1836). Это он написал (1823):

Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.

Словом, Пушкин не идеализировал русский строй и русский быт. Но, имея русскую душу, он из самой глубины ее начал вслушиваться в душу русского народа и узнавать ее глубину в себе, а свою глубину в ней. Для этого он имел две возможности: непосредственное общение с народом и изучение русской истории.

Пушкин черпал силу и мудрость, припадая к своей земле, **приникая** ко всем проявлениям русского простонародного духа и **проникая** через них к самой субстанции его.

Сказки, которые он слушал у няни Арины Родионовны, имели для него тот же смысл, как и пение стихов о Лазаре вместе с монастырскими нищими⁵⁴ Он здоровался за руку с крепостными и вступал с ними в долгие беседы. Он шел в хоровод, слушал песни, записывал их и сам плясал вместе с девушками и парнями. Он никогда не пропускал Пасхальной заутрени и всегда звал друзей "услышать голос русского народа" (в ответ на христосование священника). Он едет в Нижний, Казань, Оренбург, по казачьим станицам, и в личных беседах собирает воспоминания старожилов о Пугачеве. Всегда и всюду он впитывает в себя живую Россию и напивается ее живою субстанцией. Мало того: он входит в быт русских народов, которых он воспринимает не как инородцев в России, а как **русские народы**. Он перенимает их обычаи, вслушивается в их говор. Он художественно облекается в них и, со всей своей непосредственностью, переодевается в их одежды. Современники видели его во всевозможных костюмах, и притом не в маскарадах, а нередко на улицах, на больших дорогах, дома и в гостях: в русском крестьянском, нищенско-странническом, в турецком, греческом, цыганском, еврейском, сербском, молдаванском, бухарском, черкесском и даже в самоедском "ергаке". Братски, любовно принял он в себя русскую многонациональную стихию во всем ее разнообразии и знал это сам, и выговорил это, как бы в форме "эпитафии":

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

А второй путь его был - изучение русской истории. Он принял ее всю, насколько она была тогда доступна и известна, и всегда стремился к ее первоисточникам. Его суждения о

⁵⁴ В "Описании Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии" (Псков, 1899) игумен Иоанн приводит интересные сведения о посещении Пушкиным святогорских ярмарок: "Когда в монастыре была ярмарка... Пушкин, как рассказывают очевидцы-старожилы, одетый в крестьянскую рубаху... не признанный местным уездным исправником, был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее - человеке Божиим и других, тростью же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслони проход в монастырь на ярмарку. От такого ареста был освобожден благодаря лишь заступничеству здешнего станового пристава".

"Слове о полку Игореве" были не только самостоятельны, расходясь с суждениями тогдашней профессуры (Каченовский⁵⁵), но оказались прозорливыми и верными по существу. Зрелость и самобытность его воззрений на русскую историю изумляла его друзей и современников. Историю Петра Великого и пугачевского бунта он первый изучал по архивным первоисточникам. Он питал творческие замыслы как историк и хотел писать исследование за исследованием.

Что же он видел в России и ее прошлом?.. Вот его подлинные записи:

"Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обносился мир"⁵⁶.

"Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических"⁵⁷.

В. Лепяхин⁵⁸

"Отцы пустынноики и жены непорочны..."

(Опыт подстрочного комментария)

Интерес к религиозным мотивам в творчестве Пушкина и к религиозности самого поэта появился сравнительно поздно, а предметом исследования эта тема стала еще позднее. В. Гиппиус, например, связывает возникновение этого интереса с именами Ап. Григорьева и Ф. Достоевского, а начало исследования - с именем Д. Мережковского⁵⁹. Впоследствии эта проблема многократно разрабатывалась и углублялась, и в настоящее время можно говорить о трех ее аспектах. Во-первых, это религиозность Пушкина как проявление внутренней духовной жизни, "религиозной бессознательно". К работам, рассматривающим религиозность Пушкина в этом аспекте, можно отнести статьи и брошюры Вл. Соловьева⁶⁰, В. Гиппиуса⁶¹, М. Гершензона⁶², С. фон Штейна⁶³. По словам В. Гиппиуса, в Пушкине до последних дней идет борьба между "жаждой Бога" и "бессилием религиозной сознательности", поэтому религиозность поэта для него стихийна⁶⁴. С. Франк связывает религиозность Пушкина прежде всего со взглядами его на красоту, поэзию и призвание поэта. Он отмечает, что "везде, где Пушкин говорит о поэзии, он употребляет религиозные термины"⁶⁵ что во многих стихах Пушкина явственно выступает его "религиозное восприятие самой поэзии и сущности поэтического вдохновения... поэта как "служителя алтаря"⁶⁶. Во-вторых, это христианство Пушкина как та религиозная и общекультурная почва, на которой возросло его творчество и которой многим было обьязано его

⁵⁵ Каченовский Михаил Трофимович (1775-1842), издатель "Вестника Европы", проф. Московского университета по русской истории, статистике, географии и русской словесности, с 1841 г. академик. Вел борьбу с литературной и исторической школой Карамзина, принадлежал к числу литературных противников Пушкина.

⁵⁶ Пушкин А.С. "История русского народа. Сочинение Николая Полевого" (1830).

⁵⁷ Пушкин А.С. (О Екатерине II). - 1822.

⁵⁸ Валерий Лепяхин, литературовед. Печатался в "Вестнике Русского Христианского Движения", а также в "Журнале Московской Патриархии". Проживает в Венгрии. "Отцы пустынноики и жены непорочны... (Опыт подстрочного комментария)" печатается по: Журнал Московской Патриархии. 1904, № 6, с. 87-96.

⁵⁹ Мережковский Д.С. Вечные спутники. М., 1903, с. 121-122.

⁶⁰ Соловьев В.С. Судьба Пушкина. Впервые: Вестник Европы. 1897, К 9. Перепечатано в Собр. соч. В.С. Соловьева (Т. 9. СПб., 1913, с. 294-347).

⁶¹ Гиппиус В. Пушкин и христианство. Пг., 1915.

⁶² Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919, с. 7-49.

⁶³ Штейн-фон, Сергей. Пушкин-мистик. Историко-литературный очерк. Рига, 1931.

⁶⁴ Гиппиус В. Указ. соч. С. 125-127, 152.

⁶⁵ Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957, с. 15.

⁶⁶ Там же. С. 21.

мировоззрение. Христианство поэт считал "величайшим духовным и политическим переворотом нашей планеты", в "священной стихии которого обновился мир"⁶⁷. Поэт хорошо знал Библию, часто ее перечитывал, он упоминает в своих произведениях книги Моисея, пророка Исаии, Екклесиаста, Иова, Песнь Песней, Псалтирь, Апокалипсис и др. На библейские сюжеты им написано немало стихов. Известен отзыв поэта о Евангелии: "Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее Божественное красноречие"⁶⁸. В христианской вере Пушкина не сомневался и В.С. Соловьев. Общеизвестны также предсмертные слова поэта, сказанные им Данзасу: "...Хочу умереть христианином".

К работам, посвященным теме христианства Пушкина - теме обширной и недостаточно исследованной, можно отнести статьи и книги Д. Мережковского (который построил свою концепцию на борьбе двух начал в творчестве поэта: христианского и языческого), С. Франка, П.Б. Струве, В. Ильина, А. Позова⁶⁹. Отметим, что Пушкин интересовался и был знаком с западной богословской литературой. В частности, читал знаменитое "О подражании Христу" Фомы Кемпийского, проповеди Фенелона и др.

Наконец, в-третьих, нельзя пройти мимо православия Пушкина. Эта тема в его творчестве обусловлена уже тем, что поэт с детства был тесно связан с православной обрядностью и православным бытом: он посещал богослужения, заказывал в церкви панихиды и молебны; перед смертью исповедался и причастился, как глава семьи и отец благословил жену и детей; периодически заказывал молебны перед семейной реликвией - ладанкой с зашитой в ней частицей ризы Господней. На основе воспоминаний современников такие факты можно было бы значительно умножить. Пушкин читал православную богословскую литературу, Четьи-Минеи, проповеди митрополита Московского Филарета (Дроздова), писал сочувственные рецензии на духовную литературу ("Словарь о святых", "Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского"⁷⁰, "Путешествие к святым местам" А.Н. Муравьева⁷¹ и др.). В статьях и в известном письме к Чаадаеву поэт исключительно высоко оценивает роль монастырей и монашества в древнерусской культуре и духовенства в истории России. Но тема православия Пушкина возникает и непосредственно - при анализе тех его произведений, на которых лежит отпечаток не просто православного быта и его реалий, а православного мировоззрения. Наиболее полной работой, посвященной этой теме, является переиздававшаяся трижды брошюра митрополита Анастасия (Грибановского).

Конечно, эти три проблемы - религиозность, христианство и православие Пушкина - тесно взаимосвязаны, и речь может идти лишь об особом акценте на той или иной стороне одного и того же явления.

В настоящей статье внимание сосредоточивается на собственно православных элементах в творчестве Пушкина. Для этого выбрано и анализируется одно стихотворение - "Отцы пустынноики и жены непорочны...", в котором православное мировосприятие Пушкина

⁶⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 тт. Т. 7, М., 1978, с. 100.

⁶⁸ Там же. С. 322.

⁶⁹ Позов А. Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967.

⁷⁰ О Георгии Конисском и о рецензии Пушкина на собр. его соч. см. коммент. 20 к статье митрополита Анастасия "Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви" в наст. изд.

⁷¹ О сочинении А.Н. Муравьева "Путешествие к Святым местам" и отношении к нему Пушкина см. коммент. 21 к статье митрополита Анастасия "Пушкин в его отношении к религии..." в наст. изд.

выражено наиболее отчетливо, тем более что в это стихотворение входит переложение известной православной молитвы. Цель работы - дать содержательный комментарий к этому стихотворению, обращая особое внимание на случаи отступления Пушкина от канонического текста молитвы и на особенности словоупотребления в его семантическом и стилистическом аспектах.

В позднем творчестве поэта значительное место занимает цикл стихов 1836 года, в который входят "Отцы пустынноики...", "Подражание итальянскому", "Мирская власть", "Из Пиндемонти" и др. Наиболее убедительные доказательства формального единства этих стихотворений именно как цикла приведены в работах Н.В. Измайлова⁷². Внутренние, смысловые, тематические принципы композиции этого цикла детально проанализированы в статье В.П. Старка, который приходит к выводу, что стихотворения расположены "в соответствии с последовательностью событий Страстной недели и их ежегодного поминовения: среда - молитва Ефрема Сирина, четверг - возмездие Иуде за предательство, свершенное в ночь со среды на четверг, пятница - день смерти Христа, когда в церкви установленный накануне крест сменяет плащаница"⁷³. Относительно стихотворения "Отцы пустынноики..." тот же автор отмечает, что "прямолинейный подход" к стихотворению либо приводил исследователей "к утверждению о глубокой религиозности Пушкина", либо "вызывал сомнение в возможности передать в нем (в стихе. - В.Л.) всю духовную насыщенность первоисточника", либо оставался формальным комментарием к стихотворному переложению знаменитой молитвы⁷⁴.

Автор молитвы, преподобный Ефрем Сирин († 373) - один из самых почитаемых древних святых Православной Церкви. Духовное наследие его обширно. Но, пожалуй, самое известное его творение - краткая молитва, которую в течение всего Великого поста (за исключением суббот и воскресений) читают в храме и дома. Приведем ее канонический текст:

Господи и Владыко живота моего,
дух праздности, уныния, любоначала
и празднословия не даждь ми,
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любви, даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения
и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков, аминь.

Стихотворение Пушкина условно делится на две части. Собственно переложение молитвы составляет его вторую часть, предваряет же его вступление, подготавливающее читателя к восприятию "молитвенного стиха", как выразился сам поэт.

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлегать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет

⁷² Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.

⁷³ Старк В.П. Стихотворение "Отцы пустынноики и жены непорочны..." и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. Рассматривая автограф стихотворения, В.П. Старк замечает: "Стихотворение дошло до нас в перебеленном автографе с некоторыми поправками. Состоит оно из двух частей - своеобразного "приступа" к молитве и собственно молитвы. Первоначально оно начиналось словами "святые мудрецы", затем было переправлено на "отцы пустынноики". Пушкин сопровождает текст иллюстрацией: келья, зарешеченное оконце, сгорбленный старец-монах, к которому весьма подходит определение "святой мудрец" (с. 195).

⁷⁴ Там же. С. 195.

Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей -
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Обратимся к тому стихотворному "предисловию", которым предваряется переложение молитвы. Поскольку речь идет о молитве преподобного Ефрема, жившего в IV веке, естественно предположить, что под "отцами пустынножителями" поэт имеет в виду монахов-отшельников эпохи расцвета монашества (IV-VI вв.) - современников и последователей знаменитого сирийского подвижника. Многие из них были не только аскетами, но и духовными писателями. Их произведения - это "опытное богословие", то есть концентрация личного духовного опыта Богопознания и Богообщения. Их писания часто начинаются с молитвы, сопровождаются молитвой, перетекают в нее и ею завершаются. Богословие этой эпохи, которую называют "золотым веком святоотеческой письменности", - богословие молитвенное. Наиболее точно его сущность и особенность выразил преподобный Нил Синайский (†450): "Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов"⁷⁵.

В первом варианте у Пушкина вместо "отцы пустынножители" стояло "святые мудрецы". Знаменательно это исправление нейтрально-светского "святые мудрецы", которое можно отнести, например, и к буддийским монахам, на окончательный вариант, который уточняет и конкретизирует вероисповедание в самом начале стихотворения. Те, о ком говорит поэт, не просто мудрецы, а отшельники, каковым был и преподобный Ефрем, и не просто святые, а святые отцы. В тропарях этим подвижникам они называются "пустынными жителями" и "богоносными отцами".

Словосочетание "жены непорочны" также заслуживает внимания. Слово "непорочный" в богослужебных текстах относится прежде всего к Богородице: Всенепорочная, Пренепорочная Дева. Его употребляют и по отношению ко Христу - "Агнец Непорочный", то есть безгрешный. По Библии, человек должен быть **непорочен сердцем**. Выражение "жены непорочны" может быть навеяно и посланием Апостола Павла к Ефесянам, в котором он проводит следующую параллель: как Церковь перед Христом, так и жена перед мужем должна быть свята и непорочна (Еф. 5: 25). Отметим также, что в каноне на утрене вторника первой недели Великого поста непорочным называется сам пост. Таким образом, у Пушкина уже в первой строке возникает сложный многомерный образ, вызывающий ассоциативные связи с эпохой начала монашества вообще и женского монашества в частности, непорочным зачатием, непорочной жертвой Христовой, непорочностью и жертвенностью христианской жизни в ее идеале, а также с Великим постом и его богослужениями.

Во второй строке ("Чтоб сердцем возлетать во области заочны") Пушкин указывает на роль сердца в духовной молитвенной жизни. Сердце - это центр и средоточие духовной жизни. "Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести, больше того, сердце является центром жизни вообще - физической, духовной и душевной. Оно есть центр прежде всего, центр во всех смыслах"⁷⁶. Учение о сердечной, или умно-сердечной (совершаемой умом в сердце),

⁷⁵ Добротолюбие. Издание Пантелеимонова монастыря на Афоне, 1895. Т. 2, с. 153.

⁷⁶ *Иннокентий* (Борисов), архиепископ. Сочинения. Т. 4, СПб., 1908, с. 7.

молитве лежит в основе исихастской практики, которая восходит к IV веку⁷⁷. Именно чистое и непорочное сердце становится способным "возлетать" к Богу. Пророк Иеремия призывает: *Вознесем сердце наше... к Богу* (Плач. 3: 41). В заповедях блаженства Христос говорит, что только *чистые сердцем... Бога узрят* (Мф. 5: 8). Сердце "возлегает" в "области заочны", по выражению поэта, то есть в область невидимого для очей. По христианскому учению, существуют два мира: видимый и невидимый, "мир сей" и Царство Небесное, которое остается незримым для телесных очей. Но, пребывая в этом мире, человек может быть **восхищен Богом**, как был восхищен апостол Павел, сердце его может **возлететь** и стать причастным Царства Божия. Отметим, что даже употребление множественного числа ("области заочны") у поэта имеет смысл, поскольку мир невидимый сотворен по иерархическому принципу (вспомним "О небесной иерархии" Дионисия Ареопагита), и, например, Апостол Павел был возведен до третьего неба (2 Кор. 12:2).

Чистая молитва, возносящая человека к Богу, требует большого труда; по учению "отцов пустынников", она не дается сразу; чистая молитва - это вершина духовной жизни, но орудием, или инструментом, для ее достижения является тоже молитва. Поэтому первая цель молитвы - укреплять сердце в борьбе против "дольних", то есть земных, искушений ("Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв"). В канонах и акафистах слово "буря" употребляется именно в этом смысле: *буря напастей, бурю внутрь имели помышлений сомнительных*, буря недоумения смущает ми ум и т.д. То же можно сказать и о "битвах". Борьба, брань христианина против греха в Библии, в богослужебных текстах часто сравнивается с битвой, сражением (см., например: 1 Кор. 9: 26). Апостол Павел сравнивает духовную борьбу с военным сражением: *...Братия мои, укрепляйтесь Господом... Облекитесь во всеоружие Божие... Станьте... облекшись в броню праведности... Возьмите щит веры... И шлем спасения возьмите* (Еф. 6: 10-17). Земная жизнь христианина - это бури искушений и битвы против *мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6: 12). Победа в этой борьбе дает способность "возлетать" сердцем в мир горний, в "области заочны", и тогда молитва как оружие борьбы против греха претворяется в молитву Богопознания.

Далее поэт говорит о "множестве" молитв, составленных святыми отцами ("Сложили множество божественных молитв"), вероятно, имея в виду известные ему молитвы, которые в течение многих столетий, как во времена Пушкина, так и теперь, входят в утреннее и вечернее молитвенные правила, предназначенные для каждого православного: например, молитвы преподобного Макария Великого, святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого и других святых отцов. По свидетельству князя П.А. Вяземского, Пушкин, по крайней мере "в последние годы жизни своей... был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их"⁷⁸. В упомянутую рецензию на сочинения архиепископа Георгия (Конисского) Пушкин включил несколько страниц выписок из его сочинений, часть которых посвящена именно молитве и посту.

В следующей строке поэт говорит об умилении, рождаемом молитвой ("Но ни одна из них меня не умиляет"). Учитывая дух всего стихотворения и его близость как по лексике, так и по смыслу к писаниям восточных отцов Церкви, было бы неверно толковать слово "умиление" в его современном психологическом, сентиментальном аспекте. На утрени в понедельник первой недели Великого поста поется: *Поста Божественным начаткам умиление стяжим...* Достичь, стяжать умиление - такова цель, предлагаемая верующему в самом начале Поста. Что же такое умиление? По слову пророка Захарии, умиление - это дар Божий, который приходит к человеку вместе с благодатью и наставляет его *воззреть на Бога, Которого пронзили... рыдать... и скорбеть* (Зах. 12: 10); умиление - это прежде всего покаянное чувство, возрастание которого Церковь приурочивает к началу Великого поста. Умиление также тесно связано с молитвой: молитва - это и средство для стяжания умиления,

⁷⁷ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж, 1973, с. 126-181.

⁷⁸ Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1984, с. 575.

но чистая молитва вместе с тем и плод умиления. Поэтому в контексте стихотворения "умиляет" значит "вызывает покаянное чувство", "возбуждает желание молиться".

Молитву преподобного Ефрема в церкви читает священник ("Как та, которую священник повторяет"), а молящиеся повторяют ее вместе с ним про себя, и в течение всего Великого поста она не только читается в храме, но и включается в домашнее молитвенное правило.

Пушкин называет Великий пост "печальным" ("Во дни печальные Великого поста"). В святоотеческой литературе различаются печаль и уныние. Если уныние считается безусловным грехом, то печаль имеет двойственный характер: следует различать "печаль по Боге", которая "в душу согрешившую влагает намерение исправить жизнь и очиститься от страстей", и "печаль мира сего", вводящую человека в уныние, отчаяние, "усыпляющую" душу: угашающую в ней стремление к добродетели. Таким образом, Пост может быть только печальным, ибо это время особой "печали по Богу", но не уныния.

Затем поэт совершает переход от умиления молитвой преподобного Ефрема, произносимой священником, от "печали по Богу" к собственной молитве ("Всех чаще мне она приходит на уста"). Собственной не в смысле словесного оформления (православная традиция предлагает молиться как раз "чужими словами", то есть "божественными", как выразился Пушкин, молитвами святых отцов), а в смысле онтологического переживания молитвенных слов как своих собственных. Один из способов "вжиться в молитву - частота ее повторения"⁷⁹. И именно молитва преподобного Ефрема "всех чаще" "приходит на уста" поэта.

О результате молитвы говорится в следующей строке ("И падшего крепит неведомою силой"). Молитва усиливает в человеке чувство своей греховности, но она же и укрепляет; она позволяет осознать молящемуся глубины своего падения, но она же и возводит к Богопознанию, воздействуя "неведомою силой". Личность автора, его "я" в двух последних строках перед непосредственным изложением молитвы преподобного Ефрема Сирина выступает особенно отчетливо: "мне приходит на уста, меня (как ясно из контекста) крепит".

В первом варианте стихотворения третья строка звучала так: "Чтоб освежать его средь дольных бурь и битв", а девятая: "И душу мне живит..." вместо окончательного "И падшего крепит". Поправки автора очень показательны: работа над стихом идет в сторону усиления его связи с православной традицией, что проявляется как на смысловом, так и на стилистическом уровне и в итоге приближает все стихотворение к святоотеческому пониманию особенностей внутренней духовной жизни, в частности молитвенной. Слово же "падший", особенно часто употребляемое в богослужебных текстах Великого поста, еще раз напоминает о взаимосвязи молитвы, поста и покаяния.

Заслуживает особого внимания и эпитет "неведомая" по отношению к Божественной силе. Это словоупотребление и лексически и семантически связано со святоотеческим. Проблема познаваемости Бога у восточных отцов Церкви решается антиномически: Бог непознаваем и вместе с тем познаваем. Он непознаваем от своей сущности, но познаваем по тем проявлениям Божественной энергии, Божественной благодати, которые Он изливает на человека. Поэтому человек знает Бога, но лишь **отчасти**, он чувствует на себе воздействие Божественной силы, все же остальное остается тайной. *Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит* (Ин. 3: 8). "Неведомая сила" в святоотеческих писаниях и в данном контексте у Пушкина - это не значит неведомо какая и от кого приходящая (наоборот, перепутать ее ни с какой другой невозможно, если принять ее без гордыни, со смирением, - предупреждают "отцы пустынники"), но неведомо как, в какое время и откуда нисходящая и куда затем уходящая. Антиномично, таким образом, само опытное Богопознание: опыт дает свидетельство Божественного происхождения действующей силы, смирение же признает ее неведомой.

Перейдем к переложению Пушкиным самой молитвы преподобного Ефрема ("Владыко дней моих"). В обращении к Богу Пушкин опускает первую часть - **Господи**,

⁷⁹ Откровенные рассказы странника..., с. 120, 179, 246 и др.

оставляя вторую, как и в оригинале, в звательном падеже - **Владыко**. Архаичное церковнославянское "живота" он не переводит современным словом "жизни", но находит адекватное "дней моих". На первый взгляд это неоправданная "модернизация" семантики и языка текста молитвы, но, обратившись к Библии, мы находим очень близкие к пушкинским словам выражения, особенно в Псалтири: *В Твоей руке дни мои (Пс. 30: 16); в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные (Пс. 138: 16)*. Пушкинский перевод можно, следовательно, истолковать как парафраз библейского стиха.

Далее ("дух праздности унылой") поэт допускает еще одну "вольность" по отношению к оригиналу: он объединяет уныние и праздность, стоящие у преподобного Ефрема обособленно, как две разные страсти. Но, обращаясь к писаниям "отцов пустынников" Египта, Сирии и Палестины, мы находим, что многие из них если не объединяли эти две страсти, то, по крайней мере, связывали их друг с другом. Как праздность приводит к унынию и скуке, так и уныние, в свою очередь, располагает человека к духовному разленению. Святой Иоанн Кассиан (†435) пишет: "...Дух уныния... праздности научает". Об этом же неоднократно пишет преподобный Нил Синайский.

В следующей строке ("Любоначала, змеи сокрытой сей") Пушкин "дополняет" молитву, особо выделяя страсть любоначала, включающую в себя много разновидностей, таких как властолюбие, превозношение, гордыня, высокоумие, стремление командовать и подчинять других. Любоначалие прямо противоречит одной из заповедей Христа: *...Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом (Мф. 20: 26-27)*. Менее чем через десять лет после опубликования стихотворения Пушкина вышла брошюра архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова) "Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на св. Четыредесятницу". В своем толковании он писал: "Дух любоначала, несмотря на свою чудовищную величину, может вселяться в самого малого человека... От приражения духа любоначала и превозношения не свободен никто... Он появляется с юных лет и делает из отрока предводителя над детьми..."⁸⁰. Хотя эта брошюра вышла после смерти Пушкина, в 1844 году (хвалебной рецензией откликнулся на нее И.В. Киреевский), само имя архиепископа Иннокентия могло быть известно Пушкину через Гоголя, который был большим ценителем и почитателем проповеднического таланта "русского Златоуста", как называли Херсонского архиепископа.

Надо обратить внимание и на то, что в восточной святоотеческой традиции темы грехопадения, поста и любоначала тесно взаимосвязаны. Православная традиция различает пост телесный и духовный. В среду на вечерне первой недели Великого поста поется стихира: *Постящися, братие, телесно, постимся и духовно...* Пост телесный, в свою очередь, понимается как воздержание в количестве пищи и как отказ от определенных видов пищи. Пост же духовный означает усиленную борьбу против своей греховности и добродетели. Заповедь, полученная Адамом от Бога о невкушении плодов с древа познания добра и зла, являлась, по православным толкованиям, и заповедью о посте. Таким образом, грехопадение начинается с нарушения заповеди о воздержании от определенного вида пищи. На утрени сыропустного воскресенья поется об Адаме: *...В неводержании заповеди не сохрани Владычни*. Но нарушение телесного поста первыми людьми не было простым непослушанием, не было самоцелью. *И вы будете, как боги (Быт. 3: 5)*, - было сказано им змием в искушение, и, значит, в основе непослушания лежало скрытое любоначалие, стремление к неограниченной власти. Божественная заповедь была нарушена и в телесном, и в духовном аспектах, поэтому и пост, понимаемый как средство возврата к первоначальному, догреховному райскому состоянию, предполагает очищение, "одухотворение" тела и очищение души от страстей.

Для искушения Евы сатана принял образ змеи. В этом случае он действовал "извне". Грехопадение же означало вхождение греха внутрь человека: в последующем сатана искушает человека невидимо, незаметно, изнутри, он как бы скрывается и обнаруживает

⁸⁰ *Иннокентий (Борисов), архиепископ. Указ. соч. с. 269-270.*

свое присутствие в проявлении какой-либо страсти. "Не увлекающийся какой-либо страстью не должен думать, что нет в нем этой страсти: только не было случая к обнаружению ее", - писал вслед за святыми отцами святитель Игнатий (Брянчанинов)⁸¹. Строка Пушкина "Любоначалия, змеи сокрытой сей", так явно им выделенная, навеяна как раз этой общеизвестной в Православии взаимосвязью между любоначалием и грехопадением под тайным, скрытым действием дьявола на человека. По наблюдениям В.П. Старка, тема любоначалия, властолюбия, "мирской власти" и, с другой стороны, преклонения перед властями является сквозной для всего пушкинского цикла стихов 1836 года, становится "своеобразным ключом к пониманию всего замысла"⁸².

Как и в молитве, далее у Пушкина следует грех празднословия. *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда* (Мф. 12: 36) - это евангельское предупреждение лежит в основе молитвенного прошения. Но Пушкин заменяет церковнославянское "не даждь ми" современным "не дай душе моей".

Вслед за тем идет наиболее значительное отступление от текста молитвы. У преподобного Ефрема за четыремя "отрицательными" прошениями (об отнятии праздности, уныния, любоначалия и празднословия) следуют четыре "положительных" (о даровании целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви), а заключают молитву прошения о даровании зрения своих грехов и неосуждения. Пушкин же заключительные строки молитвы ставит между отрицательными и положительными прошениями, создавая таким образом числовую симметрию: 4-2-4, в то время как в оригинале 4-4-2. Но только ли ради симметрии сделал такую перестановку поэт? Обратимся опять к Евангелию и святоотеческой литературе. Осуждение считается одним из самых страшных грехов: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы* (Мф, 7: 1-2). ...*Суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом* (Иак. 2; 13). Осуждение в святоотеческой литературе считается одной из самых опасных страстей. Она действует в человеке по-разному и часто неприметно для самого осуждающего. Человек бессилён бороться против этой страсти до тех пор, пока он не начнет осуждать себя самого. Но, чтобы осуждать себя самого, надо видеть свои грехи. В одном из "Отечников" имеется такой эпизод: "Брат спросил старца: по какой причине я осуждаю братию? Старец отвечал: потому что ты еще не познал себя самого: видящий себя не видит недостатков брата". В другом месте видящий свои грехи ставится выше видящего Ангелов. Святитель Иоанн Златоуст предупреждает: "Не столько заботится диавол о том, чтобы грешили, сколько о том, чтобы не видели греха..." Таким образом, способность видеть свои грехи предшествует победе над страстью осуждения, а неосуждение, в свою очередь, является предпосылкой тех четырех добродетелей, прошение о которых следует у Пушкина за прошением о даровании "зреть" свои "прегрешенья". Если у преподобного Ефрема четырьмя страстям сразу же противопоставляются четыре добродетели (их параллелизм и взаимосвязанность хорошо показаны в книге А. Шмемана⁸³, то Пушкин из конца молитвы переносит в ее середину два прошения, которые "отсрочивают" противопоставление страстям добродетелей, но подготавливают это противопоставление, выступая предпосылкой просимых духовных даров. Если обозначить "отрицательные" (не даждь, не дай) прошения знаком "-", а "положительные" (даруй, дай) знаком "+", то получим такую схему:

у преподобного Ефрема:

- - - -
+ + + +
+ -

у Пушкина:

- - - - -
+ -
+ + + +

⁸¹ *Игнатий* (Брянчанинов), епископ. Сочинения. Т. 1. СПб., 1886, с. 525. 24.

⁸² *Старк В.П.* (1783-1848) Указ. соч., с. 199.

⁸³ *Отечник.* Брюссель, 1963, с. 357.

У той и другой композиционной схемы есть свои достоинства. В первой более выпукло выступает противопоставление страстей и добродетелей, а в конце акцент делается на неосуждении.

Пушкин *...и не осуждати брата моего* заменяет на "Да брат мой от меня не примет осуждения...". Здесь интересна подстановка вместо энергичного и активного *не осуждати брата* более мягкого и пассивного оборота с акцентом не на субъекте, а на страдательном объекте греховного действия - осуждения. Выражение "принять осуждение" неоднократно встречается в Евангелии. Отметим и замену союза "и" союзом "да", который в контексте Пушкина вместо соединения носит оттенок причинности: видеть свои прегрешения, чтобы не осуждать брата.

В "положительном" прошении поэт также вносит перестановки. На первое место он выдвигает дух смирения, целомудрие же, стоящее в оригинале первым, у него заключает стихотворение. Отметим замену "смиреномудрия" "смирением"; причины замены, очевидно, носят чисто технический характер, но искажения смысла эта замена не вносит: смиреномудрие - следствие смирения.

В этой же строке у Пушкина в той очередности, как и в молитве, следует прошение о терпении и любви. Завершается стихотворение просьбой о целомудрии ("И целомудрия мне в сердце оживи"). Именно эту добродетель ставит поэт в конец, и на нее по этой причине падает особое ударение. Почему же Пушкин выделил, как ранее любоначалие, именно целомудрие и о каком целомудрии идет речь? Апостол Павел в своих посланиях распространяет заповедь целомудрия не только на юношей, женщин, епископов, но и на старцев. Рядом с целомудрием он упоминает обычно веру, любовь, терпение, благочиние, честность, святость. В греческом тексте великопостной молитвы употребляется слово *sophrosyna*, главными значениями которого являются благоразумие, рассудительность, благочестие, сдержанность, воздержанность, скромность, целостность сознания, разума, мышления, их укорененность в добре, так как зло "раскалывает" целостный разум. Лишь вторичными значениями слова "целомудрие" являются чистота нравов в широком смысле и собственно телесная чистота, непорочность, умение сдерживать свои страсти, то есть те значения, которые впоследствии выдвинулись на первый план. Читая святоотеческую литературу, нельзя не обратить внимания на то, что, употребляя слово "целомудрие" в значении "девственность", "супружеская верность", "воздержание" или как антоним слова "разврат", святые отцы употребляют его и гораздо чаще в значении "благоразумие" и "благочестие", связывая его с верой в Бога, Только Христос-Логос дает истинный и целостный разум - ум Христов, дарует особую мудрость, нисходящую свыше. Целомудрие многие святые отцы, например родоначальник египетского монашества преподобный Антоний Великий, считали одной из главных добродетелей. А преподобный Иоанн Лествичник пишет: "Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей"⁸⁴. Отметим, что на утрени понедельника в первую неделю Великого поста поется: "Прииде пост, мати целомудрия..." Пушкин, без сомнения, знал это святоотеческое, более широкое и глубокое понимание целомудрия и именно в этом значении употребил его. В этом случае становится оправданной такая перестановка прошения о целомудрии как "матери всех добродетелей" из начала в конец заключительного аккорда.

В последней строке Пушкина имеется еще одна особенность, заслуживающая внимания. Целомудрие, смиреномудрие, терпение и любовь поэт как бы предполагает имеющимися в своем сердце ("мне в сердце оживи"), но являющимися безжизненными, пребывающими в бездействии. В Евангелии обретение веры во Христа часто понимается как переход от смерти к жизни. Апостол Павел пишет Колоссянам: *И вас, которые были мертвы во грехах... оживил* (Кол. 2: 13). Действие, которое производит Христос на уверовавшего в него человека, - это оживление. Особенно часто такое понимание встречается в Псалтири: *оживи меня по слову Твоему, слово Твое оживляет меня, по милости Твоей оживляй меня*.

⁸⁴ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908, с. 113.

Это оживление распространяется на весь духовно-телесный состав человека, в том числе или даже прежде всего на "окаменевшее" сердце. Господь оживляет сердца, ищущие Бога с сокрушением. Пушкин в последней строке хотя и отступает от оригинала, но как на смысловом, так и на лексическом уровне восходит в своем понимании отношения человека к Богу и Бога к человеку, к Библии и писаниям святых отцов.

Преподобный Ефрем Сирийский заканчивает молитву традиционным благодарственным славословием: *Яко благословен еси во веки веков, аминь*. Таких возгласов, которыми кончаются молитвы, всего несколько, они неизменны, воспроизводятся в течение многих столетий. Заимствованы они из Библии, иногда перефразированы, как и возглас преподобного Ефрема. Так же, как молитва сирийского подвижника, заканчиваются некоторые молитвы святителя Иоанна Златоуста, молитва святого Мардария и многие другие. Перед поэтом стояла проблема: либо включить заключительный возглас в рамки стихотворного размера, тем самым неизбежно исказив его и нарушив его каноническую неприкосновенность, либо опустить совсем. Поэт избрал второе решение, что может указывать на особое уважительное и даже почтительное отношение Пушкина к освященному церковной традицией тексту молитвы.

Об этом свидетельствует и стилистика стихотворения. Пушкин прекрасно знал церковнославянский язык и с присущей ему легкостью органически воспроизвел его лексические, морфологические и синтаксические элементы.

Молитва преподобного Ефрема Сирина приобрела у Пушкина стройность и законченность, даже логичность и поэтическое совершенство, но все же переложение Пушкина, которое даже церковные люди не раз называли идеальным и гениальным, не имеет силы молитвы. Переложение Пушкина остается стихотворением, в котором эстетическое начало преобладает над молитвенным, эстетика торжествует над молитвой, которая в идеале есть простое, непосредственное выражение чувства человека к Богу, как сына к отцу. Хотя, конечно, стихотворная форма не "противопоказана" молитве. В стихах писали некоторые свои молитвы Симеон Новый Богослов, сам преподобный Ефрем и другие святые отцы.

Итак, какие же изменения вносит Пушкин в молитву преподобного Ефрема Сирина при ее стихотворном переложении? Прежде всего, поэт несколько меняет композицию оригинала, затем сужает некоторые понятия, но вместе с тем расширяет другие, а третьи объединяет; кроме того, делает небольшое сокращение, переставляет, меняет местами отдельные слова, смещая тем самым акценты. На первый взгляд, изменения значительные, но, сравнивая молитву святого и стихотворение поэта, нельзя не признать творческой удаче последнего в передаче самого духа и смысла молитвы. Пушкину удалось сделать эти изменения (вызванные чисто формальными, техническими причинами) без какого-либо искажения священного текста. Для всех изменений, внесенных Пушкиным, всегда можно найти обоснование у тех "отцов пустынных", о которых он пишет. И переложение самой молитвы и стихотворное "предисловие" к ней свидетельствуют о том, что поэт хорошо знал святоотеческую литературу, и прежде всего православное учение о молитве и посте, знал также и богослужебные тексты Великого поста. Именно это позволило ему, несмотря на все изменения, в адекватной форме передать смысл и дух молитвы.

Приложение

В. Пигалев⁸⁵

Пушкин и масоны

Таинственная смерть поэта. За 100 с лишним лет выдвинуто много гипотез, опубликовано много исследований. В большинстве из них подчеркивается, что поэт стал

⁸⁵ *Вадим Алексеевич Пигалев* (1940-1991), литератор, кандидат исторических наук. Окончил Ленинградский театральный институт, автор книги "Баженов", вышедшей в серии ЖЗЛ в 1980 г.

Печатается по: "Литературная Россия", 9 февраля 1979 г.

жертвой самодержавия, заговора высшего света. Это вне сомнения. Но какие конкретно силы принимали участие в заговоре, чьими руками совершалось преступление? Поиски в этом направлении продолжаются и по сей день.

Предлагаемый очерк - еще один взгляд на причину трагедии, еще одна попытка выявить конкретных участников ее.

В парижской газете "Temps" 5 марта 1837 года (по новому стилю), через три недели после смерти Пушкина, была опубликована статья, посвященная жизни и творчеству русского поэта в период его пребывания в Кишиневе. Тон анонима не отличается дружелюбием, почитанием русского гения. Автор, ссылаясь на рассказы "путешественника", говорит, что Пушкин был "высокомерный и резкий... не терпел ни малейшего противоречия". Далее автор статьи свидетельствует: "Несколько французов, находившихся тогда в Кишиневе, основали там масонскую ложу. Пушкин вступил в нее..."

Статья характеризуется такими мелкими подробностями, о которых мог знать либо постоянный член кишиневского тайного масонского кружка, либо один из верховных вожаков, "мастеров" ложи. Последний, пусть даже далеко находящийся, согласно масонскому уставу, регулярно получал подробную информацию о поведении "братьев". Что же касается причастности Александра Сергеевича к масонству, то об этом он сам засвидетельствовал в дневнике, записав, что был принят в масоны 4 мая 1821 года.

Причастности Пушкина к ложе "Овидий" и возможным последствиям многие исследователи и биографы поэта не придавали должного значения. А между тем вопрос этот заслуживает изучения.

Ложа "Овидий" была основана вскоре после приезда Пушкина в Кишинев. Один из ее основателей - военный начальник края генерал И.Н. Инзов. Он приветствовал посвящение в масоны поэта и совместно с другими "братьями", в том числе иностранного происхождения, внимательно следил за тем, сколь ревностно Пушкин служит обществу "вольных каменщиков". Один из первых биографов поэта, П.В. Анненков, свидетельствовал, что за Пушкиным, его словами, поступками, образом мыслей тщательно следили "из одного побуждения - наблюдать явление, не подходящее к общему строю жизни".

"Мастера" лож и гроссмейстеры поучали: "Если писатель напишет в своей книге мысли и рассуждения совершенно правильные, но не подходящие к нашему учению или слишком преждевременные, то следует или подкупить этого автора или его обесславить".

Устав предупреждал: "Воля твоя в ордене покорна воле законов и высших... Страшись думать, что сия клятва менее священна даваемых тобою в гражданском обществе. Ты был свободен, когда оную произносил, но уже не свободен нарушить клятву, тебя связующую".

Ложа "Овидий" находилась в подчинении у "Великой управляющей ложи "Астрея", объединявшей десятки российских лож. "Астрея" же, в свою очередь, подчинялась "Великой Провинциальной ложе", управляемой зарубежными "мастерами". Кроме того, "Астрея" обязана была регулярно отчитываться и руководствоваться инструкциями тайного "Капитула", учрежденного в Петербурге иностранными "гроссмейстерами" специально для контроля за деятельностью русских масонов. Над всеми масонами главенствовала Великая ложа "Великих помазанников Божиих", и в ее члены избирались наивысшие просветленные "братья" из всех светлейших Капитулов.

Многие русские масоны, вступившие в "братство" из искренних побуждений "обрести мудрость жизни", "искоренить зло и насадить добрые нравы", всю жизнь покорно повиновались "мастерам", но масонские "тайнства" так и остались для них неразгаданной загадкой.

Русские масоны, хотели они того или нет, делали это сознательно или в силу слепой доверчивости - работали на возрождение древнего Ордена Храмовников, на распространение его влияния.

Видимо, есть смысл кратко напомнить об истории средневекового храмовничества.

Тамплиеры-храмовники в период крестовых походов принадлежали к могущественной тайной корпорации, они были членами "Ордена Иерусалимского храма", основанного в XII веке. Орден получил название после того, как король Балдуин уступил

ему в Иерусалиме замок возле места, где, по преданию, находился храм Соломона. По тем временам орден действительно был могуществен. Он имел большие земельные наделы, освобожденные от податей. Владения тамплиеров раскинулись от Палестины до Ирландии. Имея огромные богатства, им ничего не стоило купить у английского короля весь остров Кипр. Верховные вожаки ордена, засевшие в замке Тампль, придерживались принципа вседозволенности.

Тайный план храмовников высших степеней, по мнению большинства историков, заключался в том, чтобы завладеть властью в различных королевствах и установить свое всемирное "тысячелетнее царство". Храмовники и в самом деле навели страх на многие королевства, добились для себя в ряде государств льготных статей, вынудили состоятельных вельмож даровать ордену целые графства. "Рыцари храма" слишком увлеклись. В ночь на 13 октября 1307 года вожаки тамплиеров были схвачены и преданы в руки инквизиции. Но орден не исчез, а продолжал тайно существовать.

Однако вернемся к кишиневскому периоду жизни и творчества Пушкина.

Упомянутая нами статья в "Тетра" заканчивалась тем, что русский поэт был вызван в Петербург, "но с этого времени мы его потеряли из виду".

Скорее всего анонимные авторы статьи, будучи, несомненно, масонами, "потеряли" Пушкина не визуально, а в более, широком смысле. Александр Сергеевич складом характера, образом мыслей, творчеством не соответствовал жестким критериям масонства. Для "братьев" стало ясно, что поэт выходит из-под их контроля, перестает почитать орденские интересы и ритуалы, которые все более кажутся ему нелепыми, "да и уж больно не по-русски", теряет первоначальную тягу к масонству, продиктованную ранее любопытством и кишиневской скукой.

Все это не осталось незамеченным, ибо среди врагов и друзей Пушкина было немало масонов.

Повторим еще раз одно из масонских правил, принципиальных указаний: "Если писатель напишет в своей книге мысли и рассуждения совершенно правильные, но не подходящие к нашему учению или слишком преждевременные, то следует или подкупить этого автора или его обесславить".

Пушкин писал произведения "не подходящие" и "преждевременные". Преждевременные, видимо, в том смысле, что объективно они предугадывали и разоблачали методы, которыми пользовались масоны и их верховные вожаки. Подкупить же Пушкина было невозможно:

И неподкупный голос мой

Был эхо русского народа.

В 1826 году, вскоре после коронации Николая I, поэт был вызван из ссылки. Новый император позволил ему ознакомиться с важными документами - архивом Петра Великого. Пушкин с головой уходит в работу, изучает историю, пишет произведения, историко-политическая глубина и художественные достоинства которых потрясут затем весь мир.

В послекишиневский период имя Пушкина стало довольно часто мелькать на страницах зарубежной прессы. Но странные это были заметки. М.П. Алексеев в своем исследовании "Пушкин и западная литература" замечал: "...иностранцы путешественники в описаниях своих поездок в Россию нередко упоминали имя Пушкина в такой связи, которая должна была усилить внимание к нему жандармских властей".

В начале тридцатых годов в Россию приехал Жорж Дантес. С первых дней пребывания в России он пользуется большой поддержкой и покровительством барона Геккерна, нидерландского посланника. С появлением в Петербурге молодого француза сам Геккерн усиленно стал распространять слухи, что желает усыновить Дантеса. В светском обществе это произвело соответствующее впечатление. Карьера Дантеса ускорила.

Жорж Дантес был сыном крупного французского дельца-промышленника из Сульца, владевшего замком, который ранее принадлежал Ордену тамплиеров (храмовников). Замок достался семье не случайно. Дядя Дантеса был командором Ордена тамплиеров. Семья Дантесов, исповедуя храмовничество, находилась на особом положении среди "братьев".

После смерти дяди состояние Дантесов не пошатнулось, а, напротив, благодаря "секретным друзьям" значительно увеличилось.

Жорж Дантес, родившийся в 1812 году, был зачислен в 1829 году в военное училище Сен-Сира. После ряда неудавшихся политических авантур Дантес устремляется в Россию. Он делает это благодаря протекции наследного принца Пруссии Вильгельма, весьма близкого к масонским кругам. В трактире пограничного городка он встречается с посланником Голландии Геккерном, знакомым с семьей Дантеса, в том числе и с его отцом.

Геккерн и Дантес задерживаются в трактире, им, видимо, есть о чем побеседовать: Дантес - по причине "болезни", Геккерн - "по техническим" причинам: ему чинят кабриолет. По всей вероятности именно здесь, в трактире, и был разработан план "усыновления", так как вскоре после приезда в Петербург Геккерн и Дантес сами распространяют слух о скором изменении в своих "биографиях". Оба они делали ставку на доверчивость русской знати. Их расчеты в некотором смысле оправдались. Ибо вскоре, не убедившись в достоверности "усыновления", русский двор поверил версии и допустил Дантеса в высший свет.

К столетию со дня смерти Пушкина парижский журнал "Revue des etudes Slave" опубликовал работы двух голландских ученых. В них приводятся документы, хранившиеся столетие в государственных архивах Голландии. Из документов следует, что между министерствами шел длительный спор о правомерности передачи Дантесу дворянского титула и семейного герба Геккернов, о национальности "приемного" сына. Дело в том, что "усыновление" противоречило целому ряду положений нидерландского законодательства. Голландские ученые, авторы статьи "Два барона Геккерна", опубликованной во французском журнале, отмечают, что даже когда король Нидерландов дал разрешение на перемену Дантесом фамилии с указанием того, что "грамота" вступает в юридическую силу лишь в 1837 году (к этому времени уже свершилась дуэль, и Дантес покинул Россию), "усыновление все равно нельзя признать достоверным фактом, оно было "мнимое", то есть ложное".

"Усыновление" (при живом родном отце) - это заранее продуманная авантюра. За ней последовала другая - грязное и провокационное анонимное письмо, направленное на то, чтобы опозорить Пушкина. Александр Сергеевич, вызывая Дантеса на дуэль, прекрасно понимал, что дело не только в молодом проходимце, что за ним стоят другие лица, сознательно сплетающие сети заговора.

А как же вел себя при этом Дантес? В своем авантюризме он не отставал от нового "отца" с высоким титулом барона. Дантес четко следовал масонским инструкциям. Он, в частности, руководствовался следующим указанием. "Все более можно влиять на мировые события через посредство женщин". В ноябре 1836 года Дантес неожиданно принимает решение жениться на Екатерине Гончаровой. Это многих буквально ошеломило.

Вопрос о женитьбе Дантеса обсуждали верховной властью России, ибо надлежало разрешить отклонение от существующих законов о подданстве и вероисповедании. В конечном итоге Дантес и его покровитель Геккерн добились удовлетворения всех своих условий.

Брак с Гончаровой не соответствовал ни первоначальным планам нидерландского посланника, ни желанию самого Дантеса. "Геккерн имел честолобивые виды, - писал Н.М. Смирнов, - и хотел женить своего приемца на богатой невесте. Он был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения цели". Достаточно сказать, например, что Геккерн занимался в России пошлой и непозволительной для посла спекуляцией. Он перепродавал заграничные вина, торговал посудой, картинами, утварью. Такими же чертами характера, поступками и духовным миром отличался и Дантес.

Что же заставило Геккерна и Дантеса столь резко изменить свои планы и согласиться на брак с женщиной, у которой не было ни богатства, ни красоты?

Судя по всему, Геккерн был не столько озабочен судьбой Дантеса, которому заранее была отведена определенная роль и он практически, как показывают факты, был лишен какой-либо инициативы, сколько стремился решить какую-то более важную задачу, невесть кем поставленную перед ним. И Геккерн сознательно подталкивал Дантеса к авантюрной женитьбе, чтобы самим известием о браке еще более внести сумятицу в эмоциональный

настрой Пушкина, оттянуть время дуэли, подготовиться к поединку и расправиться с поэтом, что называется, наверняка. Хроника преддуэльных дней подкрепляет эти выводы.

Пушкин получил анонимное письмо утром 4 ноября 1836 года. Он было на французском языке, написано печатными буквами. Поэта извещали: "Кавалеры первой степени, Командоры и Рыцари Светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшиеся в великий Капитул под председательством высокочтимого великого магистра Ордена е(го) п(ревосходительства) Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена", и т.д. В данном случае масонская терминология применена нарочито, сознательно.

Понятно, что пишут масоны, хорошо знакомые с орденской системой. А между тем, заметим мы, среди масонов не принято было наносить оскорбления своим "братьям". Соизволение на это могли в исключительных случаях дать лишь тайные "великие мастера".

В грязном пасквиле содержится немало других намеков. Не случайно, например, упомянуто имя обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина. В великосветских кругах в свое время немало судачили о связи императора Александра I с супругой Нарышкина, красавицей Марией Антоновной. А его брат, новый император Николай Павлович, как известно, был не совсем равнодушен к Наталье Николаевне Пушкиной.

В то утро 4 ноября Пушкин узнал, что "диплом" в нескольких экземплярах путешествует по рукам его близких знакомых.

Пушкин не знал и даже не догадывался, что в написании текста пасквиля принимали участие два хорошо знакомых ему масона: князь Петр Владимирович Долгоруков, друживший с Геккерном, и князь Иван Сергеевич Гагарин, будущий эмигрант и иезуит, симпатизировавший Дантесу. Но Александр Сергеевич знал другое: что главные авторы "диплома" - это Дантес и Геккерн. Пушкин не замедлил вызвать Дантеса на дуэль и даже в этот же день решил вопрос о секундантстве.

Но 4 ноября "сюрпризы" на этом не закончились. Во время обеда, на котором присутствовал секундант К.О. Россет, "за столом подали Пушкину письмо. Прочитав его, он обратился к старшей своей свояченице Екатерине Николаевне: "Поздравляю, Вы невеста: Дантес просит вашей руки. - Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталья Николаевна за нею. Каков! - сказал Пушкин Россету про Дантеса".

Судя по всему, противниками Пушкина были заранее предусмотрены все возможные варианты, "проиграны" все возможные ситуации. В январе 1837 года была распространена новая партия грязных анонимных писем. Это послужило еще одним толчком к дуэли. Вероятно, даже писавшим письма было ясно, что это та самая капля, которая переполнит чашу.

Письма незамедлительно попали в III Отделение. Бенкендорф (тоже масон) видел, что дело движется к трагической развязке, но практически ничего не предпринял. Более того, письма вскоре затерялись и не найдены по сей день.

М. Яшин справедливо замечал: "В то время, когда друзей Пушкина Бенкендорф окружал шпионами и следил за каждым их шагом, он ничего не предпринял для розыска виновника анонимных писем и травли Пушкина. Более того: некоторые документы военно-судного дела о дуэли почему-то не были представлены на рассмотрение, а оказались в секретном досье III Отделения. Там же оказались и какие-то намеки на розыски авторов анонимного пасквиля, нарочито направленные по ложным следам".

После смерти Пушкина начали разбирать бумаги и вести следствие. При этом велись протоколы. Во втором протоколе под № 7 обозначен "пакет с билетами". Он был почему-то "вручен гр. Бенкендорфу". Эти документы, могущие служить руководством и объяснением "судной комиссии", до наших дней в полном объеме не сохранились, во всяком случае, до сих пор еще не найдены. Не найдены также и важные показания Дантеса на суде, данные им 9 февраля.

Вообще, важнейших документов, которые могли бы приоткрыть тайну заговора, в материалах военно-судного дела не оказалось. Они исчезли. Заметим, кстати, что разбор бумаг, особенно на французском языке, был поручен Дубельту. Последний также был

масоном. И в этом смысле, подчеркиваем, вина опять же ложится на самодержавие, на службе у которого находились люди, заинтересованные в свершившейся трагедии, в заметании грязных следов и покорно служившие не народу российскому, а заморским авантюристам, тайным вожакам масонства. Но вернемся к фактам.

29 января перестало биться сердце великого поэта. Дантес был арестован и 19 марта 1837 года выслан за границу. Закончилась российская карьера и его "отца" - Геккерна. Все лица, хоть сколько-нибудь причастные к составлению пасквилей и свершившейся трагедии, продолжали долго хранить молчание.

Встретившись в Берлине с Дантесом, Луи Геккерн поехал в Голландию для закладки фундамента под новое здание своей политической карьеры. А Дантес с нелюбимой женой отправился в Сульц, где жила семья родного отца дуэлянта.

Контакты и "деловые" связи Дантеса и Геккерна на этом не прекратились. В конце июня Дантес направляется в Баден-Баден, куда в это же время выехал и Геккерн. Сюда же пожаловал и Великий Князь Михаил Павлович, которого европейские масоны уже давно обхаживали, пытаясь втянуть в свои сети. Поездка в Баден-Баден была полезна и для Дантеса и для Геккерна. Они встречались с русскими масонами, знатными вельможами, получали от них нужную им информацию, убеждали "малопосвященных" русских "братьев" в своей "невиновности". Работа велась не напрасно. В Россию полетели письма, оправдывающие убийцу. Так Андрей Карамзин, живший в это время в Бадене, писал своим родным: "...Дантес находит защитников, по-моему это справедливо; я первый с чистой совестью и со слезою в глазах о Пушкине протяну ему руку: он ведет себя честным и благородным человеком - по крайней мере так мне кажется..."

Зато ни Дантес, ни Геккерн таким "сердоболием" не отличились и слез проливать не собирались. Они с иезуитским цинизмом, настойчивостью и последовательностью вели травлю Гончаровых, желая, видимо, окончательно разделаться с людьми, близкими Пушкину. Стоит отметить, что Дантес занимался вымогательством, ведущим к разорению Гончаровых. А оторванная от родины Екатерина Николаевна вскоре умерла. Ее детей Дантес отдал на воспитание своей незамужней сестре, а сам поехал в Париж, ближе к влиятельным "братьям"-масонам. Здесь-то и началась его головокружительная карьера, явившаяся, очевидно, масонской наградой за успешно проведенную "российскую операцию". Дантес стал сенатором, членом многих кредитных банков и железнодорожных компаний. Его капитал, как и капитал старика Геккерна, из года в год умножался. А жизнь покинутых детей тем временем складывалась весьма печально: сын Екатерины был лишен наследства, брошен на произвол судьбы, а дочь Леони, способная к наукам и влюбленная в Пушкина, скончалась в психиатрической больнице.

Мы не заканчиваем эту историческую хронику. Еще не найдены многие документы, не расшифрованы и не опубликованы масонские архивы, неопределена окончательно их роль в свершившейся трагедии.

Борис Башилов⁸⁶

Пушкин и масонство (главы из книги)

Духовная победа Пушкина над вольтерьянством и масонством

Тот, кто пишет историю русского масонства, не может пройти мимо Пушкина. И не потому что, поддавшись увлечениям своей эпохи, Пушкин, как и многие выдающиеся его современники, был масоном, а по совершенно иной причине: потому что Пушкин, являющийся духовной вершиной своей эпохи, - одновременно является символом победы русского духа над вольтерьянством и масонством. Если, подавив заговор декабристов, император Николай I тем самым одержал победу над силами, стремившимися довести до логического конца начатое Петром I дело европеизации России, то к этому же самому времени самый выдающийся человек России - Пушкин - одержал духовную победу над циклом масонских идей, во власти которых он одно время был. <...>

Он раньше всех, первый, изжил трагические духовные последствия Петровской революции и восстановил гармонический духовный облик русского человека.

К моменту подавления масонского заговора декабристов национальное миросозерцание в лице Пушкина побеждает духовно масонство. Пушкин к этому времени отвергает весь цикл политических идей, взлелеянных масонством, и порывает с самим масонством. Пушкин осуждает революционную попытку связанных с масонством декабристов, и вообще осуждает революцию как способ улучшения жизни. Пушкин радостно приветствует возникшее в 1830 году у Николая I намерение "организовать контрреволюцию - революции Петра I" (См. письмо Пушкина П. Вяземскому в марте 1830 года).

Из рядов масонства Пушкин переходит в лагерь сторонников национальной контрреволюции, то есть оказывается в одном лагере с Николаем I.

Имя Пушкина самым теснейшим образом связано с духовной борьбой, которая велась против вольтерьянства и масонских идей в царствование Николая I. Но духовные отпрыски русского масонства - члены Ордена Русской Интеллигенции постарались излагать духовную историю русского общества николаевской эпохи таким образом, чтобы не говорить ни о роли масонства в развитии русского общества, ни о Пушкине как о духовном победителе вольтерьянства и масонства. В предисловии к своему исследованию "А.С. Пушкин и масонство" В.Ф. Иванов справедливо подчеркивает, что за сто лет, прошедших со дня смерти Пушкина, в многочисленных исследованиях самым детальнейшим образом освещены все стороны жизни и творчества гениального поэта, все, кроме той роли, какую сыграло в жизни и смерти поэта масонство.

История духовного развития Пушкина не является побочной темой для истории русского национального сознания, темой, которую можно опустить или которой можно коснуться вскользь, мимоходом. Наоборот, это самая главная тема, ибо история духовного

⁸⁶ *Борис Башилов* (литературный псевдоним Михаила Алексеевича Поморцева, 1908-1970), русский писатель и публицист, автор капитального 8-томного труда "История русского масонства" (начал выходить в Буэнос-Айресе в 1960-е гг., издание 9 тома остановлено из-за кончины автора). Теме "Пушкин и масонство" Башилов посвятил отдельную книжку, выпущенную издательством "Русь" (Буэнос-Айрес) в самом начале 1950-х гг., затем эта работа включена Михаилом Александровичем в 7 том упомянутой "Истории". Автор многочисленных прозаических произведений, вышедших в 1950-х гг. в Мюнхене (ФРГ) под псевдонимом "Тамарцев", о русских первопроходцах, забытых именах и эпизодах русской истории.

Труд Бориса Башилова "История русского масонства" вышел и на Родине в 1982-1985 гг. Издана и его работа "Пушкин и масонство", две главы из которой - "Духовная победа Пушкина над вольтерьянством и масонством" и "Пушкин и Царь" - мы помещаем в настоящем сборнике как соответствующие его тематике. Тексты печатаются с незначительными сокращениями.

развития Пушкина содержит в себе ответ на важнейший вопрос - были ли возможности духовного выздоровления образованного русского общества после подавления восстания декабристов или правы историки-интеллигенты, утверждающие, что победа Николая I над масонскими заговорщиками уже ничего не могла изменить в судьбе России, так как Россия к этому времени, по их мнению, была уже настолько больна духовно, политически и социально, что вопрос сокрушительной политической и социальной революции в ней был только вопросом времени.

Декабристы, по мнению этих лжеисториков, были лучшие представители александровской эпохи. Вместе с декабристами-де ушли с политической и культурной арены лучшие люди эпохи, а их место заняла, как выражается Герцен, "дрянь александровского времени". Подобная трактовка совершенно не соответствует исторической действительности. Среди декабристов были, конечно, отдельные выдающиеся и высококультурные люди, но декабристы не были отнюдь лучшими и самыми культурными людьми эпохи. Оставшиеся на свободе и не бывшие никогда декабристами Пушкин, Лермонтов, Крылов, Хомяков, Киреевский и многие другие выдающиеся представители Николаевской эпохи, Золотого века русской литературы были намного умнее, даровитее и образованнее самых умных и образованных декабристов. Потери русской культуры в результате осуждения декабристов вовсе не так велики, как это стараются изобразить, ни одного действительно выдающегося деятеля русской культуры, ни одного выдающегося государственного деятеля среди декабристов все же не было. Как государственный деятель Николай I настолько же выше утописта Пестеля, насколько в области поэзии Пушкин выше Рылеева.

Нет, возможности национального возрождения у России после подавления декабристов были, несмотря на то, что Россия в результате двадцатипятилетней европеизации была, конечно, очень больна. После подавления заговора декабристов и запрещения масонства в России наступает кратковременный период, который мог бы быть использован для возрождения русских политических, культурных и социальных традиций. Счастливое стечение обстоятельств после долгого времени давало русскому народу редкую возможность вернуться снова на путь предков. Враги исторической России были разбиты Николаем I и повержены в прах. Уродливая эпоха европеизации России, продолжавшаяся сто двадцать пять лет, кончилась. Николай I запрещает масонство и стремится стать народным царем, политические притязания дворянства подавлены, в душах наиболее одаренных людей эпохи, во главе которых идет Пушкин, с каждым годом усиливается стремление к восстановлению русского национального мировоззрения. В стране возникает духовная атмосфера, благоприятствующая возрождению самобытных русских традиций во всех областях жизни. Мировое масонство и хотело бы помешать этому процессу, но, потеряв в лице декабристов своих главных агентов, не в силах помешать России вернуться на путь предков. И во главе двух потоков национального возрождения стоят два выдающихся человека эпохи: во главе политического - Николай I, во главе умственного - умнейший и культурнейший человек эпохи - А.С. Пушкин.

"Самый кардинальный вопрос о той роли, которую сыграло в жизни и смерти поэта масонство, - пишет В. Иванов, - даже не был поставлен. А ведь между тем с раннего возраста и вплоть до самой смерти Пушкин, в той или иной форме, все время сталкивался с масонами и идеями, исходившими от масонских или околосолонских кругов". В.Ф. Иванов в своем исследовании дает следующую характеристику отцу Пушкина: "Отец поэта, Сергей Львович Пушкин, типичный вольтерьянец XVIII века, в 1814 году вступает в Варшаве в масонскую ложу "Северного Щита", в 1817 году мы видим его в шотландской ложе "Александра", затем он перешел из нее в ложу "Сфинкса", в 1818 году исполнял должность второго стюарта в ложе "Северных друзей". Не менее деятельным масоном был и дядя поэта - Василий Львович Пушкин. В масонство он вступает в 1810 году. Начиная с этого времени имя его встречается в списках ложи "Соединенные друзья". Затем он именуется членом Петербургской ложи "Елисаветы к Добродетели", а в 1819-1820 году состоял секретарем и первым стюартом в ложе "Ищущих Манны" (В.Ф. Иванов. "А.С. Пушкин и масонство", с. 16).

Приверженность отца Пушкина к вольтерьянству и масонству отразилась на соответствующем подборе книг в его библиотеке. А именно эти книги и читал юный Пушкин до поступления в Лицей и во время летних каникул, когда учился в Лицее. В Царскосельском лицее Пушкин тогда все время находился под идейным воздействием вольтерьянцев и масонов. Царскосельский лицей, так же как и Московский университет, как многие другие учебные заведения в александровскую эпоху, был центром распространения масонских идей. Проект Царскосельского лицея, по преданию, написан никем иным, как воспитателем Александра I швейцарским масоном Лагарпом и русским иллюминатом М. Сперанским. Лицей был задуман как школа для "юношества особо предназначенного к важным частям службы государственной". А в действительности, как и другие высшие учебные заведения, он превратился в рассадник масонских и вольтерьянских идей. "Царскосельский лицей", - как утверждает с восторгом Б. Мейлах - автор вступительной статьи к первому тому стихотворений Пушкина, вышедших в серии "Библиотека поэта" (советское издание), - превратился на деле в один из центров воспитания молодежи в духе политического вольноумия. Директор лицея В.Ф. Малиновский и профессор нравственных наук А.П. Куницын внушали воспитанникам критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю. Под влиянием Малиновского и Куницына в близком им духе строили свои лекции и другие профессора. В лицейских лекциях осуждался деспотизм и пропагандировались идеи политической свободы как необходимого условия расцвета культуры, науки и искусства. Одной из основ лицейского быта являлось равенство воспитанников независимо от происхождения и от чинов их родителей. Большое распространение среди лицеистов имела потайная политическая литература. Все это придавало особый характер лицейской жизни: не случайно воспитанники именовали это заведение в письмах и рукописных журналах "Лицейской республикой" (Библиотека поэта. Избранные произведения в трех томах. Издание третье).

Несколько преподавателей лицея были масонами и вольтерьянцами. Преподаватель Гауеншильд состоял в той же самой ложе иллюминантов "Полярная звезда", в которой одно время состоял и М. Сперанский. Профессор Кошанский был членом ложи "Избранный Михаил", членами которой также были Дельвиг, Батенков, Бестужев, Кюхельбекер, Измайлов. Нравственную философию и логику Куницын излагал в духе французской просветительской философии. Написанная в 1821 году Куницыным книга "Право естественное" была охарактеризована Руничем как принадлежащая к политическому направлению, "противоречащая истинам христианства, и клонящаяся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных". "Марат, - писал далее в том же отзыве Рунич, - был не кто иной, как искренний и практический последователь науки, которую преподает Куницын". А французский язык в лицее преподавал... родной брат знаменитого тирана французской революции... Марата. А принадлежавшая лицейской библиотеке была приобретена в свое время Екатериной II не у кого иного, как у самого... Вольтера. Можно себе представить, какой состав книг был в этой библиотеке?!

Царскосельский лицей подготавливал лицеистов не столько к государственной службе, сколько к вступлению в тайные противоправительственные общества. Автор записки "Нечто о Царскосельском лицее и духе его" сообщает, что лицейским духом называется такое направление взглядов, когда "Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском знать все дерзкие и возмутительные стихи и места из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться неверующим христианским догматам, а больше всего представляться Филантропом и русским филантропом" (Н.К. Шильдер. Николай I. Том I, с. 427). Приходится ли после этого удивляться, что Пушкин, Кюхельбекер и другие воспитанники лицея стали декабристами?!

Не лучше, как известно, был и "дух" петербургского образованного общества, среди которого приходилось бывать Пушкину-лицейцу. Пушкин познакомился с офицерами

стоявшего в Царском Селе лейб-гусарского полка Чаадаевым, Н.Н. Раевским, Кавелиным, и все они оказались поклонниками французского вольномыслия. В литературном кружке "Зеленая лампа" юный Пушкин познакомился со многими декабристами (так как "Зеленая лампа" была только тайным филиалом тайного "Союза Благоденствия"). Вступив позже в члены литературного общества "Арзамас", Пушкин вступил в общение с будущими декабристами М. Орловым, Н. Тургеневым и Никитой Муравьевым. С какими бы слоями образованного общества ни сталкивался юный Пушкин, всюду он сталкивался с масонами, или вольтерьянцами, или людьми, воспитавшимися под влиянием масонских идей.

Высланный в Бессарабию, Пушкин попадает уже в чисто масонскую среду. От политического вольнодумства его должен был исправлять по поручению властей не кто иной, как... старый масон И.Н. Инзов, член Кишиневской ложи "Овидий". Инзов, мастер ложи "Овидий" генерал Пушин и другие кишиневские масоны начинают усиленно просвещать Пушкина в масонском духе, и уже в начале мая 1821 года им удается завербовать Пушкина в число членов ложи "Овидий".

Начальник Главного штаба князь П.М. Волконский, запрашивая попечителя колонистов Новороссийского края и Бессарабии генерала Инзова о деятельности масонских лож, писал: "...касательно деятельности господина Пушкина донести Его Императорскому Величеству, в чем состоит его занятие со времени определения к вам, как он вел себя, и почему не обратили Вы внимания на занятие его по масонским ломам". Последний вопрос был весьма каверзным для генерала Инзова. Инзов, воспитанник мартиниста князя Ю.Н. Трубецкого, в своем ответе князю Волконскому об участии Пушкина в работе масонской ложи написал явную неправду, когда утверждал: "...относительно же занятия его (то есть Пушкина) по масонской ложе, то по неоткрытию таковой не может быть оным, хотя бы и желание его к тому было".

На самом деле, как указывали выше, в Кишиневе была масонская ложа "Овидий", и Пушкин был ее членом. И в тот момент, когда Инзов писал свой ответ Волконскому, ложа "Овидий" **еще существовала**, и прекратила она свое существование только некоторое время спустя после запроса князя Волконского. Мартинист и масон Инзов лгал Волконскому, сообщая, что если бы Пушкин и захотел быть масоном, он не мог бы быть таковым по отсутствию в Кишиневе масонской ложи. Только надеясь на то, что петербургские масоны сумеют прикрыть его явную ложь, Инзов мог столь смело лгать Волконскому. О существовании в Кишиневе масонской ложи знали все жители Кишинева. "Кишиневские масоны, - сообщает Ариадна Тыркова-Вильямс в своей книге "Жизнь Пушкина" (том I, с. 258), - действовали довольно открыто. Посвящая в братья болгарского архимандрита Ефрема, его с завязанными глазами повели через двор в подвал. Ложа "Овидий" помещалась в доме Кацака, на главной площади, всегда полной народу. Болгары, увидев, что их архимандрита, связанного, куда-то ведут, бросились спасать его от "судилища дьявольского". Едва удалось их успокоить. При такой откровенности вряд ли можно было в небольшом Кишиневе скрыть масонскую ложу "Овидий" от внимания властей. Инзов, как большинство мартинистов, вероятно, и сам был масоном и, может быть, просто не хотел выдавать своих "братьев-каменщиков". "Пушкин, - пишет Тыркова-Вильямс, - ...пережил в Кишиневе своего рода падение" ... "прошел через темные ущелья, где недобрые силы кружились, нападали, одолевали. Не вполне, не надолго, не без борьбы, но все-таки одолевали. Великий художник, он не мог впасть в узкий скептицизм, но что-то томило, застилало прирожденную ясную силу его духа" (том I, с. 294).

Живя на юге, Пушкин встречается со многими масонами и видными участниками масоно-дворянского заговора декабристов: Раевским, Пестелем, С. Волконским и другими, с англичанином-атеистом Гатчинсоном. Живя на юге, он переписывается с масонами Рылеевым и Бестужевым. Направленный на юг исправляться от привитого ему в Лицее политического вольномыслия, Пушкин, наоборот, благодаря стараниям масонов и декабристов, оказывается захваченным политическим и религиозным вольнодумством даже еще больше, чем в Петербурге. Только в эту короткую пору его жизни мировоззрение Пушкина и носит определенные черты политического радикализма. Но эта пора

продолжается недолго. Масоны и декабристы скоро убеждаются в неглубокости пушкинского радикализма и атеизма и понимают, что он никогда не станет их верным и убежденным сторонником.

Пушкин, несмотря на свою молодость, раньше масонов и декабристов понял, что с этими людьми у него нет и не может быть ничего общего. Именно в этот период, вскоре после вступления в масонское братство, он, по собственным его признаниям, начинает изучать Библию, Коран, а рассуждения англичанина-атеиста называет в одном из писем "пошлой болтовней". Разочаровывается Пушкин и в радикальных политических идеях. Встретившись с самым выдающимся членом Союза Благоденствия иллюминатом Пестелем, о выдающемся уме которого Пушкину прожужжали все уши декабристы, Пушкин увидел в нем только жестокого, слепого фанатика. По свидетельству Липранди, когда Пушкин в первый раз увидел Пестеля, то, рассказывая о нем, говорил, что он ему не нравится, и, несмотря на его ум, который он искал высказывать философскими тенденциями, никогда бы с ним не смог сблизиться. Пушкин отнесся отрицательно к Пестелю, находя, что властность Пестеля граничит с жестокостью. Не сошелся близко Пушкин и с виднейшим деятелем масонского заговора на севере - поэтом Рылеевым. Политические стихи Рылеева "Думы" Пушкин называл дрянью и шутливо говорил, что их название происходит от немецкого слова "думм" (дурак). Подшучивал Пушкин и над политическим радикализмом Рылеева, о чем свидетельствует Плетнев.

Ведя на юге внешне несерьезный образ жизни, в действительности Пушкин много и упорно читал и также много и серьезно мыслил, мужая духовно с каждым днем. Тыркова-Вильямс верно отмечает особенность характера Пушкина: "В Пушкине была гибкость и сила стали. Согнется под влиянием внешнего удара или собственных "мятежных" заблуждений. И опять стряхнет с себя груз. Изольется в стихах, и выпрямится". В Кишиневе Пушкин написал следующее многозначительное признание:

Вздохнув, оставил я другие заблужденья.
Врагов моих предал проклятию забвенья
И сети разорвал, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушая тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И в просвещении стать с веком наравне.

Чрезвычайно характерно и другое поэтическое признание, написанное в том же 1821 году:

Всегда так будет и бывало,
Такой издревле белый свет:
Ученых много, умных мало,
Знакомых тьма, а друга нет.

Ни среди масонов, ни среди живших на юге декабристов, Пушкин не нашел ни единомышленников, ни друга. Как и все гении, он остается одиноким и идет своим особенным, неповторимым путем. Уже в следующем, 1822 году, в Кишиневе, Пушкин пишет свои замечательные "Исторические заметки", в которых он развивает взгляды, являющиеся опровержением политических взглядов декабристов. В то время как одни декабристы считают необходимым заменить самодержавие конституционной монархией, а более левые - вообще уничтожить монархию и установить в России республику, Пушкин утверждает в этих заметках, что Россия чрезвычайно выиграла, что все попытки аристократии в XVIII веке ограничить самодержавие потерпели крах.

Вспоминая в 1835 году свою жизнь в Михайловском, Пушкин писал:

Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня и я воскрес душой...

На полях не включенного в первый том стихотворения "Платонизм" Пушкин написал: "Не надо, ибо я хочу быть моральным человеком". "Богатый Михайловский период был периодом окончательного обрусения Пушкина. Его освобождение от иностранщины началось еще в лицее, отчасти сказалось в "Руслане", потом стало выявляться все сильнее и сильнее, преодолевая экзотику южных впечатлений. От первых, писанных в полурусской Одессе, стрóf Онегина уже веет русской деревней. В древнем Псковском крае, где поэт пополнял книжные знания непосредственным наблюдением над народной жизнью, углублялся его интерес к русской старине, к русской действительности. Теперь Пушкин слышал вокруг себя чистую русскую речь, жил среди людей, которые были одеты по-русски, пели старинные русские песни, соблюдали старинные обряды, молились по-православному, блюли духовный склад, доставшийся от предков. Точно кто-то повернул колесо истории на два века назад, и Пушкин, вместо барских гостиных, где подражали Европе в манерах и мыслях, очутился в допетровской Московской Руси. К ней душой и телом принадлежал спрятавшийся от него в рожь мужик, крепостные девушки, с которыми Пушкин в праздники плясал и пел, слепые и певцы на ярмарке, игумен Иона, приставленный обучать поэта уму-разуму. Все они, сами того не зная, помогли Пушкину стать русским национальным поэтом" (А.В. Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина, т. II, с. 72).

Меткое замечание В. Розанова, что "вовсе не университеты вырастили доброго русского человека, а добрые, безграмотные няни", вполне может быть отнесено к Пушкину. Именно через няню Арину Родионовну, и в раннем детстве, и в годы жизни в Михайловском, в его гениальную душу ворвался могучий поток русского национального мировоззрения. "В псковской глуши, слушая няню и певцов, приглядываясь к жизни мужиков, читая летописи, воссоздавая один из труднейших, переломных моментов русской истории, Пушкин снова ощутил живую силу русской державы и нашел для нее выражение в "Годунове". С тех пор и до конца жизни он в мыслях не отделял себя от империи". "...Не только правительство, но даже друзья не понимали, что двадцатишестилетний поэт не колебал основ, а был могучим источником русской творческой великодержавной силы. Анненков объяснял это непонимание отчасти тем, что порывистая, страстная натура поэта сбивала многих с толку. За внешними вспышками окружающие **просмотрели** его внутреннюю ясность и мудрость". "...Еще в Одессе он полушутливо звал Александра Раевского к заутрене, "чтоб услышать голос русского народа в ответ на христосование священника". "...В Михайловском он внятно услышал этот голос. Среди подлинной, старинной русской жизни сбросил он с себя иноземное вольтерьянство, стал русским народным поэтом. Няня с ее незыблемой верой, Святые Горы, богомольцы, слепые, калики перехожие, игумен, в котором мужицкая любовь к водочке уживалась с мужицкой набожностью, чтение Библии и святых отцов - все просветляло душу поэта, там произошла с ним таинственная перемена, там его таинственным щитом святое Провидение осенило. После Михайловского **не написал он ни одной богохульственной строчки**, которые раньше, на потеху **минутных друзей минутной юности**, так легко слетали с его пера. Не случайно его поэтический календарь в Михайловском открывается с "Подражания Корану" и замыкается "Пророком". В письмах из деревни Пушкин несколько раз говорит про Библию и Четьи-Минеи. Он внимательно их читает, делает выписки, многим восхищается как писатель. Это не простой интерес книжника, а более глубокие запросы и чувства. Пушкин пристально вглядывается в святых, старается понять источник их силы. С годами этот интерес ширится" (А.В. Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина, т. II, с. 393).

Пушкин часто читает книги на религиозные темы. Он сотрудничает анонимно в составлении "Словаря святых". В 1832 году Пушкин пишет, что он "с умилением и невольной завистью читал "Путешествия по Святым местам А.Н. Муравьева". В четырех книгах "Современника" Пушкин напечатал три рецензии на религиозные книги.

После переезда Пушкина с юга в Михайловское от следов его кратковременного политического и масонского умонастроения не остается и следа. Это скрепя сердце принуждены признать даже такие крайние западники, как Г. Федотов: "...христианские влияния, умеряющие его гуманизм, - пишет Г. Федотов в сборнике "Новый Град", - Пушкин почерпнул не из опустошенного родительского дома, не из окружающей его вольтерьянской среды, но из глубины того русского народа (начиная с няни), общения с которым он жаждал и путь к которому сумел проложить еще в Михайловском".

От настроений "политического радикализма", "атеизма" и от увлечения антихристианской мистикой масонства в Михайловском скоро не остается ничего. Для духовно созревающего Пушкина все это уже - **прошлое**, увлечения прошедшей безвозвратно юности. Вечноработающий гениальный ум Пушкина раньше многих его современников понял лживость масонства и вольтерьянства и решительно отошел от идей, связанных с вольтерьянством и масонством. "Вечером слушаю сказки, - пишет Пушкин брату в октябре 1824 года, - и вознаграждаю тем недостатки **проклятого** своего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма".

Как величайший русский национальный поэт и как политический мыслитель Пушкин созрел в Михайловском. "Моя душа расширилась, - пишет он в 1825 году Н. Раевскому, - я чувствую, что могу творить". В Михайловском Пушкин много читает, много думает, изучает русскую историю, записывает народные сказки и песни, много и плодотворно работает: в Михайловском написаны им "Борис Годунов", "Евгений Онегин", "Цыганы", "Граф Нулин", "Подражание Корану", "Вакхическая песня" и другие произведения. В Михайловском окончательно выкристаллизовывается и убеждение, что каждый образованный человек должен вдуматься в государственное и гражданское устройство общества, членом которого он является, и должен по мере возможностей неустанно способствовать его улучшению.

Масоны и их духовные выученики декабристы пытаются привлечь ссыльного поэта на свою сторону. Декабристы- Рылеев и Волконский напоминают ему, что Михайловское находится "около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы - настоящий край вдохновения, и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы" (Рылеев), а Волконский выражает надежду, что "соседство воспоминаний о Великом Новгороде, о вечном колоколе будут для Вас предметом пиитических занятий". Но призывы отдать свое вдохновение на службу подготавливаемой революции не встречают ответа. Пушкин с насмешкой пишет о политических "Думах" Рылеева Жуковскому: "Цель поэзии - поэзия - как говорит Дельвиг (если не украл). Думы Рылеева целят, и все не попадут". "Что сказать тебе о "Думах"? - пишет он Рылееву. - Во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы "Петра в Острогжске" чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест: описание места, речь героя и нравоучение. Национального, **русского нет в них ничего**, кроме имен"...

В январе 1825 года в Михайловское приезжает самый близкий друг Пушкина - декабрист Пущин и старается окончательно выяснить, могут или нет заговорщики рассчитывать на участие Пушкина в заговоре. После долгих споров и разговоров Пущин приходит к выводу, что Пушкин **враждебно относится к идее революционного переворота** и что рассчитывать на него как на члена тайного общества совершенно не приходится. Именно в это время Пушкин пишет "Андрей Шенье".

Величайший русский национальный поэт, бывший, по общему признанию, умнейшим человеком своего времени, покидает тот ложный путь, по которому в течение ста двадцати пяти лет шло русское образованное общество со времени произведенной Петром I революции. Незадолго до восстания декабристов Пушкин был по своему мировоззрению **уже самым русским человеком из всех образованных людей своего времени**. В лице Пушкина образованный слой русского общества излечивается, наконец, от тех глубоких травм, которые нанесла ему революция Петра I. По определению И.С. Тургенева: "Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым

русским человеком того времени". В Пушкине во всей широте раскрылись снова все богатства русского духа, воспитанного в продолжение веков Православием. <...>

Умственное превосходство Пушкина понимали многие выдающиеся современники, и в том числе император Николай I, первый назвавший Пушкина "самым умным человеком России". "Когда Пушкину было восемнадцать лет, он думал, как тридцатилетний человек", - заметил Жуковский. По выражению мудрого Тютчева, Пушкин:

...был богов орган живой.

Баратынский называл Пушкина пророком. Разбирая после смерти Пушкина его бумаги, Баратынский понял, что Пушкин был не только выдающимся поэтом, но и выдающимся мыслителем своей эпохи. "Можешь себе представить, - писал Баратынский одному из своих друзей, - что меня больше всего изумляет во всех этих письмах. Обилие мыслей. **Пушкин - мыслитель.** Можно ли было ожидать. Это Пушкин предчувствовал".

Гений Пушкина мужал с каждым днем. Близкие друзья поэта это видели. Князь Вяземский, умный и тонкий человек, писал Пушкину, что, пройдя через соблазны и греховные помыслы юности, он сберег в своей душе:

Пламень чистый и верховный...

...Все ясней, все безмятежней <...>

Друг Пушкина Нащокин называл Пушкина "человеком с необыкновенным умозрением" и одно из писем к Пушкину закончил словами: "...Прощай, воскресение нравственного бытия моего". И Пушкин мог бы стать воскресителем нравственного бытия не одного Нащокина, а **всего русского народа.**

Силой своей гениальной интуиции и своего выдающегося ума Пушкин проникал в тайны прошлого и грядущего и находил верное решение в самых сложных вопросах. Эта способность его росла с каждым днем, с каждым годом. Если бы судьба подарила ему еще пятнадцать - двадцать лет жизни, то вся последующая судьба России могла бы стать иной, ибо гений Пушкина безошибочно различал верный путь там, где **остальные только беспомощно топтались или шли по неверному пути.**

"Когда он говорил о вопросах иностранной и отечественной политики, - писал в некрологе о Пушкине знаменитый польский поэт Мицкевич, - можно было думать, что слышите заматерелого в государственных делах человека".

Духовное развитие Пушкина - свидетель победы русского духа над теми соблазнами, которые овладели душой образованного на европейский манер русского человека, когда он столкнулся с чуждой стихией европейской культуры. <...>

Поэт и царь

Вскоре после восстания декабристов (20 января 1826 года) Пушкин пишет Жуковскому: "Вероятно правительство удовлетворилось, что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел... Я был масон в Кишиневской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи. Я, наконец, был в связи с большей частью нынешних заговорщиков. Покойный Император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии..." "Кажется можно сказать царю: Ваше Величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?"

"Конечно, - пишет Пушкин Дельвигу в феврале того же года, -я ни в чем не замешан, и, если правительству досуг подумать обо мне, то оно легко в этом удостоверится. Но просить мне как-то совестно, особенно ныне, образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость его достоинствам. Но никогда я не проповедовал ни возмущения, ни революции, - напротив..."

В письме к Жуковскому, написанному 7 марта, Пушкин опять подчеркивает, что "Бунт и революция мне никогда не нравились, но я был в связи почти со всеми, и в переписке со многими заговорщиками. Все возмутительные рукописи ходили под моим

именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если бы я был потребован Комиссией, то я бы, конечно, оправдался". "Вступление на престол Государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, Его Величеству угодно будет перемешать мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости".

К написанному в июне прошению на имя государя Николая I Пушкин прилагает следующее заявление:

"Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь к никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

11 мая 1826 года.

10-го класса Александр Пушкин".

Описывая встречу Николая I с Пушкиным в Москве, в Чудовом монастыре, историки и литературоведы из числа Ордена всегда старались выпятить, что Пушкин на вопрос Николая I: "Принял бы он участие в восстании декабристов, если бы был в Петербурге?", Пушкин будто бы ответил - "Да, принял бы". Но всегда игнорируется самая подробная запись о разговоре Николая I с Пушкиным, которая имеется в воспоминаниях польского графа Струтынского. Запись содержания разговора сделана Струтынским со слов самого Пушкина, с которым он дружил. Запись графа Струтынского, однако, всегда игнорировалась, так как она показывала политическое мировоззрение Пушкина совсем не таким, каким его всегда изображали члены Ордена Р.И.

Воспоминания графа Струтынского были изданы в Кракове в 1873 году (под псевдонимом Юлий Сас). В столетнюю годовщину убийства Пушкина в польском журнале "Литературные Ведомости" был опубликован отрывок из мемуаров, посвященный беседе императора Николая I с Пушкиным в Чудовом монастыре 18 сентября 1826 года. Вот часть этого отрывка:

"...Молодость, - сказал Пушкин, - это горячка, безумие, напасть. Ее побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большой вине. Вы, вероятно, знаете, потому что об этом много писано и говорено, что я считался либералом, революционером, конспиратором, - словом, одним из самых упорных врагов монархизма и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности. История Греции и Рима создала в моем сознании величественный образ республиканской формы правления, украшенный ореолом великих мудрецов, философов, законодателей, героев; я был убежден, что эта форма правления - наилучшая. Философия XVIII века, ставившая себе единственной целью свободу человеческой личности и к этой цели стремившаяся всею силою отрицания прежних социальных и политических законов, всею силою издевательства над тем, что одобрялось из века в век и почиталось из поколения в поколение, - эта философия энциклопедистов, принесшая миру так много хорошего, но несравненно больше дурного, немало повредила и мне. Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьей, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов, - все это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов, среди которых мой разум терялся и порождал во мне глупые намерения".

То есть в дни юности Пушкин шел по шаблонному пути многих. Кто в восемнадцать лет - не ниспровергатель всех основ?!

"Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть - насилие, каждый монарх - угнетатель, тиран своей страны, и что не только можно, но и похвально покушаться на него словом и делом. Неудивительно, что под влиянием такого заблуждения я поступил неразумно и писал вызывающе, с юношеской бравадой, навлекающей опасность и кару. Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в обе столицы и окружили меня строгим полицейским надзором. Я воображал, что вырос до размеров великого

человека и до чертиков напугал правительство. Я воображал, что сравнялся с мужами Плутарха и заслужил посмертного прославления в Пантеоне!"

"Но всему своя пора и свой срок, - сказал Пушкин во время дальнейшего разговора с графом Струтынским. - Время изменило лихорадочный бред молодости. Все ребяческое слетело прочь. Все порочное исчезло. Сердце заговорило с умом словами Небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, - я понял, что казавшееся доньше правдой **было ложью**, чтимое - **заблуждением**, а цели, которые я себе ставил, **грозили преступлением, падением, позором!** Я понял, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и краснобайствуют молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране, как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской!) массы требуют мощного направляющего воздействия, - в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго еще должна оставаться диктаториальной или самодержавной, потому что иначе она не будет чтимой и устрашающей, между тем как у нас до сих пор неперемное условие существования всякой власти - чтобы перед ней смирялись, чтобы в ней видели всемогущество, полученное от Бога, чтобы в ней слышали глас самого Бога. Конечно, этот абсолютизм, это самодержавное правление одного человека, стоящего выше закона, потому что он сам устанавливает закон, не может быть неизменной нормой, предопределяющей будущее; самодержавию суждено подвергнуться постепенному изменению и некогда поделиться половиною своей власти с народом. Но это наступит еще не скоро, потому что скоро наступить **не может и не должно**".

- Почему не должно? - переспросил Пушкина граф. "Все внезапное вредно, - ответил Пушкин. - Глаз, привыкший к темноте, надо постепенно приучать к свету. Природного раба надо постепенно обучать разумному пользованию свободой. Понимаете? Наш народ еще темен, почти дик; дай ему послабление - он взбесится".

Пушкин рассказал следующее графу Струтынскому о своей беседе с императором Николаем I в Чудовом монастыре:

"Я знаю его лучше, чем другие, - сказал Пушкин графу Струтынскому, - потому что у меня к тому был случай. Не купил он меня золотом, ни лестными обещаниями, потому что знал, что я не продажен и придворных милостей не ищущ; не ослепил он меня блеском царского ореола, потому что в высоких сферах вдохновения, куда достигает мой дух, я привык созерцать сияния гораздо более яркие; не мог он и угрозами заставить меня отречься от моих убеждений, ибо кроме совести и Бога я не боюсь никого, не дрожу ни перед кем. Я таков, каким был, каким в глубине естества моего останусь до конца дней: я люблю свою землю, люблю свободу и славу Отечества, чту правду и стремлюсь к ней и меру душевных и сердечных сил; однако я должен признать (ибо отчего же не признать), что Императору Николаю я обязан обращением моих мыслей на путь более правильный и разумный, которого я искал бы еще долго и может быть тщетно, ибо смотрел на мир не непосредственно, а сквозь кристалл, придающий ложную окраску простейшим истинам, смотрел не как человек, умеющий разбираться в реальных потребностях общества, а как мальчик, студент, поэт, которому кажется хорошо все, что его манит, что ему льстит, что его увлекает!

Помню, что, когда мне объявили приказание Государя явиться к нему, душа моя вдруг омрачилась - не тревогою, нет! Но чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение. Мозг ошестинился эпиграммой, на губах играла насмешка, сердце вздрогнуло от чего-то похожего на голос свыше, который, казалось, призывал меня к роли исторического республиканца

Катона, а то и Брута. Я бы никогда не кончил, если бы вздумал в точности передать все оттенки чувств, которые испытал на вынужденном пути в царский дворец, и что же? Они разлетелись, как мыльные пузыри, исчезли в небытие, как сонные видения, когда он мне явился и со мной заговорил. Вместо надменного деспота, кнутодержавного тирана, я увидел человека рыцарски-прекрасного, величественно-спокойного, благородного лицом. Вместо грубых и язвительных слов угрозы и обиды я слышал снисходительный упрек, выраженный участливо и благосклонно.

- Как, - сказал мне Император, - и ты враг твоего Государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой, Пушкин, Пушкин, это нехорошо! Так быть не должно.

Я онемел от удивления и волнения, слово замерло на губах. Государь молчал, а мне казалось, что его звучный голос еще звучал у меня в ушах, располагая к доверию, призывая о помощи. Мгновения бежали, а я не отвечал.

- Что же ты не говоришь, ведь я жду, - сказал Государь и взглянул на меня пронзительно.

Отрезвленный этими словами, а еще больше его взглядом, я наконец опомнился, перевел дыхание и сказал спокойно:

- Виноват и жду наказания.

- Я не привык спешить с наказанием, - сурово ответил император, - если могу избежать этой крайности, бываю рад, но я требую сердечного полного подчинения моей воле, я требую от тебя, чтоб ты не принуждал меня быть строгим, чтоб ты помог мне быть снисходительным и милостивым, ты не возразил на упрек во вражде к твоему Государю, скажи же, почему ты враг ему?

- Простите, Ваше Величество, что, не ответив сразу на Ваш вопрос, я дал Вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом моего Государя, но был врагом абсолютной монархии.

Государь усмехнулся на это смелое признание и воскликнул, хлопая меня по плечу:

- Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов! Республиканские химеры всех гимназистов, лицеистов, недоваренных мыслителей из университетской аудитории. С виду они величавы и красивы, в существе своем жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счете всегда ведущая к диктатуре, а через нее к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней не оказалось дельного руководителя. Силы страны в сосредоточенной власти, ибо где все правят - никто не правит; где всякий законодатель, - там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!

Государь умолк, раза два прошелся по кабинету, вдруг остановился предо мной и спросил:

- Что ж ты на это скажешь, поэт?

- Ваше Величество, - отвечал я, - кроме республиканской формы правления, которой препятствует огромность России и разнородность населения, существует еще одна политическая форма - конституционная монархия.

- Она годится для государств, окончательно установившихся, - перебил Государь тоном глубокого убеждения, - а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия еще не вышла из периода борьбы за существование, она еще не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла своего предназначения, она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть вполне установившаяся, монолитная, ибо элементы, из которых она состоит до сих пор, друг с другом не согласованы. Их сближает и спаивает только самодержавие, неограниченная; всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. Неужели ты думаешь, что будучи конституционным монархом я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние

самодержавной власти, врученное мне Богом, мало содействовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня! Не посмела! Потому что самодержавный царь был для нее представителем Божеского могущества и наместником Бога на земле, потому что она знала, что я понимаю всю великую ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бури и устрашают громы.

Когда он говорил это, ощущение собственного величия и могущества, казалось, делало его гигантом. Лицо его было строго, глаза сверкали, но это не были признаки гнева, нет, он в эту минуту не гневался, но испытывал свою силу, измерял силу сопротивления, мысленно с ним боролся и побеждал. Он был горд и в то же время доволен. Но вскоре выражение его лица смягчилось, глаза погасли, он снова прошелся по кабинету, снова остановился передо мною и сказал:

- Ты еще не все высказал, ты еще не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений, может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело, я хочу тебя выслушать и выслушаю.

- Ваше Величество, - отвечал я с чувством, - Вы сокрушили главу революционной гидры, Вы совершили великое дело, кто станет спорить? Однако... есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым Вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно Вас уничтожит!

- Выражайся яснее, - перебил Государь, готовясь ловить каждое мое слово.

- Эта гидра, это чудовище, - продолжал я, - самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры, поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не достигло, нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена, справедливость в руках самоуправств! Над честью и спокойствием семейств издеваются негодяи, никто не уверен ни в своем достатке, ни в свободе, ни в жизни. Судьба каждого висит на волоске, ибо судьбою каждого управляет не закон, а фантазия любого чиновника, любого доносчика, любого шпиона. Что ж удивительного, Ваше Величество, если нашлись люди, чтоб свергнуть такое положение вещей? Что ж удивительного, если они, возмущенные зрелищем униженного и страдающего Отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтоб уничтожить то, что есть, и построить то, что должно быть: вместо притеснения - свободу, вместо насилия - безопасность, вместо продажности - нравственность, вместо произвола - покровительство законов, стоящих надо всеми и равных для всех! Вы, Ваше Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к ее осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного. Вы могли и имели право покарать виновных, в патриотическом безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что даже карая их, в глубине души, Вы не отказали им ни в сочувствии, ни в уважении. Я уверен, что если Государь карал, то человек прощал!

- Смелы твои слова, - сказал Государь сурово, но без гнева, - значит, ты одобряешь мятеж, оправдываешь заговорщиков против государства? Покушение на жизнь монарха?

- О нет, Ваше Величество, - вскричал я с волнением, - я оправдываю только цель замысла, а не средства. Ваше Величество умеете проникать в души, соблаговолите проникнуть в мою и Вы убедитесь, что все в ней чисто и ясно. В такой душе злой порыв не гнездится, а преступление не скрывается!

- Хочу верить, что так, и верю, - сказал Государь более мягко, - у тебя нет недостатка ни в благородных побуждениях, ни в чувствах, но тебе недостает рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага. Знай, что критика легка и что искусство трудно: для глубокой реформы, которую Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был тверд и силен. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех

высших духовных сил государства в одной великой передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления в народе и чувства чести в обществе. Пусть все благонамеренные, способные люди объединятся вокруг меня, пусть в меня уверуют, пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их, и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях - победа, в согласии благородных сердец - спасение. Что же до тебя, Пушкин, ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника, вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание - воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов! Теперь... можешь идти! Где бы ты ни поселился, - ибо выбор зависит от тебя, - помни, что я сказал и как с тобой поступил, служи Родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства, пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим - буду я.

Такова была сущность пушкинского рассказа. Наиболее значительные места, запечатлевшиеся в моей памяти, я привел почти дословно".

Комментируя приведенный выше отрывок из воспоминаний графа Струтынского, В. Ходасевич пишет: "Было бы рискованно вполне полагаться на дословный текст Струтынского, но из этого не следует, что мы имеем дело с вымыслом и что общий смысл и общий ход беседы передан неверно. Отметим, что на буквальную точность записи не претендует и сам автор, подчеркивающий, что наиболее значительные места приведены им почти буквально. Вполне возможно, что они даже были записаны Струтынским вскоре после беседы с Пушкиным: биограф и друг Струтынского, в свое время небезызвестный славист А. Киркор, рассказывает, что у Струтынского была необычайная память и что кроме того незадолго до смерти он сжег несколько томов своих дневников и заметок. Может быть, среди них находились и более точно воспроизведенные, сделанные по свежим воспоминаниям отрывки из беседы с Пушкиным, впоследствии послужившие материалом для данной записи, в которой излишняя стройность и законченность составляют, конечно, не достоинство, а недостаток.

"Повторяю еще раз, - заканчивает Вл. Ходасевич свои комментарии, - запись нуждается в детальном изучении, которое одно позволит установить истинную степень ее достоверности. Но во всяком случае просто отбросить ее, как апокриф, нет никаких оснований. В заключение отметим еще одно обстоятельство, говорящее в пользу автора. Пушкин умер в 1837 году. Смерть его произвела много шума не только в России, но и за границей. Казалось бы, если бы Струтынский был только хвастуном и выдумщиком, пишущим на основании слухов и чужих слов, - он поспешил бы при первой возможности выступить со своим рассказом, если не в русской печати, то заграничной. Он этого не сделал и своему повествованию о знакомстве с Пушкиным отвел место лишь в общих своих мемуарах, публикация которых состоялась лишь много лет спустя".

"Москва, - свидетельствует современник Пушкина С. Шевырев, - приняла его с восторгом: везде его носили на руках. Приезд поэта оставил событие в жизни нашего общества". Но всеобщий восторг сменился скоро потоками гнусной клеветы, как только в масонских кругах общества стал известен консервативный характер мировоззрения возмужавшего Пушкина. Вольтерьянцы и масоны не простили Пушкину, что он повернулся спиной к масонским идеям об усовершенствовании России революционным путем, ни того, что он с симпатией высказался о духовном облике подавателя восстания декабристов - Николае I.

Поняв, что в лице Пушкина они приобретают опасного врага, вольтерьянцы и масоны прибегают к своему излюбленному приему политической борьбы - к клевете. В ход пускаются сплетни о том, что Пушкин купил расположение Николая I ценой пресмыкательства, подхалимства и шпионажа. Когда Пушкин написал "Стансы", А.Ф. Воейков сочинил на него следующую эпиграмму:

Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал,
И стал придворный лизоблюд.

В одном из своих писем В. Вяземскому Пушкин сообщает: "Алексей Полторацкий сболтнул в Твери, что я шпион, получаю за то две тысячи пятьсот в месяц <...> и ко мне уже являются троюродные братцы за местами и милостями царскими".

На распушенные клеветнические слухи Пушкин ответил замечательным стихотворением "Друзья":

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Начинаются преследования со стороны полиции, продолжавшиеся до самого убийства Пушкина. Историки и пушкинисты из числа членов Ордена Р.И. всегда изображают дело так, что преследования исходили будто бы от Николая I.

Эту масонскую версию надо отвергнуть как противоречащую фактам. Отношения между Николаем I и Пушкиным не дают нам никаких оснований заподозрить Николая Первого в том, чтобы у него было желание преследовать гениального поэта и желать его гибели. В предисловии к работе С. Франка "Пушкин как политический мыслитель" П. Струве верно пишет, что: "Между великим поэтом и царем было огромное расстояние в смысле образованности, культуры вообще: Пушкин именно в эту эпоху был уже человеком большой, самостоятельно приобретенной культуры, чем Николай I никогда не был. С другой стороны, как человек огромной действительной воли, Николай I превосходил Пушкина в других отношениях: ему присуща была необычайная самодисциплина и глубочайшее чувство долга. Свои обязанности и задачи Монарха он не только понимал, но и переживал **как подлинное служение**. Во многом Николай I и Пушкин, как конкретные и эмпирические индивидуальности, друг друга не могли понять и не понимали. Но в то же время они друг друга, как люди, по всем **достоверным признакам и свидетельствам**, любили и еще более ценили. Для этого было много оснований. Николай I непосредственно ощущал величие пушкинского гения. Не надо забывать, что Николай I по собственному, **сознательному решению**, приобщил на равных правах с другими образованными русскими людьми политически подозрительного, поднадзорного и в силу этого поставленного его предшественником в исключительно неблагоприятные условия Пушкина к русской культурной жизни и даже, как казалось самому Государю, поставил в ней поэта в исключительно привилегированное положение. Тягостные стороны этой привилегированности были весьма ощутимы для Пушкина, но для Государя прямо непонятны. Что поэта бесили нравы и приемы полиции, считавшей своим правом и своей обязанностью во все вторгаться, было более чем естественно - этими вещами не меньше страстного и подчас несдержанного в личных и общественных отношениях Пушкина возмущался кроткий и тихий Жуковский. Но от этого возмущения до отрицательной оценки фигуры самого Николая I было весьма далеко. Поэт хорошо знал, что Николай I был - со своей точки зрения самодержавного, то есть неограниченного, монарха - до мозга костей проникнут сознанием не только **права** и силы патриархальной монархической власти, но и ее **обязанностей**". "Для Пушкина Николай I был настоящий властелин, каким он себя показал в 1831 году на Сенной площади, заставив силой своего слова взбунтовавшийся по случаю холеры народ пасть перед собой на колени (См. письмо Пушкина к Осиповой от 29 июня 1831 года). Для автора знаменитых "Стансов" Николай I был Царь "суровый и могучий" (19 октября 1836 года). И свое отношение к Пушкину Николай I также рассматривал под этим углом зрения".

Хорошее отношение к Николаю I Пушкин сохранил на протяжении всей своей жизни. Вернувшись после коронации Николаю I Бенкендорф писал: "Пушкин, автор, в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и величайшей преданностью". Через несколько месяцев Бенкендорф снова пишет: "После свидания со мною Пушкин в Английском клубе с восторгом говорил о В.В. и побудил лиц, обедавших с ним, пить за В.В." В октябре 1827 года фон Кок, чиновник III отделения, сообщает: "Поэт Пушкин ведет себя отменно хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя".

"Вы говорите мне об успехе "Бориса Годунова", - пишет Пушкин Е.М. Хитрово в феврале 1831 года, - по правде я не могу этому верить. Успех совершенно не входил в мои расчеты, когда я писал его. Это было в 1825 году - и потребовалась смерть Александра, и неожиданное благоволение ко мне нынешнего Императора, **его широкий и свободный взгляд на вещи**, чтобы моя трагедия могла выйти в свет".

"Из газет я узнал новое назначение Гнедича, - пишет Пушкин в феврале 1831 года. - Оно делает честь Государю, которого **искренне люблю** и за которого всегда радуюсь, когда он поступает прямо по-царски". В том же году он сообщает П.В. Нащокину: "Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне Царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубков с Павловым явятся ко мне с распростертыми объятиями". И некоторое время спустя пишет снова ему: "Царь (между нами) взял меня на службу, то есть дал жалование и позволил рыться в архивах для составления истории Петра I. Дай Бог здоровья Царю". В 1832 году поэт получил как личный подарок Николая I "Полное Собрание Законов Российской Империи".

28 февраля 1834 года Пушкин записывает в дневник: "Государь позволил мне печатать Пугачева; мне возвращена рукопись с его замечаниями (очень дельными)... 6 марта имеется запись "...Царь дал мне займы двадцать тысяч на напечатание Пугачева. Спасибо".

Пушкин, не любивший Александра I, не только уважал, но и любил императора Николая I. Рассердившись раз на царя (из-за прошения об отставке), Пушкин пишет жене: "Долго на него сердиться не умею". 24 апреля 1834 года он пишет ей же: "Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: добра от добра не ищут". И ей же 16 июня 1834 года: "на **того** я перестал сердиться потому, что не Он виноват в свинстве его окружающих..."

Струве совершенно верно пишет, что можно было бы привести еще длинный ряд случаев не только покровительственного, но и прямо любовного внимания Николая I к Пушкину. "Словом, все **факты** говорят о том взаимоотношении этих двух больших людей, наложивших каждый свою печать на целую эпоху, которое я изобразил выше. Вокруг этого взаимоотношения - под диктовку политической тенденции и неискоренимой страсти к злоречивым измышлениям - **сплелось целое кружево глупых вымыслов, низких заподозрений, мерзких домыслов и гнусных клевет**. Строй политических идей даже зрелого Пушкина был во многом не похож на политическое мировоззрение Николая I, но тем значительнее выступает непререкаемая взаимная личная связь между ними, основанная одинаково и на их человеческих чувствах и на их государственном смысле. Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ".

Николай Первый ценил ум и талант Пушкина, доброжелательно относился к нему как к крупному, своеобразному человеку, снисходительно смотрел на противоречащие придворному этикету выходки Пушкина, не раз защищал его от разного рода неприятностей, материально помогал ему. Вот несколько фактов, подтверждающих это. После разговора с Пушкиным в Чудовом монастыре Николай I, как сообщает П.И. Бартенев, подозвал к себе Блудова и сказал ему: "Знаешь, что нынче говорил с умнейшим человеком в России?" На вопросительное недоумение Блудова Николай Павлович назвал Пушкина" (*П.И. Бартенев. Русский Архив. 1865 год*).

Когда против Пушкина масонскими кругами, злыми за измену Пушкина масонским "идеалам", было поднято обвинение в том, что он является автором порнографической

"Гавриилиады", Николай I приказал передать Пушкину следующее: "...Зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем". После отправления Пушкиным Николаю I письма, содержание которого осталось тайной даже для членов следственной комиссии, Пушкин, по распоряжению Николая I, к допросам по делу об авторе "Гавриилиады" больше не привлекался.

На полях письма Пушкина Николаю I о подлых намеках редактора "Северной Пчелы" Булгарина о его негритянском происхождении Николай I написал, что намеки Булгарина не что иное, как "низкие подлые оскорбления", которые "обесчещивают не того, к кому относятся, а того, кто их написал". Эта резолюция была сообщена Пушкину и доставила ему большое моральное удовлетворение. Прочитав в "Северной Пчеле" клеветническую статью по адресу Пушкина, Николай I в тот же день написал Бенкендорфу: "Я забыл Вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере "Пчелы" находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и **если возможно, запретить журнал**".

Сравните это письмо самодержца к начальнику тайной полиции и подумайте о том, как поступили бы в подобном случае большевистские властители - законные наследники Ордена Р.И., и вам станет ясно, насколько демократичен был образ мыслей Николая I, Он не приказывает запретить не нравящийся ему орган печати, а просит только начальника тайной полиции запретить его выход, если это возможно сделать согласно существующим законам о печати.

Бенкендорф, как и всегда, встал, конечно, не на сторону Пушкина и Николая I, а на сторону Булгарина. Он убедил Николая I, что нельзя запретить издавать "Северную Пчелу" и что ему нельзя запретить писать в ней клеветнические статьи. Зато Бенкендорф быстро нашел повод закрыть "Литературную Газету" Дельвига, в которой сотрудничал Пушкин, после закрытия которой русская словесность, по характеристике Пушкина, была "с головою выдана Булгарину и Гречу".

После закрытия "Литературной Газеты" Пушкин неоднократно возбуждал ходатайство о разрешении издавать ему газету литературно-политического характера. Но восстановление равновесия, при котором писатели национального направления могли бы вести борьбу с литературными и политическими прощелыгами типа Булгарина и Греча, было совершенно не в интересах ушедших в подполье масонов. Бенкендорф, используемый, видимо, масонами из числа лиц, принадлежащих к придворному кругу, давал всегда отрицательные заключения по поводу ходатайства Пушкина, и издание газеты ему не разрешалось.

Библиография

1. *Абрамович С.Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина: январь 1836 - январь 1837. СПб., 1994.
2. *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1833 году. Хроника. М., "Слово", 1994.
3. *Амфитеатров А.В.* "Святогрешный" // Возрождение. Париж, 1937, № 4064, 6 февр.; М., Сов. культура. 1989, 18 февр.
4. *Анастасий* (Грибановский), митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. Белград, 1039. Изд. 2-е, Мюнхен, 1947.
5. *Андреев И.М., А.С.* Пушкин. (Основные особенности личности и творчества гениального поэта). В кн.: *Андреев И.М.* Очерки по истории русской литературы XIX века. Сб. 1. Джорданвилль, 1968.
6. *Анненков П.В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855.
7. *Антоний* (Храповицкий), митрополит. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград, 1929.

8. *Антоний* (Храповицкий), епископ. Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 // Православный собеседник. Казань, 1899, июнь.
9. *Арапова-Ланская А.* К семейной хронике жены А.С. Пушкина. М., 1994. Белградский Пушкинский сборник. (Предисл. акад. А.И. Белича, под ред. Е.В. Аничкова) Изд. Русского Пушкинского комитета в Югославии. Белград, 1937.
10. *Бурачек С.О.* Видение в царстве духов. // "Маяк". Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. Т. 10. СПб., 1840.
11. *Васильев Б.А.* Духовный путь Пушкина. М., 1994.
12. *Владимирский Н.* Отражение религиозного настроения в поэзии Пушкина. Казань, 1899.
13. *Воробьев Г.* Женщины - сослагательницы церковных песнопений // Русский архив. М., 1893, кн. 1, ч. II.
14. *Восторгов И.*, протоиерей. Памяти А.С. Пушкина: I. Вечное в творчестве поэта. II. Идеализм в жизни. III. Заветы поэта. - Протоиерей *Иоанн Восторгов*. Поли. собр. соч. в 5 тт. Т. 1. М., 1914.
15. Галицкая Русь Пушкину в 100-летнюю годовщину его смерти. Львов, 1937. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919.
16. *Гиппиус Вл.* Пушкин и христианство. Пг., 1915; Вестник РХД. Париж, 1987, № 149.
17. *Гоголь Н.В.* Духовная проза. М., "Русская книга", 1992.
18. *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. СПб., 1899.
19. Дело о перевозке тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию // Русская старина, 1907, февр.
20. Достоевский Ф.М. Пушкин. - *Ф.М. Достоевский*. Поли. собр. соч. В 30 тт. Т. 20. Дневник писателя), 1877-1880. Л., "Наука", 1984.
21. *Жуковский В.А.* Письмо к С.А. Пушкину. // "Современник". Т. 5. СПб., 1837; "Русский архив", 1864.
22. *Иванов В.Ф.* От Петра I до наших дней. Харбин, 1934.
23. *Иванов В.Ф.* Православный мир и масонство. Харбин, 1935.
24. *Иванов В.Ф.* Пушкин и масонство. Харбин, 1940.
25. *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1976.
26. *Измайлов Н.В.* Стихотворение Пушкина "Мирская власть" в связи с находкой автографа // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Л., 1954. Т. XIII, вып. 6.
27. *Ильин И.А.* Родина и Гений. Три речи. София, 1934.
28. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина. Рига, 1937.
29. *Кибальник С.А.* О стихотворении "Из Пиндемонти" (Пушкин и Гораций) // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982.
30. *Кибальник С.А.* Смерть у А.С. Пушкина как поэтическая и религиозная тема, - Христианство и русская литература. Сб. статей. СПб., "Наука", 1994.
31. *Константин* (Зайцев), архимандрит. Пушкин как учитель жизни. // "Русская мысль", Париж, 1927, М 1. Котляревский Н. Пушкин и Россия. Пг., 1922.
32. *Лепяхин В.* "Отцы пустынноики и жены непорочны..." (Опыт подстрочного комментария) // "Журнал Московской Патриархии", 1996, № 6.
33. *Макарий* (Булгаков), митрополит. "И сотвори ему вечную память". Речь митрополита Макария на Пушкинском празднике в Москве (1880) // "Московские Церковные ведомости", 1880, М 24; "Московские ведомости", 1880, № 156; "Православное обозрение", 1880, № 6-7.
34. Митрополит Московский Филарет и А.С. Пушкин // Троицкое слово. Сб. духовно-нравственного просвещения. Сергиев Посад, 1990, № 2.
35. *Мякотин В.А.* Пушкин и декабристы. Берлин - Прага, 1923.
36. *Н.Н.* (В. Мороз) "Апокалипсическая песнь" Пушкина. Опыт истолкования стихотворения "Герой". М., 1993.

37. *Никанор* (Бровкович), архиепископ. Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина) // "Православное обозрение", 1887, март.
38. *Никольский В.В.* Идеалы Пушкина. // "Христианское чтение", 1882, № 2. Отдельн оттиск - СПб., 1882.
39. *Непомнящий В.* Дар. Заметки о духовной биографии Пушкина. // "Новый мир", 1989, М 6,
40. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1973.
41. *Ободовская И., Дементьев М.* После смерти Пушкина. М., 1980.
42. *Панченко А.М.* Пушкин и Русское Православие // "Русская литература", 1990, № 2.
43. Переписка А.С. Пушкина с Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым) // "Пастырский собеседник", 1889, № 18.
44. *Пигалев В.* Пушкин и масоны. // "Литературная Россия", 1979, 9 февр.
45. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827-1832. Л., 1927.
46. *Позов А.* Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967.
47. *Полонский Я.Б.* Библиография зарубежной библиографии // Временник Общества друзей русской книги. В 4-х тт. Т. 1, Париж, изд. Я. Поволоцкой, 1925.
48. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX - первая половина XX вв. (Сост. Р.А. Гальцева.). М., "Книга", 1990.
49. Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. I-VI. СПб., 1993-1994.
50. Пушкинский сборник. Прага, Русский институт, 1929.
51. *Рождественский С.В.* Пушкин: Черты внутреннего облика. М., 1899.
52. *Розанов В.В.* А.С. Пушкин // "Новое время". СПб., 1899, М 8348, 20 мая.
53. *Розанов В.В.* Кое-что новое о Пушкине. // "Новое время". СПб., 1900, № 8763, 21 июля.
54. Россия и Пушкин. 1837-1937. Харбин, изд. Русской академич. группы, 1937.
55. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., Academia, 1935.
56. Сборник Русского института в Праге. Т. I-II. Прага, 1929-1932.
57. *Смирнова-Россет А.О.* Записки (Из записных книжек 1826-1845 гг.). 4.1. СПб., "Северный вестник", 1895. Ч. II. СПб., 1897.
58. *Соловьев В.С.* Судьба Пушкина. СПб., 1898; "Вестник Европы", 1897, сент.
59. Сочинения Пушкина. Изд. Российской Академии. Т. IX, Ч. II: Примечания. Л., 1929.
60. *Старк В. П.* Стихотворение "Отцы-пустынники и жены непорочны..." и цикл Пушкина 1836 г. Пушкин. Исследования и материалы. Т. 10. Л., 1982.
61. Стихотворения Пушкина 1820-1830-х годов. Сб. статей. Л., "Наука", 1974.
62. Томашевский Б.В. История стихотворения "Как с древа сорвался предатель ученик..." // Пушкин и его современники. Вып. XXXVIII-XXXIX. Л., 1930.
63. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина. Т. I, Париж, 1929. Т. II, Париж, 1948.
64. *Улимин В.* Во дни Великого поста // "Кадетская переключка". М 57, Нью-Йорк, 1995.
65. *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель. (С предисл. и дополн. Петра Струве.). Белград, 1937.
66. *Франк С.Л.* Религиозность Пушкина. // "Путь". Париж, 1933, К 40.
67. *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.
68. *Ходасевич В.Ф.* О Пушкине. Берлин, "Петрополис", 1937.
69. *Черейский А.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975.
70. *Чернавин И.,* протоиерей. Пушкин как православный христианин. Прага, 1936.
71. *Черняев Н.И.* "Пророк" Пушкина в связи с его же "Подражанием Корану". Харьков, 1898.
72. Чествование памяти А.С. Пушкина в сотую годовщину его рождения. СПб., 1900.
73. *Цуриков Н.А.* Заветы Пушкина. Белград, 1937.
74. *Штейн фон, Сергей.* Пушкин-мистик. Историко-литературный очерк. Рига, 1931.
75. *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Вступительная статья и примечания *Я.Л. Левкович.* М., "Книга", 1987.